1 р. 75 к.
Гн625
Л168

Ф. П. Макаров

Октябрь и гражданская война в Удмуртии

Удгиз • 1932 • Ижевск

Ф. П. МАКАРОВ

ОКТЯБРЬ
И
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В
УДМУРТИИ

УДГИЗ — 1932 — ИЖЕВСК

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

1986

ФАДДЕЙ ПЕТРОВИЧ МАКАРОВ

ГК625
М168 Р

Отпечатано в типографии
УДГИЗ'а, гор. Ижевск,
Удмуртской авт. области,
улица Энгельса, д. № 4.

172
33 185680
Ч

I. Введение.

Царское правительство держало удмуртские трудящиеся массы под тяжким колониальным гнетом.

Оно смотрело на удмуртов, как и на все мелкие народности, как на безответную рабочую скотину. Удмуртов прикрепляли целыми селениями на самые трудные работы горных заводов, давали невероятно большие и дальние дорожные участки для систематического исправления и обслуживания, а местное царское чиновничество выдумывало всевозможные придирки для выжимания взяток.

Царская помещичье-феодальная клика вела неприкрытую колонизаторскую политику по отношению к удмуртским трудящимся массам, угнетая их и в экономическом и в культурном отношении. Она ставила своей целью выкачать из края, притом самым хищническим образом, его естественные богатства, получить свободные рынки, сбыта и сырья и т. д.

Царское правительство отбирало лучшие земли у удмуртского населения, переселяя туда русских колонистов, преимущественно кулаков, которые вместе с чиновниками творили произвол по отношению к туземному населению.

Обучение в школах на удмуртском языке категорически воспрещалось. Запрещен был удмуртам доступ в высшие учебные заведения. Поэтому не случайно, что до революции не было ни одного удмурта с высшим образованием. Что же касается средних учебных заведений, то туда попадали единицы и, понятно, только из верхних слоев населения, смыкавшихся с царскими приспешниками. Для полумиллионного удмуртского населения не издавалось на своем языке ни одной газеты, никакой литературы кроме богословской.

Под такое отношение к удмуртам царского правительства всевозможные „ученые“ и „исследователи“ подводили теоретическую „базу“.

Вот что пишет один из исследователей Бехтерев: „В физиономии вотяка мало привлекательности. Нельзя найти на лице его выражения ума, симпатии, не заметно веселости и игривости; красоты никогда не встречается. Напротив, отпечаток тупости в умственном отношении, вялости и флегматичности в движениях, скрытности и хитрости в характере резко проглядывает в наружности вотяка. Походка сутуловатая, медленная; во всех движениях заметно неповоротливость и леность; в действиях же не заметно той сметливости, которой может похвастаться русский человек“[1]) Где удмурту, по Бехтереву, до русского. Удмурт, по его мнению, рожден ленивым и

[1]) „Вестник Европы“ за 1880 г. кн. 8.

бестолковым, поэтому заранее обречен на вымирание. В той же статье он пишет об удмуртах следующее:

„Зимою же (удмурты. М. Ф.) в избу загоняют на ночь всех домашних животных, т. е. коровы, овцы, козы, гуси, утки, куры и проч. Здесь вместе со скотом вотяки спят на полу, вповалку, без различия пола и возраста... Ложки и ножи они моют в той же лохани, над которой умываются и из которой пьет скотина. Взяв из-под лавки чашку, из которой собака только что опорожнила молоко, вотяк даже не всегда сполоснет ее своими помоями из лохани и преспокойно ставит на стол для собственного употребления. Вообще вкус вотяка неразборчив до невероятности".

Эта разгульная, ничем не прикрытая великодержавно-шовинистическая белиберда сочинялась в угоду господствующих классов. Для того, чтобы всячески сеять рознь между народами, с целью ослабления нарастающего повсеместного революционного взрыва, царизму нужно было вызвать ненависть русских трудящихся к мелким народам, в том числе и к удмуртам. Именно для этого делались такие „исследования", к этому же-были направлены и такие судебные процессы, как всемирно-известное „Мултанское дело".

В Мултанском деле[1]) политика царизма получила особенно выпукло свое выражение. Царское правительство гнусными баснями о человеческих жертвоприношениях, якобы приносимых удмуртами, пыталось натравить русских на удмуртских трудящихся, поэтому задумало организовать грандиозную национальную резню. Только энергичное вмешательство прогрессивной интеллигенции помешало царским феодалам осуществить свой замысел.

Бывшая Вятская губерния, из части которой образовалась Удмуртская автономная область, является не характерной по помещичьему землевладению. Приблизительно из 700 тыс. душ крестьян по 10-ой ревизии (1858 г.) помещичьих крестьян обоего пола числилось всего 37058 душ [2]). Общая же площадь по данным за 1837 г. занимала приблизительно 12.074.327 дес., из которой помещикам принадлежало всего 390.629 дес. или 3,2% [3]).

---

[1]) Содержание Мултанского дела в основном сводится к следующему. Используя то обстоятельство, что удмурты, насильно обращенные в православие, не отрекались вместе с тем и от язычества, царское правительство распустило легенду, что удмурты, якобы, приносят своим богам человеческие жертвы. Около села Ст.-Мултан, Малмыжского уезда был найден труп нищего (русского) без головы и сердца. Царские приспешники пред'явили удмуртам обвинение в том, что они это, якобы, отрезали голову и вынули сердце этого человека для того, чтобы принести в жертву богам.

Начатое судебное дело затянулось с 1892 г. до 1896 г. В результате, после ряда разоблачений гнусной провокации царских ставленников, прогрессивной интеллигенцией, (В. Г. Короленко, В. И. Суходоев, А. Н. Баранов и др.), обвиняемые были оправданы. Подробнее об этом деле см. из сочинений В. Г. Короленко т. IV „Мултанское жертвоприношение". Луппов П. Н. „Громкое дело мултанских удмуртов (вотяков)", изд. вотского изд-ва „Удкнига".

[2]) Сборник „К столетию Вятской губ.". т. I, стр. 20.

[3]) Там-же стр. 415, 433. Примечание: из 12.074.327 дес. было под казенными лесами 6.392.848 дес. и 439.526 дес. при казенных заводах. На долю крестьянского надела, таким образом, оставалось 5.241.952 дес., при чем, в это же число входили оброчные статьи, под которыми было 20.856 дес.

Но несмотря на небольшую долю помещичьего землевладения, положение удмуртского крестьянства было здесь не только не лучше, но даже тяжелее чем положение крестьян тех губерний, где господствовало помещичье землевладение. Прежде всего здесь было сильное малоземелье. Крестьянам (государственным) из всей указанной выше площади в 1837 году принадлежало только 5.241.952 дес., а из остальной части размером около 7 млн. дес., приблизительно 6,5 млн. дес. находилось под казенными лесами, за удельным и артиллерийским ведомствами, а затем в руках дворян, монастырей, церквей и т. д. Поэтому крестьянин даже такой малозаселенной губернии при господстве чрезвычайно примитивного способа ведения сельского хозяйства, очень чувствовал земельную тесноту и не мало приарендовывал казенные и удельные земли. По признаниям самих руководителей губернии, для нормального ведения хозяйства еще в 1834 г. общий крестьянский надел по губернии должен был равняться 9.926.175 дес. земли, в то время, как этого крестьянского надела было всего 5.241.952 дес. Недоставало таким образом 4.684.223 дес., т. е., как видим, крестьянство имело только почти половину той нормы, которая полагалась для нормального ведения хозяйства и уплаты налогов царскому правительству. Это только один из моментов, характеризующих положение крестьянства Вятского края.

Самое главное здесь был общий колоссальный гнет, всевозможные феодальные повинности различные поборы царского чиновничества, и т. д. Если учесть все это вместе взятое, то картина встанет ужасающей.

„Устройство трактов в Вятской губ.,—по признанию даже такого „исследователя“ как Бехтерев,—для некоторых поселян было весьма обременительно... Некоторым из поселян отведены были для устройства трактов дорожные участки чрезвычайно большие и весьма далеко отстоящие от места жительства их, например, в 100 и даже в 170 верстах“ [1]). Местное чиновничество эту дорожную повинность ловко использовывало для пополнения своих карманов. „Заведывающий каким-нибудь участком, намечая дальний участок, расчитывал на дары в виде откупа и заранее предупреждал крестьян, что они могут получить взамен дальнего ближний, но только за определенное вознаграждение. Так в Ухтымской волости, Глазовского уезда, уездный землемер собрал за перемену дорожного участка по Вятско-Пермскому тракту денег с 342 душ по 50 коп. с каждой“ [2]).

До ужасающих размеров было развито взяточничество: сенатская ревизия в 1824 г. вскрыла по Сарапульскому уезду следующее:

Исправник принял разных подарков (читай взяток) на сумму 35.551 р. 44½ коп., уездный стряпчий получил 3.291 р. 53 к., дворянский заседатель 3.408 р., секретарь земского суда 2.148 р., уездный

---

[1]) „К 100-летию Вятской губ.“, сборн. материалов к истории Вятского края, статья Бехтерева, стр. 392.

[2]) „К 100 летию Вятской губ.“, сборник материалов к истории Вятского края, статья Бехтерева, стр. 440—442.

казначей 2.672 р. 89 к. и т. п. Тоже самое было вскрыто по Елабужскому и другим уездам Вятской губ. Елабужский исправник обвинялся в приеме незаконных подарков на 29.305 руб. 57 к., сельский заседатель принял 7.820 руб. 27½ к., а исправник Орловского уезда изловчился втечение своей годичной службы обобрать крестьян на 33.767 р. Таких вскрытых фактов о взяточничестве бесконечное множество. Чиновники даже доходили до того, что брали у беззащитного удмурта по 50 руб. за одну сырную лепешку, найденную в постный день.

Эти данные говорят только о вскрытых фактах. А сколько было таких, которые остались не вскрытыми, а вскрытые замазанными? Кроме прямого взяточничества, было распространено надувательство темного, неграмотного мужика. „Одним из таких средств было взыскание с крестьян денег под видом увеличения казенных податей. Так при ревизии волостных книг Елабужского уезда таких излишних сборов открыто 81.833 р. 80 к., при ревизии тех же книг в Котельническом уезде излишних сборов найдено 199.079 р. 33 к.“ [1]). Господствовал, как мы видим, полнейший грабеж и произвол. На этом деле чиновники наживали целые состояния.

Все это оставалось совсем или почти безнаказанно. О мерах наказания за взяточничество автор той же летописи событий отзывается таким образом: „Приговоры (по отношению к взяточникам—М. Ф.) были по большей части довольно снисходительные. Так, например, тот сарапульский исправник, о котором мы говорили выше, „оставлен в глубочайшем подозрении и удален от должности... уездный стряпчий оставлен в некотором подозрении. С другой стороны, лица, оговорившие (т. е. доказавшие—М. Ф.) их, также признаны виновными в недоказанном обвинении и только благодаря всемилостивейшему манифесту оставлены без наказания“...

„...Дворянский заседатель Загорский обвинялся в приеме подарков, но палата сочла возможным его оправдать; крестьяне же, которые так упорно продолжали обвинять Загорского в приеме подарков, за ложное показание были приговорены к ссылке, так как по коренным узаконениям доносители, не доказавшие своих доносов, подлежат тому же наказанию, какому следовал бы тот, на кого возведено преступление“.

Указанная сенатская ревизия совпала как раз с путешествием Александра I по Вятской губернии, который по поводу этой ревизии оставил Вятскому преосвященнику следующее назидание: „Я очень соболезную, что здесь комиссия сенаторов. Не столько будет виновных, сколько будет увлеченных в преступлении, или совершенно невинных, но оклеветанных. Вы можете употребить свое пасторское наставление для облегчения судьбы этих несчастных“ [2]). Некоторые данные из результатов ревизии нам уже показали лицо этих „несча-

[1]) Все данные о взятках по сборнику „К 100-летию Вятской губ.“, т. I, статья „Летопись событий“.

[2]) Сборник „К столетию Вятской губернии“) т. II, статья Бехтерева.

стных" кровопийцев, во главе с их коронованным покровителем. Как видно из императорского назидания, все эти ревизии были направлены не для вскрытия творимых грабежей и насилий, а для их узаконения. И это понятно, так как вся система самодержавия была направлена на наибольшее выжимание всех жизненных соков трудовых масс, особенно трудящихся из мелких народностей.

Наряду с господством повальных грабежей царским чиновничеством, значительное количество крестьянства Вятского края несло на себе неимоверные тяжести и другого рода. Их прикрепляли к горным заводам по выполнению вспомогательных работ для завода. В конце XVIII века таких приписаных к Воткинскому заводу числилось 12.215 человек и к Ижевскому—10.711 чел.[1]). Кроме этих двух казенных заводов по краю к тому времени функционировало 13 металлургических частных заводов; состав рабочих на них также—преимущественно приписные крестьяне. Таких приписных крестьян к концу того же лета по одному Уралу числилось 217.115 душ[2]).

Прикрепляли к заводам не только околозаводское население, но и за сто, двести и более верст от местожительства. Только в начале XIX века, в 1805 г. была отменена приписка дальных крестьян и заменена непременными работниками из близлежащих к заводу крестьян. Характер прикрепления к заводам, конечно, от этого не изменился, за исключением расстояния. Согласно этому изменению, к Ижевскому заводу теперь были прикреплены волости: Завьяловская, Бурановская, Якшур-Бодьинская, Юськинская и Нылгинская, расположенные кольцом вокруг Ижевского завода. В то время они были населены почти исключительно удмуртами. Характерно, что царский указ о непременных работниках не допускал удмуртов к основным заводским работам, как „неспособных", предоставляя им работать исключительно на тяжелых вспомогательных работах: „Поелику,—говорится в указе,—вотяки суть лучшие работники для работ, исправляемых ныне приписными крестьянами, для настоящих же работ (т. е. для работы у станка М. Ф.) не все могут быть способными"[3]).

На этом примере еще раз со всей четкостью вскрывается великодержавная политика царского правительства в отношении малых народностей.

К таким вспомогательным работам относились: рубка и вывозка леса и дров, жжение угля, починка плотины и другие земляные работы, но непременные (так назывались прикрепленные к заводу М. Ф.) преимущественно работали в лесу по рубке и вывозке дров. На это конный рабочий должен был отдавать 200 дней в году, а пеший—125—150 дней. Вся эта система оставалась до 1867 года, т. е. длилась еще 6 лет и после „Александровской реформы".

---

[1]) Труды Вятской учен. арх. комиссии за 1909 г., вып. II и III, статья Луппова

[2]) Пажитнов „Пром. труд в крепостную эпоху" изд. 1924 г, стр. 11—18.

[3]) Труды Вятской учен. архива ком. за 1909 г., вып. II и III, статья Луппова.

Последствия этого прикрепления сказываются и в наше время. Не случаен, например, тот факт, что по грамотности и вообще по культурному своему развитию около-ижевское крестьянство занимало в первые годы после революции самое последнее место по Удмуртской области. Так, по переписи 1920 г. по Ижевскому уезду грамотных 19%, Глазовскому—21,2%, Можгинскому—26,8%. Кроме этого: иллюстрацией этой отсталости около-ижевского крестьянства могут послужить известные лудорвайские события. Только крайняя отсталость и забитость лудорвайской бедноты могли способствовать происходившей массовой порке ее кулачеством.

Как отражалось прикрепление на крестьянах, можно судить и по статье Блинова в журнале Мин. Внутр. Дел за 1855 г. XI часть. Он пишет: „Урочный (непременный—М. Ф.) работник, которому лес служит пристанищем более половины года, во всех отношениях далеко отстал от мастерового: он груб и неповоротлив, к ремеслам мало способен и вовсе не занимается ими; умственные способности его развиты плохо; смышленности и сметливости в нем весьма мало...“ Точно так же отзывается о населении этого района Вятский епископ Нил, проехавший по этим местностям в 1836 г. Он записал в своем дневнике следующее: „Народ сих мест груб и даже дик; кажется оттого, что всю почти жизнь проводит в лесах. Об этом скорбя говорили они мне, называя свою долю тяжкой“[1]).

Если положение прикрепленных к заводу признавали тяжелым даже епископы, то каково, надо думать, было действительное положение этих крестьян!

Насколько тяжело приходилось прикрепленным к заводу удмуртам, можно судить по тому, что они неоднократно выступали против прикрепления. Одно из таких выступлений удмуртов против прикрепления к заводским работам было в 1807 году, когда крестьяне Юськинской волости в количестве 3000 чел. отказались дать свои имена прибывшему для производства прикрепления начальству, заявив, что „пусть хоть им головы рубят, но они имен своих никому никогда не скажут и к заводам не пойдут“[2]). Другое выступление было в августе того же года в Завьяловской вол., подавленное прибывшим отрядом казаков. Было выступление и в 1808 г. После ряда таких уроков ясно, что правительство не могло в какой-либо мере итти на „просвещение“ этого бунтующего района.

После всех этих выступлений политика царского правительства по отношению к прикрепленным стала еще жестче. Все это еще в большей степени отражалось на их состоянии.

Так приблизительно выглядит положение крестьянства нынешней Удмуртской автономной области до реформы 1861 г., вернее, до 1867 г., когда было отменено прикрепление к заводу. Не лучше оно стало и после нее. Основные трудовые массы крестьянства только пострадали от реформы, ибо она ограничилась открытием отдушины

---

[1]) „Вятские Епархиальные ведомости“ за 1907 г.

[2]) Труды учен. арх. комиссии за 1909 г., вып. II и III, ст. Луппова.

проникающему капитализму, пытаясь дать помещикам прусский путь развития, т.-е. помогая ему создать крупное, капиталистического типа с.-х. предприятие.

Во второй половине XIX века правительство взяло решительный курс (из-за „малоземелья“ в других районах) на заселение Вятского края русским населением. Сборник материалов по статистике Вятской губернии (т. VII, изд. 1892 г.) рядом таблиц пытается доказать, что удмуртское население владеет большими наделами, по сравнению с русскими, но тут же вынужден сделать противоположный вывод: „Благодаря большей настойчивости, трудолюбию и энергии русские в очень многих подобных смешанных (с удмуртами—М. Ф.) общинах путем переделов общинной земли по наличным душам и по экономической состоятельности домохозяев, уже захватили в свое владение даже больше земли, чем имеют вотяки. Вообще можно признать, что в Сарапульском уезде землевладение русских в течение всего последнего столетия, вследствие наплыва переселенцев из других уездов губернии, постоянно возрастало, а землевладение вотяков сокращалось. Что же касается значительно большего размера землевладения на один двор, на одного работника, на одну наличную душу у вотяков, чем у русских, то это об'ясняется отчасти весьма малым приростом населения у вотяков. Кажется, приходится признать, что вотяки слабое, вымирающее племя, которое рано или поздно уступит свое место русским“ [1]).

На этот путь,—путь выживания с лучших земель и путь вырождения удмуртов,—встало царское правительство и оно это твердо проводило. Беззащитное удмуртское население при такой политике, естественно, не только не могло развиваться, но и стало катиться к физическому вымиранию.

Но удмуртские трудящиеся массы угнетались и эксплоатировались не только царским правительством и его чиновниками, не только пришлым русским кулачеством, но и „своим собственным“ удмуртским кулачеством.

Капиталистические отношения в крае в начале XX века уже получили значительное развитие. Об этом можно судить по различного рода данным. Так, например, относительно развития рыночных отношений в крае можно судить по данным о выдаче торговых свидетельств по Вятской губернии: если в 1858 г. было выдано таких свидетельств 906, то в 1864 г. их уже было 7.098, а в 1894 г.—12.510 [2]).

К 90-ым годам прошлого столетия стало также чрезвычайно быстро развиваться ремесленничество и отходничество. Так, по Сарапульскому уезду к 1890 г. всех дворов, занятых ремеслом, было 11.417. Из них на рынок работало 1.971 двор, на скупщика—35, на заказчика — 3.676, на хозяина — 2.063 и остальные 3.670 человек не-

---

[1]) Материалы по статист. Вятск. губ., т. VII Сарап. уезд, стр. 14, гл. I—статья Катаева.

[2]) Истор. статист. сборник за 1895 г., статья Голубева, по неизданной хрестоматии Максимова В. А.

известно на кого при чем, круглый год работало 4.305 дворов, а остальные по сезонам. Кроме того, в других разных промыслах, связанных с отходом из дома, включая и ижевских, и воткинских рабочих, занято по уезду 32.627 [1]).

Ту же самую картину развития капитализма в крае подтверждают данные об арендных отношениях. Возьмем тот же Сарапульский уезд Вятской губернии. Число арендующих дворов в ненадельной земле к 1890 г. достигло 9.367 дворов, а число дворов, арендующих надельную и вненадельную земли, равнялось 17.493 двор., из 50.710 дворов по уезду [2]).

Таким образом немного больше половины общего количества дворов по уезду приарендовывают к своему наделу и приарендовывает, разумеется, не та часть крестьянства, у которой отсутствует рабочий скот, а преимущественно верхние слои деревни для продажи хлеба. Особенно развита эта аренда в тех районах, в которых земельных наделов действительно было недостаточно, а такими районами по уезду были заводские, т.-е. Ижевский и Воткинский районы. В этих двух районах было всего 8.555 дворов или 15% к общему числу дворов по уезду, но имели они всего 23.615,5 дес. или 3,2% площади уезда. Если перевести этот надел на одну наличную душу мужского пола, получится, что бывшие непременные имели в среднем 1,3 дес., а у бывших государственных крестьян на одну наличную душу мужского пола приходилось в это же время 6 дес.

Таким образом, эти данные показывают нам, с одной стороны, насколько проник к этому времени капитализм в сельское хозяйство губернии и, с другой стороны,—насколько было хуже экономическое положение непременных, т. е. прикрепленных к заводам, крестьян,—по сравнению с другими районами.

Аренда была развита и в других уездах губернии. Проследим это на данных по Глазовскому уезду, который является первым по губернии в смысле преобладания удмуртского населения. В некоторых волостях этого уезда (Песковская волость) процент арендующих дворов доходит до 77, а самый низкий процент арендующих (9,9 проц.) в Сюрзинской волости. Авторы сборника об арендных отношениях по Глазовскому уезду дают такие общие данные: „К аренде земель вынуждены прибегать в 11 волостях больше $^1/_3$ всех домохозяев, в 12—$^1/_2$ населения и в 19 волостьх—$^1/_6$ населения [3]).

Эти данные так же как и по Сарапульскому уезду, говорят о значительном проникновении капитализма и в удмуртскую деревню. Часть удмуртской верхушки была занята также торговлей и лесными промыслами. Все это вместе взятое определенно говорит о наличии среди удмуртов национальной буржуазии и со всей очевидностью опровергает ходящую, кое-где и до сих пор, теорию об отсутствии

---

[1]) Матер. по статист. Вятск. губ., т. VII, ч. II, изд. 1892 г., стр. 582—583.
[2]) Там же. Сарапульский уезд, 226 стр.
[3]) Материалы по стат. Вятской губ., т. VIII, Глазовск. уезд, данные относятся также к 1890 г.

классовой диференциации в дореволюционной удмуртской деревне. согласно этой теории все удмурты в экономическом отношении до революции были одинаковы, между собой жили мирно и дружно, но вот, видите ли, большевики искусственно выдумали кулачество и бедноту и этим самым вносят разлад в дружную удмуртскую деревню.

Приведем одного из проповедников этой теории — известного буржуазного националиста Герда. Вот что он писал в 1919 г.: „Между собой вотяки живут дружно, любовно. Они всегда и во всем помогают друг другу деньгами, работой, разумным дружеским словом. Без соседей вотяк не решается ни на какое дело". „В вотятских деревнях нет богачей, но и нет таких, которым негде приклонить голову. Достатки у всех „примерно равные, и все почти живут одинаково" [1]).

Эта теория не выкорчевана и до сих пор и находит себе место в чрезвычайно важных и ответственных изданиях. Например, в БСЭ (Большая Советская Энциклопедия), в статье „Вотяки" тот же самый Герд пишет в таком же духе что и в 1919 г., но только в более прикрытой форме: „Среди вотяков сильно развиты коллективизм и взаимопомощь, и почти совершенно отсутствует нищенство". В слове же „Вотская литература" (тот же том БСЭ) Герд плачет — „об уходящей старине". „Легенды и предания,—пишет он,—овеяны (у удмуртов М. Ф.) романтизмом: тема в них — идеализация ушедшей и уходящей старины, воспевание „золотого века кылдысина"—„бога плодородия".

Как мы видим, эта кулацкая теория об отсутствии нищенства и богатеев среди удмуртов и воспевание уходящей „золотой старины", находило себе место не только в 1919 году, но и в 1929 году и, к сожалению, находит место и сейчас.

Для того, чтобы яснее показать действительное лицо удмуртской дореволюционной деревни, вернемся снова к вопросу о диференциации крестьянства, но уже к диференциации более позднего периода, периода империалистической войны.

Для доказательства степени классового расслоения в удмуртской деревне накануне Февральской революции, возьмем показатели по рабочему скоту в наиболее типичном с удмуртским населением в Глазовском уезде. Здесь по данным 1920 г., исключая самый город, удмуртское население составляло 66,8% к общему числу населения в сельских местностях уезда, русских — 26,9%, а остальные 6,3 проц. падали на другие национальности [2]). По данным за 1916 год по этому уезду значится 63.719 хозяйств, из которых безлошадных 5,6%, однолошадных—39,2%, 4 и более лошадных 5,4%, а остальные 48,9% падают на 2-х и 3-х лошадных [3]).

---

[1]) Газета „Жизнь национальностей" № 96 (34) за 1919 г. — статья Герда („Среди вотяков").

[2]) Вотск. авт. обл.—„Народное хоз-во", 1921-26 г., изд. Обика, 1926 г.

[3]) „Материалы по статистике В А О", итоги с.-х. переписи за 1916 г., изд. 26 г. Ижевск, стр 56-57.

Для большей убедительности возьмем две наиболее типичные волости этого уезда с удмуртским населением — Лыпскую и Поломскую, в которых удмуртское население составляет две трети и больше[1]). В Лыпской волости по данным 1916 г., 1.639 хозяйств, из которых безлошадных — 4,4%, однолошадных — 29,8%, с 4-мя и более— 5,7% а остальные 59% падают на двух и трех лошадных. Вторая волость Поломская имеет 1878 хозяйств, из которых безлошадных 4,8%, однолошадных 35,6%, с четырьмя и более—6%, а остальные 53,6% падают на двух и трех-лошадных[2]).

Эти данные, как мы видим, сходятся с по-уездными. По этому они более или менее точно отражают действительную картину тех социальных групп, которые сложились в удмуртской деревне к периоду империалистической войны.

Но что же представляют из себя эти 4—5% безлошадных и 30—40% однолошадных, составляющих вместе почти половину всего крестьянства Удмуртии? Ответим на этот вопрос словами В. И. Ленина. Последний в своем труде „Развитие капитализма в России", в выводах о безлошадном и однолошадном крестьянине, писал:... „Вряд ли есть преувеличение в нашем примерном расчете, относящем к сельскому пролетариату всех безлошадных и до $^3/_4$ однолошадных крестьян. Это крестьянство наименее обеспечено надельной землей, зачастую сдает ее по неимению инвентаря, семян и проч... Своим хозяйством ему никогда не прокормиться, и главным источником средств к жизни являются у него „промыслы" или „заработок", т. е. продажа своей рабочей силы. Это класс наемных рабочих с наделом, батраков, поденщиков, чернорабочих, строительных рабочих и проч. и проч." Эта характеристика, данная Лениным русской деревне, целиком и полностью стала применимой и к удмуртской с самого начала XX столетия.

Если мы примем во внимание то, что в земельных отношениях в удмуртской деревне была развита сдача земли „шори вылэ" (по исполу), то будет ясна эксплоатация, которую несли эти две группы крестьян.

Форма сдачи земли на условиях „шори вылэ" в ряде мест и в разные годы, в зависимости от урожая и, следовательно, от запасов семян и хлебных цен, принимала разную окраску, но все время чрезвычайно с большой выгодой кулаку. Так, например, в одной и той же деревне бедняк, скажем, в этот год сдает свою землю с обязательством, что арендующий сам засевает арендованный участок своими семенами, при чем, иногда половину урожая убирает он же, а на другой год тот же участок бедняк уже вынужден сдать землю исключительно из-за семян, а вся обработка ложится на сдатчика и за все это он получает только половину урожая, из которого добрая поло-

---

[1]) Вотск. Авт. Обл. „Народное хоз-во" 1921—26 г. изд. Обика, Ижевск, 26 г. стр. 12.

[2]) Материалы по статистике Вотск. Авт. Обл. итоги сел.-хоз. переписи за 1916 г., Ижевск, изд. 26 г., стр. 56—57.

вина идет на подушную подать и наряду с податью он же несет все общественные повинности, связанные с владением надельной землей, поэтому нет ничего удивительного, что этот крестьянин превращается в батрака с наделом.

Таким образом, аренда на условиях „шори вылэ" чрезвычайно выгодна кулаку. Кулак дает семена и, не ударив палец о палец, получает половину урожая. Он (кулак) не связан с податью с арендованной земли и свободен от всякой канители по общественным повинностям. Поэтому-то и не случайно, что форма эксплоатации бедноты посредством „шори вылэ" была сильно развита в Удмуртии. Не было почти ни одной удмуртской деревни, где 4—6% верхушки крестьян не имела бы от 5 до 20 скирд (хлебных кладей) в каждом от 200 до 300 пудов хлеба. Эти клади иногда простаивали десятки лет, ожидая благоприятной кон'юнктуры на хлебном рынке и шли в обмолот в неурожайные или недостаточно урожайные годы.

Рассмотрим теперь последние две группы крестьян, из которых значительное место занимают 2—3-х лошадные. Если из всех хозяйств по уезду выделить особо трехлошадных, то они составляют 4.289 хозяйств или 11,6%, а двухлошадные 13.722 хозяйства или 37,3%.

Хозяйства, имеющие трех лошадей в своем большинстве безусловно, относятся к верхним слоям деревни и нередко прибегают к той же аренде и наемному труду; вместе с явно кулацкой частью крестьянства они составляли 15—17% всех хозяйств. Двухлошадные, состовляющие по уезду 37,3%, в своей основной массе является средним крестьянством, небольшая часть из которой приближается к верхним слоям, а значительную массу, в силу неумолимых законов капиталистических отношений, ожидала та же участь, что и однолошадных.

Но характеризовать классовую диференциацию удмуртской деревни по одному рабочему скоту было бы, конечно, недостаточно. Поэтому параллельно с этим не безинтересно показать это расслоение на поземельной собственности и динамике роста арендных отношений. К сожалению, мы под руками не имеем данных по этому вопросу, относящихся к периоду империалистической войны, но кое-какие данные начала XX века дают нам полное основание подтвердить те выводы, которые мы сделали выше по рабочему скоту.

Приведем данные за 1902 год [1]): (См. табл. на 14-й стр.).

Эта таблица без всяких комментариев довольно красочно доказывает то, что мы говорили несколько выше. Во первых, как видим, самая верхняя группа опять занимает приблизительно ту же самую долю, что и по рабочему скоту. Во вторых, чем больше наделы у верхних слоев деревни, тем больше эта группа приарендовывает и,

---

[1]) Вотск. Авт. Обл. народное хоз-во 1921—1926 гг. издание Облисполкома, Ижевск 1926 г.

На 100 хозяйств приходилось	Число хозяйств в группе	Посевной земли на одно хозяйство (в десятинах)	Сдающих землю в аренду в процентах	Арендующих землю в процентах
Без посева	4,2	0,8	31,4	3,2
С посевами до 2,5 д. .	9,1	3,2	33,7	22,8
„ от 2,5 до 7,5 д.	51,6	6,2	17,7	31,0
„ от 7,5 до 15 д.	30,3	11,8	9,7	40,1
„ свыше 15 дес.	4,8	21,5	6,1	58,5

наоборот, чем меньше надела у бедноты, тем больше она сдает в аренду. Так из числа беспосевных сдают свои земли 31,4% хозяйств, с посевами до 2,5 дес. — 33,7%, а с посевами свыше 15 дес., сдают только 6,1% хозяйств. Наоборот, из числа беспосевных хозяйств арендуют только 3,2% хозяйств, с посевами до 2,5 дес.—22,8%, а с посевами же свыше 15 дес. арендуют 58,5% хозяйств. В третьих, самый большой процент из числа приарендовывающих падал на кулацкие группы и эта аренда была связана с производством хлеба на рынок.

Этот беглый анализ классовой диференциации крестьянства по рабочему скоту и по арендным отношениям нам ясно показывает общие контуры социальных групп, выделившихся в удмуртской деревне к моменту начала революционных бурь 1905 и 1917 годов. После этого неосновательность и реакционность теории, согласно которой удмуртсая деревня до революции, якобы не знала классовой диференциации,—становится еще более очевидной.

Беглый социально-экономический очерк положения удмуртских трудящихся масс говорит о том, что они находились под двойным гнетом, испытывали двойную эксплоатацию. С одной стороны их угнетали царская помещичье-феодальная клика и ее приспешники вкупе с русским капиталом. Этот гнет выражался и в тягчайшей эксплоатации трудящихся удмуртов на ряду со всеми трудящимися и в особой, великодержавно-шовинистической системе угнетений, направленной специально против удмуртских трудящихся. С другой стороны их угнетала „своя“ национальная буржуазия: кулачество, торговцы, скупщики, лесопромышленники и т. д. Национальная буржуазия и кулачество в качестве одного из орудий эксплоатации чрезвычайно ловко использовывала остаток феодально-родовой организации—„кенеш“, который в замаскированном виде остается в удмуртской деревне и в настоящее время. Именно через этот орган все контрреволюционные силы удмуртской деревни вели и ведут борьбу против диктатуры

пролетариата, организуя массовое избиение бедноты (Лудорвайское дело), террористические покушения на руководителей и активистов, поджоги колхозного имущества и т. д.

Если в докапиталистическую эпоху „кенеш" был органом главы рода, а в последствии туземных князей и эксэев (царьков М. Ф.), то с колонизацией Удмуртского края Московским государством он, „кенеш", не только не перестал быть органом эксплоатации, а наоборот—через него, наряду с туземными эксплоататорскими классами, стали выжимать все соки трудящихся масс уже и господствующие классы Московского феодальро-крепостнического государства, в лице „кенеша" последние находили большую опору, так как верховодители этой организации сомкнулись с верхами метрополии. То что эти родовые остатки в лице „кенеша", с другой стороны, служили средством обороны от лишних поборов Московским государством на первый взгляд как будто говорит и о прогрессивных чертах этой организации, но „эта прогрессивная сторона родовых остатков, служившая средством для воспроизводства крестьянского населения, об'ективно являлась орудием для более интенсивной эксплоатации крестьян феодализмом, ибо родовые остатки способствовали не только сохранению, но и расширению об'екта эксплоатации" (из тезисов Удм. ОК ВКП о „кенеше(б)").

С развитием денежно-рыночных отношений, когда крестьянское хозяйство было втянуто в эти отношения, из среды удмуртского крестьянства выделяется зажиточно-кулацкая верхушка и торгово-ростовщический капитал, которые используют родовые остатки как орудие эксплоатации трудовых масс крестьянства и политическое господство в деревне. По мере роста капиталистических прослоек растет и влияние их в „кенеше", но от этого указанные выше две тенденции в нем не исчезают. Так, например, верхи национальной буржуазии (крупные хлебные посредники, лесопромышленники) и духовенство в силу того, что они в основном сомкнулись с заправилами самодержавия, пытались превратить „кенеш" опору национальной политики царизма, а часть деревенской верхушки, мелкий торговый капитал, основные отряды интеллигенции и т. д. стремились через „кенеш" вести организованную борьбу против национального угнетения за национально-буржуазное освобождение, одновременно стараясь урвать долю прибавочного продукта крестьянина, который уходил в карманы господствующих классов метрополии. Эти задачи „оппозиционной" части буржуазии об'ективно, по своей классовой сути, также оправдывали двойной гнет: со стороны метрополии и со стороны туземных господствующих классов. И этот двойной гнет приводил к отсталости и забитости удмуртских трудящихся масс. Но этот же гнет вместе с тем вызывал жгучую ненависть у них ко всем эксплоататорам, ко всему царскому помещичье-феодальному строю, к „своим" и национальным угнетателям. Все это представляло собою почву, которая благоприятствовала подготовке революционного взрыва и активному участию в нем удмуртских трудящихся масс.

II. Удмуртская деревня накануне Февральской революции.

Империалистическая война, унесшая с собой одними убитыми свыше 10 миллионов человеческих жизней, со всей своей тяжестью обрушилась на трудовые массы населения. Невероятные страдания нанесла она и трудящимся нынешней Удмуртской автономной области. Гигант—военный Ижевский завод, во время войны увеличил свою продукцию больше, чем в два раза, по сравнению с мирным временем, численность рабочих завода с 18—20 тыс. увеличилась до 35 — 40 тыс. человек. Завод во время войны не мог нормально снабжаться минеральным топливом, да и отсутствовала железная дорога (постройка ее закончилась только в 1915—16 гг.). Поэтому удвоившееся производство нужно было снабжать топливом и соответствующим сырьем. При господстве средневековых способов доставки сырья, заготовки топлива, заготовки болванок для ружейных лож требовалось громадное количество рабочей силы для обслуживания внезаводской работы. Между тем здоровая и крепкая рабочая сила продолжала утекать под пушечное мясо на фронт, а завод все острее и острее стал чувствовать недостаток в рабочих. Поэтому с зимы 1915 года снова, сначала на близлежащее к заводу крестьянство обрушилась забытая непременная работа для завода, но на этот раз она (непременная работа) распространилась на все окружающее заводское крестьянское население, не различая ни мужчин, ни женщин, ни 10—14 летних детей-подростков, ни 60-ти летних стариков. Гнали всех без разбора пола и возраста.

Около заводского крестьянства не стало хватать, поэтому стали гнать крестьян, отстоящих от завода за 200—300 верст. Такое количество пригнанных крестьян заводские и местные органы, конечно, не были в состоянии снабдить нормально ни фуражем, ни продовольствием. Работа заключалась, главным образом, в заготовке и вывозке дров и ложевых болванок, подвозе других видов сырья для завода и в отправке готовых изделий с завода. К отведенным для рубки лесным делянкам крестьяне прикреплялись целыми сотнями и, понятно, получалась беспорядочная свалка с большим количеством увечий и смертей, от неразберихи попадали под валившиеся деревья, так как каждый хотел скорее выполнить свою норму и уехать до нового, очередного востребования. Плата за работу была ничтожная. Приблизительно в течение недели 2 работника с лошадью могли выработать на 1 пару сапог [1]). Об организации жилищ заводская администрация и не думала. Зимой в тридцатиградусные морозы люди обедали и спали там же, в лесу, у костра. В результате,—сколько с этих работ совсем не возвратилось домой, сколько искалечено и заболело,—об этом тогда никому не говорили и не писали.

---

[1]) Неоднократным участником на такой принудиловке был сам автор, тогда еще 14-летний подросток.

Все это, конечно, так бесследно не прошло. Измученное крестьянство стало резко выступать против такого насилия и целыми деревнями отказывалось выезжать на работы.

Волостной старшина Ухтымской волости доносит земскому начальнику 4 участка Глазовского уезда: „Сегодня был собран сельский сход Решетинского общества для выбора другого доверенного вместо Агафонова, но крестьяне на сходе избрать доверенного отказались и заявили, что они доверенного избирать не будут и возить дрова не поедут совсем“ [1]). Следующий документ от 12 января 1917 г. — доносит волостной старшина одной из волостей того же уезда: „Из назначенных на работы в Ижевские заводы возчиков 227 чел. — 38 человек выехать отказались, поэтому на них составлен список и таковой сего же числа за № 54 представлен г. Приставу 4 участка Глазовскаго уезда, на предмет высылки отказавшихся на работы с помощью полиции. О чем волостное правление доносит Вашему Высокородию на зависящее распоряжение“[2]).

Кроме прямого отказа от работы, крестьянство находило и другие формы бойкота этих работ. Одна из таких форм заключалась в том, что крестьяне просто выбывали из своего села неизвестно куда. Вот, что доносит земскому начальнику 4-го участка Глазовского уезда волостной старшина Люмской волости от 22 января 1917 г.:

„Волостное правление доносита Вшему Высокородию, что назначенные возчиками для Ижевского завода, по вывозке дров крестьяне здешней волости д. Вошонекинской, Гр. и Ник. Ворончихины и кр. с. Люмы П. В. Медведицын от работ уклонились и выбыли неизвестно куда. О чем волостное правление доносит на зависящее распоряжение“ [3]).

До 22 февраля 1917 г. официально привлекались в обязательном порядке к принудительным, для завода, работам возрасты от 18—50 лет, а с 22 февраля 1917 г. Сарапульская реквизиционная комиссия решает привлекать возрасты с 16—55 лет.

„22 сего февраля реквизиционная комиссия постановила: предоставить земским начальникам право привлекать к принудительным работам возраст 16 и старше 50 лет, где это будет нужно по ходу работ, но не старше 55 лет, дабы полностью выполнить наряды принудительных работ Ижевским и Воткинскому заводам...“ [4]).

Это было официально, а в действительности, как мы уже упоминали, не оставляли в покое ни 60-ти летних стариков, ни 10—14-летних подростков, ни женщин.

Все эти документы дают нам яркую картину всей той тяжести, которую несло на своих плечах крестьянство накануне Февральской революции.

---

[1]) Ижевск, Обл. Архив, дела земск. нач. 4 уч. Глаз. уезда: донесение от 2/I—17 г

[2]) Ижевск, Обл. Арх. д. земел. нач. 4 уч. Глазовск. уезда.

[3]) Ижевск, Обл. арх. д. земск. нач. 4 уч. Глазовск. у.

[4]) Там же.

Одновременно с принудительными работами правительство непрестанно, на протяжении всей войны, дергало крестьянство требованиями о доставке для армии фуража и хлеба. Так одна из выписок циркуляра Вятского губернатора от 28 апреля 1915 г. адресованная земским начальникам, гласит: „Я ставлю все это дело (дело доставки фуража для армии М. Ф.) на почву широкого размаха и кипучей энергии. Всякая вялость, всякое промедление, всякое уклонение должно считаться в нашей борьбе с нуждой армии в овсе грехом перед богом, преступлением перед государством, позором перед родиной. Принять все меры к тому, чтобы имеющиеся запасы необмолоченного овса были обмолочены для продажи. И. д. губернатора А. Чернявский“ [1]).

Слово „для продажи“ в данном распоряжении было лишь вывеской, ибо было и другое распоряжение для крестьян, ультимативнвое, говорящее о том, что, если овес не будет продан крестьянами добровольно по указанной цене, то он будет конфискован за меньшую цену. Вот, например, какое распоряжение дал земский начальник 1-го участка Глазовского уезда 27 марта 1915 г. „по распоряжению вышестоящего начальства, волостным правлениям своего участка: „Предлагаю волостному правлению присланные от исправника об'явления о подвозе и продаже крестьянами овса правительству раз'яснить старостам и предложить им прочесть их на сельских сходах и предупредить крестьян, что поставка в казну овса в настоящее время крайне выгодна и цена его (см. об'явление) очень высока и, что в случае плохого подвоза крестьянами овса, он будет реквизирован и за меньшую, чем в добровольном порядке, цену. Попутно предлагаю должностным лицам делать описи имеющихся у крестьян запасов, вычислив сколько для данной семьи необходимо на посев и прокормление“ [2]).

Кроме овса крестьянство должно было вывезти в принудиельном порядке хлеб (рожь). Когда Ухтымский волостной с'езд отказался разверстать данное для волости задание между гражданами, председатель Управы пишет земскому начальнику 4-го участка от 21/I-17 г.

„...В акте волостного старшины указано, что волостной сход мотивировал свой отказ в разверстке, ссылаясь на возможность добровольной поставки лицами, имеющими излишек запасов ржи.

Так как постановлением г. Управляющего министерством Земледелия от 29-го ноября 1916 года за № 66 (Собр. узаконений и распоряж. Пр. от 2/XII—1916 г. № 338) поставка хлеба для армии населением является обязательной и разверстка между отдельными уездами губернии возложена на губернскую управу, а разверстка в уездах между отдельными волостями на уездные земские управы и произведенная разверстка последними подлежит обязательному в установленные сроки выполнению, то, опасаясь возможного недобора при добровольной поставке населением Ухтымской волости положенного

---

[1]) Ижевск, Обл. Арх. дела земск. нач. 1 участка Глаз. уезда за 1915 г,

[2]) Ижевск, Обл. Арх. д. земск. нач. 1 уч. Глаз. у, за 1915 г.

количества по наряду управы ржи а равно что волостным сходом невынесено никакого постановления, уездная управа, на основании ст. 11 вышеуказанного постановления г. Управляющего Министерством Земледелия и вследствие прилагаемой при сем телеграммы г. Начальника губернии за № 140, покорнейше просит вас назначить волостную комиссию для разверстки причитающейся с Ухтымской волости по наряду уездной управы к обязательной поставке ржи и о дне заседания комиссии благоволите уведомить управу для командирования ею своего представителя и извещения уполномоченного Министерства Земледелия"[1]).

При этой хлебной разверстке правительство и местное чиновничество абсолютно не разбиралось с возможностью выполнения заданий отдельными хозяйствами, а распределяло задание по числу десятин. Разумеется, за беднотой и середняком числились эти десятины, но беднота голодала и так, а однолошадник с большим трудом пробивался до каждого нового урожая, прирабатывая себе на стороне, а они (безлошадные и однолошадные хозяйства) составляли по уезду, как мы уже видели, 44,8%, т. е. почти половину всех хозяйств.

Чтобы показать формы и методы получения хлебной разверстки, приведем донесение волостного старшины Илганской волости от 24/1—1917 г. земскому начальнику.

... „Волостное правление доносит Вашему высокородию, что разверстка ржи в количестве 26.650 пудов, назначенная Земскою управою на Елганскую вол., сельским сходом окончена 12-14 сего января, при чем разверстка произведена по селениям по числу десятин земли, облагаемой податными сборами, а между отдельными домохозяевами по числу платежных душ по равной части"[2]).

Всякое невыполнение, или утайка хлеба каралась тюремным заключением до 2 лет. Обязательное постановление главноначальствующего по чрезвычайной охране, Вятского губернатора, изданное на основании закона о хлебной повинности министра земледелия гласила:

„Виновные в неисполнении или нарушении настоящего постановления подвергаются в административном порядке, по постановлению главноначальствующего, заключению в тюрьме на 3 месяца или аресту на тот же срок, или денежному взысканию до трех тысяч рублей".

„Виновные же в умышленном неисполнении или нарушении настоящего обязательного постановления, в частности, в скрытии, утайке или незаявлении об имеющихся запасах ржи, подвергаются по определению Окружного Суда заключению в тюрьме на время от одного года четырех месяцев до двух лет"...[3]).

Все эти повинности во время империалистической войны: работа для завода, доставка для армии людей, хлеба и фуража, невы-

---

[1]) Дела земск. нач. 4 уч. Глазовск. у. за 1917 г. Ижевск, Обл. Архив.

[2]) Дела земск. нач. 4 уч. Глазовск. у. за 1917 г., Ижевск. Обл. Архив.

[3]) Ижевск. Обл. архив, дела Земск. нач. 4-го уч. Глазовск. уезда за 1917 г.

полнение которых грозило для крестьянства штрафом или тюрьмой, конечно, главной своей тяжестью ложились в первую очередь на трудовые массы крестьянства, ибо верхушка деревни, вместо себя, на лесные работы нанимала, посредством взяток ухитрялась освобождаться от армии, или же поступала на Ижевский завод и этим ускользала от мобилизации, так как рабочих военных заводов призывных возрастов оставляли при заводе на особом учете, как военнообязанных.

Все это усиливало недовольство трудового крестьянства, в том числе и удмуртского, и способствовало нарастанию среди него революционных настроений.

III. Промышленность края и рабочий класс накануне Февральской революции.

Дав кратко общую картину социально-экономических отношений в деревне как они сложились к Февральской революции, нам необходимо несколько вернуться назад и дать небольшой анализ характера промышленности в этом районе и социального состава рабочего класса.

Нас главным образом интересуют наиболее крупные заводы: Ижевский и Воткинский, тем более что первый из них расположен в центре нынешней Удмуртской области, а второй на ее границе с Уралом. Оба эти завода—Воткинский и Ижевский — были основаны графом Шуваловым, первый в 1759 г., а второй спустя через год. Сначала эти заводы вырабатывали чугун и железо, а с переходом в 1807 г. в ведение артиллерийского ведомства заводы переключились, кроме производства железа, на производство холодного и огнестрельного оружия. Впоследствии Воткинский завод стал судостроительным, а Ижевский оружейным. С 1870 г. на нем организуется и сталелитейное дело.

Всех мастеровых с непременными работниками в 1857 г. до „освобождения" крестьян от крепостной зависимости, на Ижевском заводе числилось 31.379 человек[1]) мужского и женского пола, а на Воткинском в 1850 г. — 27.663[2]). В это количество включены не только сами рабочие, но и члены их семьи.

Рабочие на эти заводы набирались из государственных крестьян, частью переводились из урочных (непременных) работников, часть рабочих, например, для Воткинского завода, была „приглашена" из Пензенской губ.[3]) С переходом заводов на оружейное дело были приглашены из-за границы 134 квалифицированных рабочих и, поскольку завод стал военным, правительство стало пополнять состав рабочих из рекрутов в возрасте от 15 до 40 лет[4]).

---

[1]) Удмуртск. хоз-во к десятилетию Октябр. Револ. изд. 27 г. Ижевск.
[2]) Журн. Мин. Внутр. Дел XI часть, статья Блинова.
[3]) Журн. Министр. Внутр. Дел XI часть, стр. 175, статья Блинова.
[4]) „Сборн. Удм Хозяйство", к десятилетию Окт. рев., изд. Обл План. Комиссии г. Ижевск, 27 г. стр. 137.

В виду жилищного кризиса при заводе, часть рабочих расселялась по окружающим деревням и работала по выработке лож для ружей, это расселение постепенно включало и крестьян в это ремесло. Поэтому в Сарапульском уезде к 90 г.г. из всех ремесел, где заняты крестьяне, занимает одно из первых мест выделка болванок для ружейных лож[1]). Это ремесло было распространено не только в Сарапульском, но и в других уездах губернии. Эти рабочие, расселившись среди крестьянства, распространяли в соседних деревнях опять-таки некоторые заводские ремесла.

Присылаемые рекруты должны были работать на заводе не менее 25 лет. До 1877 г. ежегодно присылалось приблизительно до 100 чел. Дети присылаемых и местных рабочих механически закреплялись на 25 лет, нося звание кантонистов, которые до совершеннолетия получали разные подачки в виде костюмов, а впоследствии деньгами[2]), за что они после наступления совершеннолетия должны были приступать к заводским работам, закрепляясь, таким образом, за заводом с малых лет.

На ряду с такой мерой, администрация заводов по указу сверху проводила и второй путь закрепления, который заключался в весьма хитро выдуманной „поощрительной“ системе. Так, например, основоположник оружейного производства в Ижевске обер-берг гауптман Дерябин, начальник Гороблагодатских и Камских, Пермских и Богословских заводов в 1807 года постоянно сам жил в Ижевском заводе „где построил собственный дом... и поощрял постройку собственных домов и другими служащими (читай—рабочими, М. Ф.), дабы сильнее прикрепить их к Ижевскому заводу[3]).

Поощрение постройки собственных домов рабочими, конечно, имело целью связать с заводами наиболее нужную и квалифицированную часть рабочих. Наряду с такой попыткой закрепления была и другая наиболее верная форма закрепления, введенная еще с 1830 года. Приведем некоторые выдержки из этого второго пути закрепления рабочих.

„§ 175. Для заводских поселян, прослуживших беспорочно 25 лет,—говорится в нем,—назначаются сверх обыкновенной заводской платы, награды 3-х классов: 1-й—150 руб., 2-й—100 р. и 3-й—50 р.

§ 177. Из мастеров и оружейников заводские поселяне, прослужившие сверх 25-летнего срока беспорочно еще 5 лет, получают в прибавок к награде еще 5-ю долю оной, и таким образом через каждые пять лет, кто беспорочно прослужил сверх 25 лет, прибавляется ему 5-я доля первоначальной награды.

§ 179. Из мастеровых и оружейников, заводский поселянин, прослуживший беспорочно 40 лет, имеет свободу оставить работу

---

[1]) Материалы по статистике Вятской губ. т. VII, 2 часть, Саранск. у. стр. 586, 593.

[2]) Материалы по статистике Вятск. губ., т. VII, Сарапульск. у. см. приложение ко II части, стр. 173—178.

[3]) Соловьев—„Исторический очерк в память 100-летия Ижевского завода“.

заводскую и получает по смерть ту самую награду, каковую он до того получал и остается заводским поселянином.

§ 180. Мастеровые и оружейники, выслужившие не только 25 лет даже 40 лет, но бывшие в штрафах и наказаниях, не отставляются от службы до того времени, пока найдены будут совершенно неспособными ни к каким работам, таковые из службы исключенные лишаются всех денежных наград, положенных при отставке служившим беспорочно, но им должно производиться одно пропитание" [1]).

Эти награды за „беспорочность" сохранились до самой революции 1917 г., изменилась лишь их форма—вместо денег стали выдавать медали и кафтаны. Конечно, такая обработка рабочих была не безрезультатна. Поэтому многие из них боялись проштрафоваться и лишиться всех тех „благ", которые сулило положение о наградах.

Такая политика заводской администрации, конечно, не могла остаться безрезультатной. Поэтому „освобождение" рабочих в 1867 г. от обязательных заводских работ и даже незначительное введение улучшенных технических способов производства обеспокоило рабочих. „Почти столетняя суровая военная опека создала класс исполнительных, более или менее искусных рабочих, но таких, которые не привыкли думать сами по себе. Увольнение от обязательных работ, а с ним вместе и освобождение от суровых опекунов должно было бы обрадовать население, между тем, это произвело страшную панику, так как с избавлением от опеки они лишались также периодических подачек в виде хлеба, крупы и денег на одежду „кантонистам" [2]).

Поскольку завод был военным, естественно, правительство было заинтересовано в создании кадра квалифицированных рабочих и, по мере возможности, старалось закрепить и связать их с заводом. А теснее и крепче можно было закрепить только посредством всевозможных подачек для части рабочих, с одной стороны, и поощрением насаждения хотя бы скудной собственности,—с другой.

Часть из основного кадра ижевских рабочих сумела обзавестись домом, к которому прирезывали небольшую усадьбу — огород. Появлялась корова, а у некторой части, хотя и незначительной, выездная лошадь, для них, понятно, требовался корм, а отсюда—прирезка луговых угодий. Один вид собственности тянул за собой и другие.

Но вся эта собственность распределялась неравномерно между рабочими. В наиболее благоприятном положении находилась квалифицированная верхушка рабочего класса – рабочая аристократия.

По данным за 1874 г.. в Ижевске было на 11.586 жителей 2.120 каменных и деревянных домов, т. е. в среднем по дому на 1 семью [3]). И это было не только в конце XIX века, но приблизительно такую же картину дает и 1918 г., когда всех домов было 6.600 [4]), а жителей

---

[1]) Соловьев. Историч. очерк в память 100 летия Ижевского завода.

[2]) Материалы по статист. Вятской губ. т. VII, Сарап. у., ч. II, прилож.

[3]) Игнатьев „Ижевский завод" неиздап. рукопись в Вятск. библ. им. Герцена, по неизданной хрестоматии Максимова В. А.

[4]) По прот. засед. гражд. совета от 24/XII—18 г. Ижевск, Обл. арх. Истпарт отдел.

около 56 тыс. чел.[1]). В первом случае на каждый 1 дом приходится по 5 человек, а во втором—по 7.

Если не сказать ни слова об этих домах, то одно их количество может дать только ложное представление о действительной картине.

Чтобы избежать могущих возникнуть у читателя недоумений, приведем данные о домах за 1927—1928 г.г.

Признаки собственности по домам[2]).

Название групп населения	Владеют одноэт. домами	% ко всем одноэт. домам	Владеют 2-х этаж. домами	% ко всем 2-х этажн. домам	Удельн. вес данной группы населения ко всему насел. в %-ах
Рабочие	5716	84,6	1008	84,6	55,7
Служащие	625	9,3	110	9,2	26,6

Здесь мы должны сказать, что за 10 лет после революции, т. е. к 27 - 28 г.г. в отношении собственных рабочих домов в смысле их прироста или уменьшения изменений почти не произошло, так как после революции по ряду причин до перевода областного центра в Ижевск, т. е. до 22 г., квартирный кризис разрядился, а с 1923-24 г. стали форсированно расти дома коммунального хозяйства, поэтому эти данные, несмотря на то, что не совпадают с разбираемым нами периодом, дают основание делать определенные выводы. При чем из них двухэтажными домами владеют только 1008 рабочих, что составляет к общему составу кадровиков 4,9—5,6%, а из 5716 рабочих владеющих одноэтажными домами, по крайней мере $^3/_4$ из этого числа несли из-за своего дома одну кабалу, ибо около половины из этих домов были не дома, а покосившиеся хибарки на болотах в заречной части города и на отдаленных окраинах Горы.

До революции правительство для рабочих своего завода не выстроило ни одного барака, не говоря уже о домах, поэтому жилищный голод толкал рабочего на то, чтобы завести хотя бы хибарку на курьих ножках, но, взявшись приобрести такой „дом", он должен был на протяжении десятка лет на прямом недоедании сберегать жалкие гроши.

Таким образом, одна только численность собственных рабочих домов не вскрывает существа дела. Более же подробный анализ показывает нам, что собственностью был заражен незначительный слой рабочих—рабочая аристократия.

Эта же верхушечная часть рабочих пользовалась 8199 гектарами покосов и относительно высокой заработной платой. Поскольку завод был военным, естественно, правительство было заинтересовано как в поднятии производительности, так и в общем состоянии завода,

---

[1]) В 1926 г. в Ижевске было 55.895 чел. жителей. См. „Вотск. Авт. обл." и „Нар. хоз-во" 1921—26 г.г, стр. 20 изд. в Ижевске в 26 г.

[2]) Информотдел Удм. ОК ВКП(б).

которое, конечно, зависило от того, насколько квалифицированная часть рабочих привязана к заводу, поэтому оно стремилось всяческими путями создать определенный кадр послушных.

Правительство особенно забеспокоилось в этом отношении после результатов кризиса 1890 г., когда производство ружей со 100 тыс. шт. в год сократилось до 15 тыс. и когда заработная плата тех, кто раньше зарабатывал от 30 до 40 рублей в месяц, упала до 2—3 рублей[1]). В результате такого катастрофического сокращения выработки и зарплаты рабочие целыми партиями стали уходить в деревни и заниматься крестьянством, некоторые переходили на другие заводы и фабрики, а многие становились кустарями, занявшись кустарной выделкой оружия. Деревни под Ижевском—Калабино, В.-Лудзя, Квадрашур и ряд других обязаны своим возникновением этому кризису.

Впоследствии из части их выросло крупное кустарное производство. Нередко можно было увидеть до революции в Ижевске таких кустарей, которые домашним способом вырабатывали охотничьи ружья, да и сейчас их можно найти немало, несмотря на то, что за последние годы местный Охотсоюз об'единил значительное количество таких кустарей под одну крышу. Из них после революции оформился полный завод по производству охотничьих ружей, об'единявший в 1930 г. около 200 чел., с производством в год 37.800 шт. ружей[2]).

После такого урока, когда произошла утечка и из среды квалифицированной части рабочих, правительство вынуждено было усилить внимание закреплению квалифицированных кадров и подготовке новых. В 1869 г. была организована специальная оружейная школа с 5-летним курсом обучения по подготовке оружейных техников, а затем ремесленная школа. В той и другой вместе ежегодно обучалось от 135 до 230 чел.

Это, конечно, не значит, что правительство заботилось о материальном положении всех рабочих и их просвещении.

Относительно высокую заработную плату получала, конечно, небольшая прослойка рабочей аристократии и она завелась частной собственностью — двухэтажным домом, коровой, лугами и выездной лошадью, а положение основной массы рядовых рабочих было самое невыносимое.

Рабочий день, по данным 80-ых годов прошлого столетия, равнялся формально 11—12 часам, а фактически доходил до 14 и более часов и вплоть до революции он не только не снизился, а наоборот во время империалистической войны в ряде случаев повышался. Заработная плата у основной массы рабочих, по данным того же периода (80-е г.г.), колебалась от 7 руб. 50 к. до 18 руб.[3]) в месяц, падая в кризисные года буквально до 1 рубля. Наконец, ужасные

---

[1]) Материалы по статист. Вятск. губ. т. VII, Сарапульск. уезда. часть II изд. Вятка 1892, приложения.

[2]) „Удмуртское хозяйство" к десятилетию Октябрьской Революции. Ижевск. 1927 г. статья Луппова.

[3]) Газета „Вятский край" № 84 за 1880 г.

жилищные условия в конец закабаляли этого рядового рабочего и поэтому многие из них вынуждены были где-нибудь сколачивать копейки уже после заводской работы.

Такие условия труда были не только в Ижевске и Воткинске, но и во всей горнозаводской промышленности Урала.

Владимир Ильич, давая характеристику промышленности Урала, писал: „Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически первобытная эксплоатация природных богатств края, монополия, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени, — такова общая картина Урала“ [1]). Эта характеристика может быть вполне отнесена и к Ижевскому заводу, т. к. он по официальным данным причислялся к уральской промышленности.

Привлекая часть рабочих разными подачками, ставленники правительства—заводская администрация — с другой стороны, старалась держать рабочих в темноте и невежестве. Обе меры, таким образом, были направлены на заглушение роста классовой борьбы.

Вместо культуры правительство здесь насаждало церкви и кабаки. На весь Ижевск в те времена был один клуб, конечно, для начальства, но зато были выстроены два крупных собора и 5 церквей. Процветала винная торговля. Целые улицы и переулки именовались фамилиями кабатчиков. Улица Азина в Заречной части (по-прежнему—Казанская), называлась жителями Кабацкой, а некоторые переулки в Нагорной части именовались по фамилиям живших в них кабатчиков: Бодалевским, Пуренговым, Мокрецовским переулками.

Оторванность района от других промышленных районов, тонкая политика по подкупу верхних слоев рабочих, насаждение поповщины здесь сказались в большей степени, чем в центральных районах России.

С началом империалистической войны 1914 г. состав ижевского пролетариата и условия труда резко меняются еще в худшую сторону. Во-первых, вводится жесточайшая военная дисциплина, учащаются штрафы и удлиняется рабочий день. Последний к этому времени формально равнялся 9½ часам, но с затяжкой войны была введена сверхурочная работа по 4 часа обязательно для всех. Таким образом, фактически рабочий день дошел до 13½ часов, а в отдельных случаях и выше. Во-вторых, увеличился в два с лишним раза численный состав рабочих, дойдя в последние годы войны до 35-40 тыс. человек.

Увеличение рабочих шло по двум линиям. Во-первых, с переходом на 2-х и 3-х сменную работу и, следовательно, с расширением

---

[1]) Ленин т. III, I изд. стр. 395-396.

производства, естественно, увеличивалась потребность в квалифицированной рабочей силе, которую Ижевск сам не имел. Поэтому в Ижевск ежегодно за время войны посылались рабочие целыми партиями как с других заводов (особенно из петроградских и московских), так и подобраные из разных воинских частей. Было таких присланных, по имеющимся сведениям, 8.447 чел.[1]).

Во-вторых, массами шли на завод крестьяне, окружающих сел и деревень, подлежащие военной мобилизации, для того, чтобы освободиться от фронта, так как рабочих военных заводов правительство брало на учет и на фронт не отправляло. Указанная категория рабочих работала как военнообязанная с сохранением заработка, при чем в эту категорию попадали, главным образом те из крестьян, кто был знаком с отдельными администраторами завода и мастерами, а такими, конечно, были зажиточные слои деревни. Если же кулак не имел на заводе знакомых, то имел возможность подсунуть взятку кому следует, на что чиновники Ижевских заводов были большие охотники и дельцы.

Большинство присланных рабочих из петроградских и московских заводов и воинских частей были людьми, прошедшими не одно испытание в борьбе против предпринимательской эксплоатации и царского самодержавия; поэтому большая часть из них была настроена более революционно, чем коренной ижевский пролетарий. О революционности присланных рабочих, по сравнению с коренной частью говорит и такой факт, что во время февральской забастовки активным элементом ее были как раз эти рабочие и поэтому не случайно, что после поражения забастовки, большая часть из этих рабочих в наказание была отправлена на фронт. Таким образом, рабочие ижевских заводов, с одной стороны, обогатились группой революционных рабочих, но с другой—завод наводнился деревенской, при том преимущественно кулацкой группой, и группой гораздо более численной, чем присланная

Введенная военная дисциплина для военнообязанной части рабочих (а крестьянская часть рабочих почти целиком входила туда) за малейшее нарушение заводских правил и за невыполнение производственных заданий, ставила так же, как в строевых армейских частях, под ружье с песком или кирпичами в мешке на плечах, а в худшем случае, грозила отправкой прямо на фронт за неподчинение заводской администрации и преданиям военно-полевому суду. Такие меры наказания, особенно для тех, кто спасался от фронта, (а такими, как мы уже сказали: была деревенская, преимущественно кулацкая, часть рабочих, и часть из коренных ижевских рабочих, года которых были мобилизованы), сдерживали выступления против администрации.

Так выглядит положение рабочего класса и его социальный состав в период империалистической войны, т. е. накануне Февральской революции 1917 г.

---

[1]) Коротков—Февральская забастовка ижевских рабочих.

IV. Февральская революция 17-го года в Ижевске.

На фоне безудержно усиливающейся военной дисциплины, увеличения рабочего дня и снижения реальной заработной платы, под влиянием революционной работы присланных рабочих и местной с.-д. организации (большевистской ее части), в связи с общей обстановкой назревания революции в стране, происходит первый сильный взрыв—февральская забастовка.

15-го февраля 1917 г. одно отделение крупнейшего инструментального цеха об'явило забастовку, к которой быстро присоединились не только остальные цеха Ижевских государственных заводов, но и рабочие частных фабрик: Петрова, Евдокимова, Березина и др.

В том отделении, где была брошена работа, были снижены расценки на 20—25%, что сильно могло отразиться на заработке рабочих. На другой день, узнав об этом, рабочие послали к администрации делегацию с требованием не снижать расценок. Но администрация ей ответила: „Вы и так много зарабатываете" и арестовала при этом одного из руководителей делегации. Узнав об этом, рабочие этого отделения созвали собрание и вынесли два требования: оставить старые расценки и освободить арестованного товарища. Администрация ограничилась обещанием обсудить требования о расценках и дала согласие освободить арестованного. Рабочие, разумеется, не удовлетворились этим обещанием. Инструметальный цех поддержал бастующих и целиком оставил работу. Вслед за ним 17 и 18 февраля бросили работу все остальные цеха.

Вот как характеризует забастовку в своем донесении Главной артиллерии начальник заводов.

„Петроград, Главартиллерия. Пятнадцатого одно отделение инструментальной прекратило работу под предлогом недовольства изменением расценки, проводимой для уравнения заработка. Помощник оружейного завода разрешил оставить прежнюю, обещав добавить на невыгодных переходах, но арестовал зачинщика. Шестнадцатого прекратила работу вся инструментальная, требуя освобождения арестованного без наказания за остановку и требуя общего повышения оплаты. Помощник освободил арестованного, обещая ходатайствовать о снисхождении в случае возобновления работ вечером, что мастерская обещала, но не выполнила. Сегодня прекратила работу, кроме инструментальной, механическая, ствольная, ремонтная сталелитейного завода, машинисты молотовой и прокатной. Большинство незначительных требований удовлетворено, кроме главных—повышение основной платы специалистам до 8-ми рублей и чернорабочим не менее 3½ рублей в сутки. Мною обещано пожелание рабочих рассмотреть и предоставить Главартиллерии.

Вечером предложено возобновить работу и назначен крайний срок завтра в 7½ час. утра, после чего не ставшие на работу будут уволены, а военно-обязанные отправлены воинскому начальнику. Вы-

борным старостам, приходившим ко мне, я подтвердил, что так обязан поступить и советовал об'яснить рабочим, что старосты обещали...
Генерал Кудрявцев" [1]).

Меньшивики при этом как и всегда заняли соглашательскую позицию и проявили себя как заядлые оборонцы по отношению к империалистической войне. Они вносили, примерно, такое предложение: „Работу прекращать не надо, если мы прекратим работу,—говорили они,—то кто же будет снабжать армию оружием?" Они предлагали создать примирительную камеру из рабочих и администрации, куда передать для разрешения все спорные вопросы, этим самым затушевывая остроту вопроса и тормозя наступление рабочих на администрацию. Тем временем администрация на другой же день после остановки завода для усмирения рабочих выставила роту из 222 солдат и перешла в решительное наступление. Начались обыски, разгон собраний, аресты и отправки военно-обязанных на фронт. Все эти репрессии начали быстро действовать подавляюще на настроение рабочих, тем более, что не было никакой поддержки извне. Забастовка была проиграна.

Каковы причины провала забастовки? Основная причина заключается в том, что верхушечная часть коренных рабочих и деревенский состав проявляли во все время забастовки колебания, стремясь вслед за меньшевиками дело передать в примирительную камеру.

Та часть рабочих, которая была связана с собственностью, вела себя нерешительно, боясь высылки в другие места, а высылка влекла за собой непременное разорение—дешевую распродажу строений и др. имущества. Крестьянская же часть рабочих заняла частью выжидательную позицию, а частью (кулачество, попавшее на завод) выступила на сторону администрации, ибо поддержка бастующих для нее была связана с риском быть отправленной на фронт. Таким образом, основными виновниками поражения забастовки были меньшевики, опиравшиеся на рабочую аристократию и на кулачество, работавшее на заводе.

Каково было положение в с.-д. организации к моменту Февральской революции?

Организовавшаяся в 1904 г. с.-д. группа в Ижевске после первой революции в годы реакции окончательно была разгромлена и вновь она оформилась только в конце 1915 г., достигнув к началу 1917 г. до 30 человек. Большевистская часть РС-ДРП в то время была еще малочисленна и относительно слаба. Поэтому, естественно, что при всей напряженности своей работы она не в состоянии была охватить своим влиянием основную массу рабочих. Господствующее положение в организации пока занимали меньшевики. Это положение подтверждает воспоминание одного работника того периода, помещенное в газете „Ижевская Правда" № 254 за 1923 г. Он рассказывает о том, что, когда организация в мае 1917 г. окончательно раскололась, на стороне большевиков оказалось только 12—13 чел. из 3.000.

---

[1]) Коротков—Февральская забастовка на Ижзаводах.

Чем об'яснить такое влияние меньшевиков? Прежде всего надо учесть, что ижевский пролетариат в силу ряда причин не получил в достаточной степени в революцию 1905 года той революционной закалки, которую приобрели рабочие Петрограда, Москвы и др. крупнейших рабочих районов.

Во-вторых, надо учесть особенность состава рабочих Ижевских заводов. Здесь была, сравнительно с другими заводами, сильная рабочая аристократия, которую десятилетиями приручала к себе заводская администрация и которая пользовалась большим влиянием на остальных рабочих, Довольно значительна, особенно в годы войны, здесь была кулацкая прослойка. Они-то и являлись опорой меньшевиков.

Все это в дальнейшем сказалось на ходе Февральской революции. Проследим, как развертывались события. Через неделю после поражения забастовки ижевцев охватила радостная весть о свержении самодержавия. Администрация заводов и полиция растерялась и не знала, что предпринимать.

Как раз в такой период большевикам требовалась быстрота, решительность и развернутая работа среди масс, чтобы получить достаточное влияние в организующихся советах рабочих депутатов. Но большевистская часть организации не сумела охватить своим влиянием широчайшие массы рабочих: она слишком много внимания и времени уделяла спорам с меньшевиками внутри организации, недостаточно отдаваясь работе среди масс. Меньшевики же, воспользовавшись слабостью большевиков, старались одурачить рабочих и завоевать этим способом их на свою сторону.

Сергеев один из членов тогдашнего парткома, в своей брошюре, „Ижевск в огне гражданской войны" пытается доказать силу меньшевиков их красноречием и этим замазывает существо вопроса, отмахиваясь от тогдашних ошибок и слабости большевистской части организации. „У большевиков, говорит он, руководителями являлись рабочие, особенно не отличавшиеся ораторским искусством. Среди же меньшевиков имелись более или менее хорошие ораторы—интеллигенты: В. Куценко, Нижечик, Ватеркампф, а также отчасти Астраханцев и Сосулин. Если ораторы большевики на собраниях в летучих митингах в мастерских сплошь и рядом разбивали выступления ораторов меньшевиков и эсеров, то на больших собраниях с их лучшими силами справиться было трудней" [1]). Возможно, что в смысле ораторского искусства действительно был перевес на стороне меньшевиков, но этим об'яснить неудачи большевиков было бы в высшей степени наивно.

К маю меньшевики, начав свою работу в Совете и в массах, завоевали половину всей об'единенной организации. На происходившем майском общегородском партийном собрании, когда организация уже имела в своих рядах около 3 тыс. чел., меньшевики с успехом про-

[1]) „Ижевск в огне гражд. войны" стр. 12, изд. 1927 г. гор. Ижевск

зели председателем этого собрания своего вождя и протащили свою резолюцию по текущему моменту. Из трехтысячной организации за резолюцию, предложенную руководителями меньшевиков, голосовала половина собрания, а за большевистскую всего 12 чел.[1]), остальные воздержались. На этом-то собрании произошел окончательный формальный раскол, после чего большевики, в числе 20—30 чел., начали самостоятельно свою работу. Такой временный успех меньшевиков как в организации, так и среди рабочих, об'яснить, конечно, их ораторским искусством, как это делает Сергеев и ряд других товарищей, было бы смешно. Об'ясняется это прежде всего социальным составом (о котором мы писали выше) рабочей массы, просачиванием в связи с этим в организацию идеологии мещанской части рабочих и, наконец, разлагающей работой меньшевиков среди рабочих. В первую очередь, им удавалось одурачить тех рабочих, которые были поставлены в привиллегированные условия. К таким относились — часть мастеров, высоко квалифицированных рабочих, награжденных медалями, кафтанами, деньгами и т. д. и имеющих приличный дом, выездную лошадь и т. п.

Эта часть рабочих (рабочая аристократия), поставленная в более или менее привиллегированные условия, несомненно, быстрее поддалась на удочку мелко-буржуазных партий и стала их временной опорой. Большевикам предстояла громадная работа по отвоеванию на свою сторону этой прослойки рабочих.

Владимир Ильич, говоря о международном каутскианстве, в одном из предисловий своей работы „Империализм как новейший этап капитализма“, со всей силой подчеркивал эту задачу. „Борьба с этими течениями (каутскианскими М. Ф.) обязательна для партии пролетариата, которая должна отвоевать от буржуазии одураченных ею мелких хозяйчиков и миллионы трудящихся, поставленных в более или менее мелко-буржуазные условия жизни“ [2]).

Меньшевики одурачивали массы, а большевики, в силу своей малочисленности и слабости постановки в первое время массовой работы, не сумели в достаточной степени разоблачить предательские лозунги и требования меньшевиков, не сумели отвоевать тысячи трудящихся, оставшихся пока под влиянием мелко-буржуазных партий. Они не использовали целого ряда благоприятных моментов.

Например, в вопросе о сепаратном мире меньшевики открыто выступали за продолжение войны – против мира, а передовые отряды рабочей массы в этот период уже активно требовали прекращения империалистической войны. Телеграмма, посланная в средине марта 1917 года из Ижевска в Петроград, определенно констатирует, что „при манифестациях крики „долой войну“, „протянем руку германскому народу“, все время учащались. Большевики в ответ меньшевикам должны были развернуть большую работу по разоблачению

---

[1]) По данным Сергеева. См. „Ижевск в огне гражданской войны“ под редакцией Чурсина стр. 14—15.

[2]) Ленин т. XIX, III изд., стр. 76.

среди рабочих их предательских лозунгов. Но малочисленная организация большевиков, насчитывавшая в этот период всего три десятка членов, во первых, не в состоянии была охватить широкие слои рабочей массы, во-вторых, слишком много сил тратила на споры с меньшевиками на партсобраниях и заседаниях комитета, тогда как весь огонь борьбы нужно было направить на разоблачение меньшевиков перед широкой рабочей массой.

Можно было также поднять бешеную атаку против меньшевиков и меньшевистского совета и вокруг приезда меньшевистских „гостей"—членов Петроградского Совета. Эти „гости" проповедывали мир между трудом и капиталом, за продолжение империалиттической войны. Здесь мы имеем в виду приезд в конце марта 1917 года в Ижевск члена Государственной думы—Калинина и 2-х членов Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов — Смирнова и Фокина (прил. № 1). На совместном с ними заседании Ижевский Совет Раб. Солд. и Крест. депутатов вынес резолюцию об освобождении арестованных из заводской администрации—ставленников временного правительства, — но за то положительно ничего не решило по вопросу о 8-ми часовом рабочем дне. По первому вопросу было постановлено: „освободить арестованных лиц администрации и призвать товарищей рабочих в интересах нашего общего дела воздержаться от каких либо эксцессов и нежелательных выступлений по отношению к освобожденным". А по второму вопросу: „принимая во внимание приказ военного министра Гучкова о введении на всех казенных заводах 8-ми час. раб. дня и неполучение этого приказа до сих пор в Ижевском заводе, послать телеграмму на имя Гучкова и просить его сделать соответствующее распоряжение" [1]).

Арестованные,—заядлые враги рабочих,—были тут же освобождены; приказ Гучкова о 8 час. дне так и не дошел до Ижевска, а на прощание „гости" оставили для ижевцев „божеское" назидание: „Великая задача стоит перед нами: на развалинах рухнувшего самодержавия построить новую, свободную Россию. Перед величием этой задачи пусть смолкнут все мелкие споры, раздоры и счеты... Пусть каждый исполнит свой долг перед родиной. Рабочий у станка, солдат на позиции, крестьянин у сохи и гражданин в городе. Поддержите Новое Временное Правительство в осуществление возвещенных им в декларации свобод" (там же).

Эти вопиющие факты не были в достаточной мере использованы большевиками.

Потребовался определенный период для того, чтобы большевики собрались с силами, учли допущенные ошибки и начали развертывать работу среди широчайших рабочих масс. Результаты этой работы, как мы увидим ниже, не замедлили сказаться, тем более, что обещания меньшевиков и эсэров в течение 3—4 месяцев оставались только обещаниями, а положение рабочих продолжало все время ухудшаться и обманутая в начале значительная часть рабочей

---

[1]) Изв. Сов. Раб., Солд. и Крест. деп. Ижевск. завода от 1 апр. 1917 г.

массы левела (см. приложение № 2) и переходила в лагерь большевиков. Влияние последних к моменту Октября росло повсюду чрезвычайно быстро. С другой стороны в росте влияния ижевских большевиков на массы сыграл, конечно, немалую роль и растущий революционный взрыв по всей стране и особенно в крупнейших пролетарских центрах России.

Результаты перестройки работы большевиками сказались прежде всего в росте рядов парторганизации. Если в мае 1917 года большевиков насчитывалось всего 30 человек, то через месяц, после перестройки работы, когда они теснее связались с рабочей массой, когда направили весь свой огонь борьбы на разоблачение классовой сущности Временного правительства и его лакеев — меньшевиков и эсэров—организация стала расти чрезвычайно быстро, насчитывая в своих рядах до 500 человек, а к моменту I губпартконференции, состоявшейся в октябре, она об'единяла уже более 700 человек[1]).

Одновременно с этим в среде других „социалистических" партий начался идейный разброд. Так из меньшевистской части соц.-демократии выделялась группа интернационалистов, а из недр партии соц. революционеров вылупилась группа максималистов. После того, как господство меньшевиков в советах, как мы видели, реально для рабочих ничего не дало, они начинают терять в массах позицию за позицией, а вместе с этим авторитет большевиков растет чрезвычайно быстро.

К июлю, когда основные рабочие массы окончательно поняли сущность Временного правительства и его политики, они стали отряд за отрядом высвобождаться от меньшевистско-эсэровских иллюзий и под руководством большевиков отзывают из совета заядлых врагов рабочего класса и дополняют совет революционными представителями.

Видя такое положение, меньшевики напрягают все свои усилия в борьбе за массы. „Известия", издаваемые меньшевистско-эсэровским советом, в связи с преобладанием теперь в Советах большевиков и большевистски-настроенных депутатов перестает уже быть органом социал-соглашателей. Поэтому в конце августа меньшевики начинают издавать „Ижевскую рабочую газету", пропитанную исключительной клеветой на большевиков.

Так в № 3 этой газеты от 17-го сентября 1917 г., в ответ на выпущенное ЦК большевиков воззвание, определяющее политические задачи партии и момент в одной из статей читаем: „В начале революции, как известно, большнвики занимали неопределенную, колеблющуюся позицию...

„Но теперь,—продолжает статья,—большевики запутались и не зная, чего творить, выставили лозунг „да здравствует диктатура пролетариата"...

---

[1]) Октябрь и гражданская война в Вятской губ. стр. 78—79 изд. Истпарта Вятского Губкома ВКП(б).

„Итак, разговоры „о большинстве народа" кончены. Пролетариат—заведомо незначительное меньшинство, теряющееся во многомиллионной массе мелких собственников – один захватывает власть и в нашей разореной, голодной, темной, только что вышедшей из полурабского состояния России, вводит социалистический строй. Дальше итти некуда. От марксизма не осталось больше и следов". Эта выдержка как мы видим, чрезвычайно ярко показывает, что вся клевета, поднятая меньшевиками против большевиков, была борьбой против надвигающейся социалистической революции. Все их прежние разговоры о социализме и рабочем классе, когда пролетариат реально стал подготовлять осуществление своей диктатуры, эти горе-„социалисты" стали откровенными противниками, надвигавшейся социалистической революции и пролетарской диктатуры.

Какими только путями они не старались заглушить растущий революционный взрыв масс! Но рабочие массы продолжали итти твердой поступью в ногу со своим авангардом к решительному штурму против буржуазии и их ставленников и агентов—за пролетарский Октябрь.

Аналогичный процесс совершался и в соседнем Воткинске, где после февраля до летних месяцев организация допустила примерно ту же ошибку, что и в Ижевске, и к тому же была еще численно весьма слаба.

Воткинск событиями несколько опаздывал и шел за Ижевском. Например, к моменту I-й губернской конференции воткинские большевики еще не успели завоевать себе прочные позиции. Влияние их только начиналось. Докладчик тов. Бердников на губконференции обрисовывает общее положение в Воткинске следующим образом: „Парторганизация (большевистская) начала свое существование с 14-го сентября 1917 года, численность организации—200 чел., влияние незначительно. Совершенно нет работников. В советах засилье меньшевиков и эсэров... Настроение масс колеблющееся. Партия постепенно растет" [1]).

Воткинские большевики также вначале медлили с развертыванием работы среди рабочих масс, но они тоже быстро выправили эту ошибку и стали иметь такой же успех, как и ижевцы.

V. Удмуртия от Февраля к Октябрю.

(Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую).

В росте революционных событий удмуртская деревня несколько отставала от пролетарских центров края, но все же и здесь, начиная с летних месяцев, происходит процесс высвобождения трудовых слоев населения из-под влияния мелкобуржуазных партий. Причин было

[1]) „Октябрь и гражд. война в Вятск. губ.", стр. 79, изд. Вятск. губкома, 1927 г.

много. Империалистическая война после Февральской революции продолжалась и не видно было конца. Все повинности, связанные с войной, остались тяжестью на плечах трудящегося удмуртского крестьянства. Разрешение аграрного вопроса откладывалось до Учредительного собрания, а созыв последнего оттягивался. Национальная удмуртская буржуазия и большая часть удмуртской интеллигенции на всем протяжении от Февраля к Октябрю выражали доверие Временному правительству, активно его поддерживали. Все это отбросило трудовые массы крестьянства и левую часть интеллигенции из-под влияния мелкобуржуазных партий к большевикам. Проследим этот процесс.

Часть национальной буржуазии, которая была настроена „оппозиционно" по отношению к царизму, в период Временного правительства стала активной его сторонницей и выносила на национальных с'ездах ряд резолюций, поддерживающих Временное правительство.

Для иллюстрации этого приведем одну из таких резолюций делегатского с'езда удмуртов Глазовского уезда, происходившего 14—16 июля 1917 г.: „После долгих прений, — читаем в резолюции, — и обмена мнений о временном коалиционном правительстве (с'езд—М. Ф.) высказался за поддержку его во всех его демократических начинаниях, как по реформе внутреннего устройства России, так и в отношении проведения реформы для создания мощной дисциплинированной армии и постановил вполне присоединиться к резолюции, вынесенной об'единенным собранием Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Совета рабочих и солд. депутатов и Исполн. Комитета Совета крестьянских депутатов, которая изложена в такой форме: 1) страна и революция в опасности; 2) Временное правительство об'является правительством спасения революции; за ним признаются неограниченные полномочия для восстановления организации и дисциплины и для проведения всей той программы положительных мероприятий, которая намечена в декларации; о своей деятельности министры-социалисты докладывают об'единенному собранию исполнительного комитета не менее двух раз в неделю" [1]).

Руководителем таких с'ездов в большинстве случаев была интеллигенция, выражавшая интересы национальной буржуазии. Немалую роль играли на этих с'ездах и представители духовенства. Одновременно с ними, конечно, было представлено и крестьянство, но преимущественно попадали на эти с'езды верхние его слои, идущие за партией эсэров. Поэтому вполне понятно, что резолюции по аграрному вопросу выносились в духе эсэровской программы. Нужно учесть, что в первые месяцы периода Временного правительсва эсэры и нац. социалисты пользовались еще большим влиянием среди всего крестьянства. Везде и всюду создавались крестьянские союзы, члены которых в свою очередь занимали первенствующее положение в Советах крестьянских депутатов.

---

[1]) „Рев. Восток". № 7—статья Корбут.

Крестьянский союз, организовавшийся в Ижевске в апреле 1917 г., развернул большую работу среди крестьянской части рабочих и довольно основательно связался с около-ижевским крестьянством. Весь президиум этого союза целиком вошел в состав Ижевского Исполкома Советов раб. и солд. депутатов. Ижевский крестьянский союз стал создавать на периферии свои ячейки. Они были созданы в ряде деревень и сел бывшего Сарапульского уезда. Накануне Октябрьской революции союз насчитывал в своих рядах около 2 тыс. членов, куда преимущественно входило кулачество и обманутая часть середнячества.

Союз через свой печатный орган „Голос крестьянства" призывал всех крестьян об'единяться в дружную семью, за окончательное отобрание земли от помещиков, церквей и т. д. Вот что там писалось: [1]) „Земельный вопрос может разрешить только одно Учредительное собрание, т.-е. весь народ земли русской. По справедливости от 140 млн. крестьянского населения в этом Учредительном собрании должно быть избрано депутатов крестьян всего больше. Это может быть достигнуто только тогда, если крестьянские слои сольются в один могущественный всероссийский крестьянский союз, на знамени которого единственный девиз: „Земля и воля" [2]).

Но эти декларации оставались декларациями. Беднейшее и среднее крестьянство, так жаждущие земли, все еще ее не получали. Война не заканчивалась. Созыв Учредительного собрания, как мы уже сказали, откладывался. Поэтому беднота деревни принялась сама непосредственно за разрешение этих задач, откалывая середнячество из-под влияния мелкобуржуазных партий к большевикам. Пошли самовольные захваты помещичьих земель, самовольная рубка и распределение казенного леса, налеты на комиссарство Временного правительства и вспышки против хлебной монополии и выкачки хлеба. Так, в октябре 1917 г. крестьяне села Тимеевки и дер. Гаревки разгромили имение фабриканта Смагина и помещика Новокшенова. После разгрома имения они приступили к рубке леса, принадлежащего этим владельцам, и разделили землю между собой [3]).

Факты самовольного захвата частновладельческой земли и рубки казенных лесов продолжались еще в первые месяцы 1918 г., т. к. в ряде волостей в начале 1918 г. продолжали еще сидеть представители враждебных Октябрьской революции классов, пытаясь удержать свои позиции. В том самом „знаменитом" Лудорвае, где кулаки в 1929 г., под руководством контрреволюционного „кенеша", отпороли около 200 чел. бедноты и середняков, в результате политики Временного правительства было целое вооруженное выступление кре-

---

[1]) № 1-й этой газеты за 1917 г.

[2]) Из постан. Ижевск. крестьянск. союза 19 апреля 1917 г. опублик. в „Ижевск. телегр." от 22 апреля 1917 г.

[3]) „К пятой годовщ. прол. револ. в Прикамье" статья Шитова и газета „Труженик" изд. в Сарапуле № 35 за 1918 г. О ряде подобн. фактов см. приложение №№ 3, 4, 5, 6 и 7.

стьянства против отряда солдат, присланных для принудительного обмолота хлеба. Крестьяне этой деревни решительно отказались обмолотить свой хлеб и пригрозили солдатам восстанием. Вот как описывается этот факт в газете „Кама“ от 11 октября 1917 г., издававшейся в Сарапуле: „Выведенные из терпения солдаты, наконец, заявили, что вернутся в Сарапул, но приедут оттуда с ружьями, чтобы заставить все-таки молотить хлеб, если крестьяне не хотят этого по доброй воле, на что крестьяне отвечали: „Не больно стращай, мы и сами достанем на 500 чел. ружья из Ижевского завода, а молотить хлеба не станем и вам не дадим“. После такого заявления была прислана вооруженная команда во главе с офицерами. Собрался волостной сход. „Настроение волостного схода в самом его начале приняло буйный характер, и толпа крестьян арестовала троих волостных гласных, пытавшихся уговорить сход приступить к молотьбе, а затем решила посадить их в арестанскую и освободить из нее сидевших там зачинщиков. С этой целью толпа с палками и руганью направилась к караульной избе. Собрался отряд, началась свалка и стрельба. В результате, было убито двое крестьян, трое ранено и сильно избиты два солдата“.

О подобных же фактах вятский губкомиссар телеграфирует министру внутренних дел: „Население Юринской вол., Сарапульского уезда,—доносит он,—препятствует описи хлеба... Посланная в волость рота солдат вызвала массовое выступление крестьян. Расквартированный в Сарапуле полк, узнав о посылке солдат, устроил митинг, арестовал командира полка и уездкомиссара. Для прекращения в Юринской волости беспорядков штабом Казанского военного округа, согласно моей просьбы, срочно командирована Донская сотня из Екатеринбурга“ [1]).

Примерно тогда же было выступление крестьян дер. Кулларовой, Сардыбашской вол., Малмыжского уезда, подавленное опять присланным отрядом в 239 чел., „собравшаяся толпа пыталась окружить отряд, бомбардировала его камнями, хваталась за ружья“ [2]).

А уже в первой половине октября мы имеем крупные выступления в Елабуге и Глазове. „Из города Глазова,—сообщает газета „Речь“,—получены срочные телеграммы о начавшемся погроме и пожарах. В погроме принимают участие солдаты. Для ликвидации погрома срочно требуются войска“ [3]). Относительно выступления в Елабуге сообщается, что „12 октября толпой, подстрекаемой противниками хлебной монополии, тяжело избиты председатель и 3 члена городской продовольственной управы... Городу и уезду грозит погром“. Точно такая же картина, как и в Елабуге, была несколько раньше (5 августа 1917 г.) в Ижевске, при чем „толпа избила в заводе четырех чинов милиции, пытавшихся арестовать агитатора, призывавшего свергнуть правительство... 10 августа сделано срочно,

---

[1]) ЦАОР, ф. 406, д. 15, часть 47, 1917 г., лист 45, телеграмма от 23 авг. 1917 г.

[2]) Там же, лист 57, из доклада Малмыжского уездкомиссара.

[3]) Там же, д. 17, д. 17, часть 15, 1917 г. лист 8.

телеграммой, сношение штабом Казанского военного округа, командирован взвод солдат“ [1])...

То, что в деревне в результате политики Временного правительства создавалось напряженное положение, видно из ряда выступлений на совещании уездных комиссаров, созданном в Вятке 24 июля 1917 г. На этом совещании комиссары сообщают, что на почве учета хлеба „было несколько случаев, что (крестьяне М. Ф.) учетников избивали“, заявляя открыто, „что будут защищать свое право на хлеб с топорами и вилами в руках“ [2]).

Подобными фактами, происходившими в деревне, пестрят все газеты, издаваемые в этот период, и донесения в министерство внутренних дел, которые беспорно говорят о разочаровании в политике Временного правительства и росте влияния большевиков на беднейщие и середняцкие слои крестьянства. Да и сам крестьянский союз стал постепенно редеть и редеть. Обманутые зсэрами и кулацким „кенешем“ основные трудовые массы крестьянства, входящие в союз, стали его покидать. Ставленники же Временного правительства видя, что масса, — чем дальше, тем все больше стала уходить из под рук их, — решили усилить свое обычное средство — репрессии—но последнее не только не могло помочь, а, наоборот, разжигало движение.

Весь этот процесс поворота трудовых масс как городов края, так и сел и деревень, совершался под влиянием неослабной работы большевиков и сочувствующих им. В этом отношении хорошо была поставлена печатная агитация через ежедневный орган Ижевского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов, находившийся с осени 1917 г. в руках большевиков. Не плохо развернула свою работу в деревне и Глазовская организация большевиков. Она во всех отношениях шла впереди, по сравнению с другими уездами бывшей Вятской губернии. На ряду с печатной агитацией широко использовывалась и устная. По деревням раз'езжались посылаемые из окружающих городов большевики—агитаторы. Во время кампании выборов в Учредительное собрание одна Ижевская организация направила в деревню около трех десятков своих лучших сил. Немалую роль сыграли в деревне отпускники—солдаты, сочувствовавшие большевикам. Вообще, гарнизоны как в самой Вятке, так и в уездных городах губернии, в борьбе с Временным правительством занимали, на ряду с рабочими, одно из первых мест.

Настроение в Глазовском и Сарапульском гарнизонах, мы уже видели, а о поведении Вятского гарнизона губкомиссар Саламатов телеграфировал, что „солдаты отказываются нести караульную и всякую службу... увещаниям совершенно не поддаются, увещавшего командира полка арестовали... положение весьма серьезное, так как надежных солдат в гарнизоне нет, гарнизон в себе таит громадную

---

[1]) ЦАОР, ф. 406, д. 15, часть 47, лист 43, 1917 г.

[2]) Там же ф. 398/1, д. 21. Из протокола совещания уездных комиссаров Временного правительства по Вятской губ. 1917 г., см. приложение № 8, 9.

опасность, нужны меры к решительному установлению порядка в воинских частях"[1]).

Эти настроения гарнизонов, состоявших большею частью из крестьян, показывают, что колеблющийся между буржуазной и пролетарской революциями, середняк, начиная с августа, стал отряд за отрядом высвобождаться из-под влияния эсэров и меньшевиков. Даже эти последние вынуждены были признать наметившийся перелом в поведении основных трудовых масс крестьянства.

Меньшевик, член Центрального Исполнительного Комитета от Ижевска, А. Л. Сосулин в своем докладе в октябре 1917 г. о советах по Вятской губернии признает, что „в Глазовском Совете Рабочих и Солдатских депутатов преобладают большевики, взявшие фактически власть в свои руки... здесь они пользуются большим влиянием". А вот что он пишет в том же докладе: „В Ижевске и Воткинске отмечаются даже такие случаи, когда советы (эсэро-меньшевистские М. Ф.) выносят то или иное решение, но рабочие с ним не считаются. При всем желании руководителей Совета повлиять на массу, они ничего не могут сделать, так как рабочая масса идет уже дальше, призывая к захвату власти"...

„Совет Рабочих и Солдатских депутатов Воткинского завода стоит на той же позиции, на которой стоял и в первое время, но и здесь замечается колебание в сторону большевиков"[2]).

Тоже самое вынуждены признать и эсэры. Последние на своем собрании от 9 сентября, констатируя этот поворот, отмечают в своей резолюции, что „Временное правительство (читай эсэры и меньшевики) отталкивают с каждым днем все больше трудовые слои деревни и города"[3]).

Отходу основных масс крестьянства, и в первую очередь бедноты, от мелкобуржуазной партии в значительной степени способствовала быстро нараставшая волна революционирования рабочих масс, переход их на сторону большевиков. Вот как там разрастались события.

В Ижевске переход власти в руки пролетариата по существу произошел раньше, чем даже в столицах—в начале октября, с момента организации и вооружения боевой дружины из рабочих (начало октября месяца), которая впоследствии была переименована в Красную гвардию. Ижевские большевики, видя сопротивление заводского начальства в выдаче оружия для дружины, взяли решительный и смелый шаг и организовали внезапный захват оружейных складов для вооружения рабочей дружины.

Успехи большевиков среди рабочих парализовали действия контрреволюционных элементов, вызвали у последних растерянность. В своей телеграмме, посланной в адрес Главного Артиллерийского управления, начальник заводов пишет: „Мне пред'явлено требование

---

[1]) ЦАОР, ф. 406, дело 15, ч. 47. 1917 г.

[2]) ЦАО, ф. 1235, се. Д/8 д. 140, 1917 г. л. 7—8, см. приложение № 12.

[3]) Известие Ижевск. Совета р. с. и кр. деп. № 37 от 13 сент. 1917 г.

Советом Раб. Солд. депутатов о немедленной выдаче оружия Комитету спасения революции для вооружения боевой дружины. Ожидать распоряжения Г. А. У. на письменный запрос не соглашаются, настойчиво требуя выдачи 500 винтовок, 75000 патронов, 50 револьверов. Обратился к начальнику гарнизона и коменданту с просьбой, во исполнение приказа армии и флоту 49, охранять склады. Опасаюсь согласия местного гарнизона на выдачу оружия. Тогда бессилен противостоять самовольному захвату. 22 сентября 1917 года. Полковник Борисов"[1]).

Начальник заводов правильно учел обстановку, но он вряд ли успел получить ответ на свою телеграмму к тому времени, когда рабочая дружина сама себя вооружила и гарнизон действительно оказался на стороне большевиков. По существу власть перешла в руки рабочих, руководимых большевиками.

На этом ижевские большевики не остановились и оказали большое содействие большевикам г. Сарапула, где 17 октября происходил окружной с'езд Советов всего Юго-Камского округа, который прошел исключительно под руководством ижевской делегации, в составе которой было 18 большевиков из 22-х делегатов. С'езд, проведенный под руководством ижевских коммунистов, все свои решения вынес в большевистском духе (см. приложение № 15), которые подвинули далеко вперед борьбу Сарапульского и Воткинского пролетариата и беднейшего крестьянства района за социалистическую революцию.

В конце октября, кроме предс'ездовской кампании, парторганизация, как мы уже упоминали, провела большую работу перед началом выборов в Учредительное собрание. При этом не были забыты и окружающие Ижевские деревни, куда были посланы 33 выдержанных товарища, а в городе во всех районах и у избирательных урн велась постоянная раз'яснительная работа специально прикрепленными коммунистами. „Благодаря напряженной работе партии,—пишет один из партийных работников того периода,—большинство голосующих было на стороне партии т. е. 11 тыс. голосов получили большевики и около 7 тыс. голосов эсэры" [2]). Видя свое поражение по всем линиям и в связи с получением телеграммы о свержении Временного правительства и об атаке „Авророй" Зимнего дворца, меньшевики и эсэры вкупе с местными толстосумами, еще более усиливают клеветнические выпады на большевиков.

„Кому из честных политических людей,—вопиют они со страниц своей газеты,—еще не потерявших способность об'ективно мыслить и оценивать то или иное политическое событие, общественное явление, немного знающих русский народ в его целом, кому не ясно, что власть советов—диктатура большевиков и максималистов—не

---

[1]) Ижевск в огне гражданской войны — под ред. Чурсина, ст. 19. г. г. Ижевск изд. 27 г.

[2]) Сборник воспоминаний к 4-й годовщине Окт. революц. Удмуртск. Истпарт.

может встретить опоры и поддержки со стороны большинства русского народа, а потому заранее обречена на гибель и жалкую неудачу?

Неужели,—спрашиваю я вас, большевики,—вы не знаете, что нашему темному русскому солдату не нужно никакой войны, что по своей психологии он не большевик—он пацифист, мирно настроенный человек?"[1]).

Одновременно с газетным шипением они принимают на своем заседании комитета следующую резолюцию:

„Принимая во внимание:

1. Что всякий захват власти в настоящее время, за месяц до Учредительного собрания, совпадает с целями всех контрреволюционных элементов.

2. Что захват власти и движение в деле осуществления его есть шаг преступный и вредный опыт над бессознательными огромными массами, ведущий к расколу русской революционной демократии.

3. Что петроградское выступление большевиков влечет за собой сознательную или бессознательную отстрочку созыва Учредительного собрания.

4. Что Петроградский кровавый кошмар влечет за собой разрыв с союзниками и заключение сепаратного мира. Комитет РСДРП (об'-един.) считает:

а) выступление большевиков вредным для революции, горячо протестует и осуждает их тактику;

б) протестует против передачи всей власти Советам;

в) если власть в настоящий момент является свергнутой, то в основу реконструкции новой власти должен быть положен революционно-демократический принцип"[2]).

Председательствовал, между прочим, на этом заседании известный в Ижевске меньшевик Нижечик.

В своем постановлении меньшевики „разносят" большевиков за то, что они заключают сепаратный мир, а как только речь заходит о гражданской войне, то они, оказывается, „против" всякой войны. В этих выдержках, как нигде, ярко показана лакейская роль меньшевиков, ратующих за продолжение империалистической войны, за пополнение карманов капиталистов, за их господство.

Они искали всевозможные пути, чтобы удержать за собой массы пытались бить на чувство.

Из всех этих меньшевистских выкриков и воплей ничего не вышло. Масса за меньшевиками не пошла, а известие из Петрограда о переходе власти в руки рабочих могло только воодушевить местных рабочих и большевистскую организацию, которые стали еще более уверены в своих мероприятиях, начатых еще с июня-июля.

Рабочие, под руководством большевиков, после того как произошло вооружение рабочей дружины, тут же, как было получено

---

[1]) Ижевская рабочая газета № 9, от 30 окт. 1917 г.

[2]) Ижевская раб. газета № 9, от 30 окт. 1917 г.

известие о свержении Временного правительства, сразу приступили осуществлению рабочего контроля на заводе.

Во все главные отрасли работы и к начальникам мастерских были расставлены общезаводским комитетом комиссары, но начатый саботаж заводского начальства вынудил общезаводский комитет окончательно отстранить от управления производством этих саботажников. Это решение общезаводского комитета было утверждено Советом Раб. и Солд. Депутатов. После ряда упорств заводской администрации и технического персонала, ижевский пролетариат заставил их работать, убрав при этом наиболее активно выступающих против рабочих и советской власти. Вскоре за этим были национализированы и частные заводы в Ижевске.

Свержение власти ставленников Временного правительства в рабочих районах края чрезвычайно быстро отразилось и на деревне. Там переход власти к советам, после того как трудовая часть крестьянства повернула на сторону большевиков, произошел гораздо легче и быстрее, чем в таких мещанских городах, как Малмыж, Елабуга и др., в которых местная буржуазия находила опору в лице городской мелкой буржуазии и продажной интеллигенции. А в Вятке власть перешла к Советам только в декабре.

„Население в волостях, — пишут участники, — советскую власть встретило благожелательно, а потому при организации волостных советов препятствий не встречалось. Некоторые волости шли даже впереди уезда, рабочая революция в них нашла скорее отклик“ [1]).

Так, например, Дебесское волостное собрание постановляет: „Все удельные, казенные, кабинетские, помещичьи, частновладельческие, монастырские и церковные земли должны перейти без всякого выкупа в пользование трудового народа“. Собрание этим не ограничивается, оно требует „немедленно реквизировать хлебные запасы у помещиков, купцов, торговцев, банков и проч. владельцев“, протестует против производства и ввоза предметов роскоши. Собрание считает необходимым „поддерживать Советы Раб., Крест. и Солд. депутатов и те организации, которые выражают волю беднейших крестьян и рабочих“ и выступает против войны: „Так как в войне заинтересованы капиталисты и помещики всех воюющих государств, а труженики городов и деревни в ней не заинтересованы и так как она, кроме смерти, увечья, разорения, нужды и голода, ничего дать не может, то следует ей положить конец“ и т. д.[2]).

Подобные резолюции в конце 1917 г. и в начале 1918 г. выносятся повсеместно. В феврале—марте 1918 г, окончательно ликвидируются волостные земские управы. Создаются Советы и почти одновременно с этим формируются при Советах добровольные отряды Красной гвардии для защиты интересов трудящихся от контрреволюционных посягательств кулачества и свергнутой буржуазии.

---

[1]) „Октябрь и гражд. война в Вятской губ.“ ст. Городилова. ст. 30, изд. Вятск. губкома 27 г.

[2]) „Вятская правда“ № 4, 1918 г. Цитир. по статье Городилова. „Окт. и гражд. война в Вятской губернии“.

С победой Октября контрреволюция и ее лакеи—меньшевики и эсэры—не только не прекратили свою работу, но, на оборот, на ряду с легальной работой эти мелкобуржуазные партии организуют подпольные, подрывные организации, готовившие ряд внутренних восстаний с тем, чтобы ослабить силы только что организовавшейся пролетарской власти и помочь надвигавшейся интервенции международной буржуазии. Положение в Ижевске с марта 1918 г. до контрреволюционного восстания, было похоже на действующий вулкан. Вся контрреволюционная свора после своего поражения сосредоточила свое внимание вокруг легально-существующей организации союза „фронтовиков" и через этот союз стала неимоверно быстро разворачивать свою гнусную работу по дискредитации большевиков и по подготовке контрреволюционного восстания.

Союз „фронтовиков", организовавшийся в Ижевске в начале 1918 г., насчитывал в летние месяцы в своих рядах около 2500 членов [1]) и ставил с внешней стороны чисто благотворительные задачи, принимая в свои ряды даже заядлых реакционеров. Пункты союзного устава гласили, что союз об'единяет всех бывших участников империалистической войны для защиты их материальных, правовых и культурных интересов и не преследует никаких политических задач, при чем членом союза может быть всякий солдат царской армии, независимо от его социального происхождения и политических взглядов [2]). Эта хитрая вывеска, будто союз не преследует никаких политических задач, нужна была для того, чтобы не навести на себя подозрение со стороны рабочих и коммунистов.

Союз с самого начала своей организации, тайно стал вести контрревоюционную работу. Есть ряд оснований предполагать, что он был организован по директиве центральных контрреволюционных организаций и выполнял указания своего центра по заранее выработанному плану. На это наводят нас ряд моментов.

Во-первых, руководящую роль в этом союзе играло ижевское офицерство, которое тогда числилось около 200 чел.; во-вторых, такие организации существовали в ряде других мест и тоже вели контрреволюционную работу. Так, например, „Чрезвычайный революционный Совет" гор. Вольска,—читаем мы в одной газете того периода,—разоружил и ликвидировал союз „фронтовиков", члены которого в целях вооружения разграбили из воронежских эшелонов оружие, занимались (фронтовики М. Ф.) сговором темных сил против власти советов. Члены союза арестованы. Арест „фронтовиков" убийственно подействовал на местную буржуазию и соглашателей, видные члены которых скрылись" [3]).

---

[1]) „Окт. и гражд. война Вятск. губ." в статье Солоницына указывается, что союз „Фронтовиков" имел в Ижевске около 4 тыс. членов.

[2]) „Ижевск в огне гражд. войны" под ред. Чурсина.

[3]) Газета „Труженик" изд. в г. Сарапуле от 28/15 мая № 64.

Об этом же с несомненностью говорят воспоминания генерала Сахарова и одного активного участника и организатора контрреволюционных заговоров, писавшего под псевдонимом Лейт NN. Послушаем сначала воспоминания ген. Сахарова:

„Всюду чехам оказали помощь, пишет он, тайные организации русских офицеров и казаки". И дальше продолжает: „Справедливость требует сказать, что без помощи офицерских организаций восстание чехо-словаков не имело бы успеха. На каждой станции по уходе чехов снова появлялись бы большевистские банды, борьба приняла бы затяжной характер в чужой для чехов стране. На железной дороге в 5 тыс. верст, доблестное, многострадальное офицерство встало с оружием в руках на всем пространстве от Волги до Тихого океана и оказало братским славянским полкам могучую поддержку. Целый ряд городов Омск, Иркутск, Челябинск, Орск, Оренбург и Троицк очищен от большевиков без всякого участия чехов, одними белогвардейскими организациями и казаками" [1])

В своих воспоминаниях, приводимых в том же сборнике, Лейт NN говорит о том же, что такие контрреволюционные организации к зиме 1917 г. возникали повсеместно и что сильные организации были в Саратове и во всех крупных городах Среднего Поволжья, а Саратовская организация имела связь с Уралом. Такие крупнейшие заводы, как Ижевский и Воткинский, примыкавшие к Уралу, конечно, не могли остаться мимо планов контрреволюции, тем более, что первый из них (Ижевский завод) являлся одним из крупнейших военных заводов бывшей царской России.

Именно поэтому мы думаем, что подготовка восстания на этом заводе была не на последнем месте в планах контрреволюции. Кстати, все работы, вышедшие до сих пор об Ижевском восстании, (хотя их очень мало), умалчивают эту сторону вопроса. Между тем, враги всегда указывают на Ижевск, как на, якобы, один из примеров восстания рабочих против „насилия" большевиков, без всякого будто-бы участия контрреволюции. В действительности же, как мы видим и увидим еще ниже, дело было как-раз наоборот. Не случайно и то, что созданная впоследствии Колчаком Ижевская дивизия была насыщена неимоверным количеством офицеров.

VI. Ижевская контрреволюция и подготовка к восстанию.

Вернемся несколько назад и подробнее выясним проделки контрреволюционных организаций. Союз „фронтовиков", о котором мы упоминали в предыдущей главе, совместно с меньшевиками и эсэрами, в своей контрреволюционной работе начал использовывать максималистов. Организация максималистов образовалась в Ижевске в средине 1917 г., отколовшись от левой части эсэров. По своей идеологии эта организация (максималисты) так же, как и сами эсэры, явля-

[1]) „Начало гражд. войны" сборн., сост. Алексеевым под ред. Мещерякова.

лась мелкобуржуазной и отличалась она от них своей анархическо тактикой. Социальной опорой максималистов были главным образо крестьянская часть рабочих и деклассированные элементы города Максималисты в вопросе о прекращении империалистической войны экспроприации помещиков и капиталистов, 8 часовом рабочем дне организации Красной гвардии и т. д. выступали с громкими фразами маскируя свою мелкобуржуазную сущность и эти „левые" фразы увлекли многих рабочих, неискушенных в политике, и именно этим значительной степени об'ясняется их численный перевес над больше виками в этот период. На известном этапе, пока они (максималисты еще пытались кое-что осуществить из своих лозунгов, оказалос возможным создание временного блока большевиков с ними. Поэтому рядовая масса иногда максималистов относила к большевикам. Контр революция учла этот момент и задалась целью через „максов" дискредитировать большевиков, разложить красногвардейцев и, со здав конфликт между максималистами и большевиками, довести этот конфликт до вооруженного восстания.

И, действительно, в силу того, что среди красногвардейцев не мало было максималистов, отдельные отряды красногвардейцев на глазах жителей начали творить бесчинства, публичные расстрелы обыски и др. анархические поступки, а многое из этих бесчинств являлось результатом провокации эсэров и меньшевиков, пытавшихся создать конфликт.

Вообще у меньшевиков одним из основных методов борьбы были провокационные действия, которые пускались в ход и на за седаниях Совета. На одном из таких заседаний, чувствуя свое шаткое положение, они подбросили к своей фракции консервную банку и стали кричать, что это бомба, подброшенная, якобы, большевиками, стремясь поднять панику и сорвать заседание, но, к их огорчению, этот план был тут же разоблачен. Методом провокаций, как мы увидим, они действовали и в день контрреволюционного восстания.

Конфликт с максималистами разрастался изо дня в день. Боль шевики это видели и, в свою очередь, готовились сами и готовили массы к разоружению максималистов и подпавшей под их влияние части Красной гвардии[2]). Партия максималистов к тому времени была численно сильнее большевиков в 3-4 раза, поэтому начать откры тую подготовку к разоружению их значило довести дело до явной гибели.

Ответственные руководители большевистской организации: Пасту ховы И. и М., Лихвинцев, Жечев, Холмогоров, Комлев, Рогалев и ряд других, одновременно с легальной работой, на всякий случай под готовили все, что требовалось для подпольной работы. Впоследствии

---

[1]) „Максы"—так иронически называли большевики местных максималистов.

[2]) По неизданной рукописи воспоминаний к IX годовщине Октябрьской революции, ст. Комлева—Испарт. Удм. Обкома ВКП(б).

по науськиванию контрреволюции, максималисты действительно довели дело до того, что большевистские руководители не могли уже показываться открыто и им пришлось руководить борьбой в нелегальных условиях, что чрезвычайно затрудняло работу. Так как на стороне максималистов был численный перевес и к тому же довольно значительная часть Красной гвардии была под влиянием максималистов, самим ижевским большевикам, без помощи извне, справиться было уже невозможно. К тому же, недобитые эсэры, меньшевики и вся ижевская черная сотня стали теперь выступать открыто с противосоветской агитацией, в результате чего на время им удалось дезориентировать отсталые части массы.

Создавшееся чрезвычайное положение быстро долетело до окружающих городов: Вятки, Казани и Екатеринбурга. Последние выслали свои делегации, чтобы узнать, в чем дело, и помочь выходу из создавшегося положения.

Сочувственный отклик соседних городов воодушевил местных большевиков и сознательную часть Ижевского пролетариата. Политическая обстановка требовала решительных действий, тем более, что отдельные сведения, получаемые из Воткинска и Сарапула, говорили о такой же подготовке к выступлению со стороны местных максималистов.

На военной секции совета 20 апреля 1918 года большевики приняли решительный и смелый шаг, образовав полевой штаб в составе трех лиц: Белина, Холмогорова и Фокина „для водворения революционного порядка в г. Ижевске, нарушенного контрреволюционными уголовными группами лиц“ [1]). С этого же числа в городе было введено военное положение и был делегирован в Казань представитель Совета с полномочиями просить оттуда вооруженную помощь. Казань откликнулась и выслала вооруженный отряд моряков во главе с тов. Замятиным.

Полевой революционный штаб издал воззвание, обращенное ко всем рабочим, работницам и крестьянам, направленное против максималистов. В воззвании подчеркивается контрреволюционная роль максималистов и необходимость самой энергичной борьбы с ними.

Приводим это воззвание в выдержках:

„Товарищи рабочие, работницы и крестьяне!

До небывалых размеров дошли в нашем городе Ижевске анархия, самовольные обыски, аресты, грабежи и расстрелы, без всякого разрешения судебно-следственной комиссии при народно-революционном Трибунале.

Представители высшей местной власти не имели никакого авторитета в глазах преступников и сами жестоко платились за неоднократные попытки водворить революционный порядок в городе...

---

[1]) „Известия Ижевского Совдепа“ от 9 мая 18 г. № 76 (ст. 26/IV).

Подвиги... „идейных" максималистов прослышаны в Вятке, К зани, Екатеринбурге и др. городах. Явились специальные делега из этих мест, чтобы водворить мирным путем порядок в Ижево Полное собрание Совета большинством голосов, выслушав положен дел в Ижевске, вынесло резолюцию о реорганизации... Красной гв дии... и постановило, чтобы те орудия, пулеметы и прочее оруж которое имеется в руках Красной гвардии и партии союза „идейны максималистов, были немедленно сданы во вновь организованн военный отдел из 3-х большевиков и 2-х максималистов, под ко тролем Казанской делегации...

Максималисты, считая себя не обязанными подчиниться сове решили твердо не сдавать оружия. Последнее необходимо было С юзу максималистов для разгона „правого" Совета и захвата власти свои... руки. Все попытки мирно заставить... союз максимал стов отдать в распоряжение совета два орудия, бомбы и 7 пул метов, были тщетны. В настоящий момент существует чрезвычай напряженное состояние в городе, когда в каждый момент ожидает разряжение тучи обысков, арестов и расстрелов со стороны конт революционных групп в городе; несмотря на все наружное споко ствие в городе, когда наконец готовы стягиваться в Ижевск из С рапула, Елабуги, Воткинска и др. центров отряды бандитов... в т самый момент мобилизуются спешно все местные силы идейн большевиков и приезжает в Ижевск Казанский сводный отряд мор ков для немедленного водворения сурового революционного поряд в городе и передачи суду Революционного Трибунала всех престу ников перед народом...

Ижевск, 20 апреля 1918 года.
Председатель полевого револ. штаба Берлин.
Члены: Холмогоров и Фокин"[1]).

Выступление максималистов, которые стали уже к тому време прямым рупором контрреволюционных сил, было тут же решитель и быстро ликвидировано при помощи высланного из Казани отря моряков. В выпущенном полевым штабом втором воззвании к нас лению города показан весь ход ликвидации мятежа, поэтому мы е приводим почти целиком:

„Та банда разбойников,—говорится в воззвании,—именовавших „социалистами", та кампания, которая достаточно себя показала последнее время и в особенности вчера, сдалась. Союз „макс малистов", тот союз „истинных революционеров", который еще вчер выпустил широковещательное воззвание к ижевцам, жаждущее бра ской крови большевиков, обещавшее не сдавать, „контрреволюцио ным" большевикам... своего оружия и позиций, выражавшее желан биться до конца с большевиками,—сегодня трусливо скомпромет ровал себя перед лицом ижевцев и всего пролетарского трудящ гося народа трусливым оставлением своего „революционного поста

[1]) „Известия" Ижевского Совета от 9 мая (26 апреля) 1918 года.

Вчера, 20 апреля в 4 часа вечера, Ижевским полевым револ. штабом союзу максималистов для того, чтобы немедленно и честно провести в жизнь постановление Ижевского Совета Р. и К. деп., был последний раз с двумя парламентерами пред'явлен приказ-ультиматум с требованием разоружить преступное и темное общество, сгруппировавшееся вокруг союза максималистов и сдать рев. штабу имеющееся в их распоряжении оружие. Но он, союз максималистов, ответа на наше требование не дал. Тогда, исчерпав все способы бескровного разрешения создавшегося конфликта, прибывшим казанским сводным отрядом особого назначения и его руководителями было сделано распоряжение дать вверх 5 орудийных выстрелов. В ответ на них последовали выстрелы максималистов, на которые стал отвечать и отряд.

После этого мы опять прилагали все усилия к мирной сдаче максималистов, не желая пролить невинной, никому ненужной, крови. Выстрелы смолкли... В штаб к нам пожаловали от максималистов парламентеры и на этот раз тоже, как и раньше, предлагали собрать пленарное заседание: их союз, от моряков и партии большевиков и опять говорить. Но о чем? Подождать до утра? Дать возможность еще каким-нибудь ловушкам (ожидая помощи из Сарапула, Воткинска и Елабуги)?

После последующих переговоров по телефону с союзом максималистов, последние категорически отказались подчиняться ультиматуму и руководителям военно-оперативных сов. войск в г. Ижевске и решили сопротивляться. Снова раздались выстрелы, как с той так и с другой стороны, и в течение 5—10 минут не смолкали. Вскоре из окон квартиры союза максималистов понеслись душу раздирающие, умоляющие крики: „Берите оружие, сдаемся". Канонада смолкла...

Некоторые лидеры максималистов (Истомин, Плетнев и др.) постыдно бежали во время боя, оставив своих товарищей на произвол судьбы.

21/IV—1918 г. Пред. Полев. рев. штаба—Берлин.
Члены: Холмогоров и Фокин" [1]).

Эти два воззвания показывают весь ход выступления и его ликвидацию. Контрреволюция, скрываясь за спиной максималистов и др. мелкобуржуазных партий, стала вести свою гнусную работу и частично успела дезориентировать отсталые отряды рабочего класса, а партия максималистов стала превращаться в игрушку в руках недобитых реакционных сил. Воззвание показывает также ту решительность большевистской организации, какую она проявила в деле ликвидации выступления максималистов, но тут же мы должны добавить, что с ликвидацией мятежа не было принято решительных мер по обезглавливанию контрреволюции, скрывавшейся за спиной „максов".

Главари контрреволюции и после мятежа свободно продолжали свою гнусную работу по подрыву авторитета большевиков и чрез-

[1]) „Известия" Ижевского совета за май 1918 г.

вычайно ловко использовали конфликт с максималистами, да и с конфликт, как мы уже упоминали, вырос не без участия контрр волюции. Мелкобуржуазные партии, используя безобразия, творимы максималистами, старались наживать в массах политический капита и во время перевыборов в Совет, во второй половине мая, выступил открыто и получили в Совете большинство. Во главе временно президиума оказался тот самый меньшевик Нижечик, под председ тельством которого была в октябрьские дни вынесена меньшевис ским комитетом контрреволюционная резолюция. Меньшевики пр перевыборах Совета выступали в блоке с эсэрами и предложил новому Совету резолюцию, резко направленную против большевик и советской власти, которая гласила:

„Принимая во внимание, что Советы в настоящем его соста совершенно сошли с классовой точки зрения народовластия, превр тившись в органы бюрократическо-полицейской власти, члены парти С-Р и С-Д (об'единенной), входя в новый состав Совета, раскры вая перед широкими массами рабочих и крестьян преступную дикт торскую политику комиссародержавия, должны добиваться следую щих основных преобразований: 1) Совет должен снова стать наши центром, независимым от государственной власти. 2) Для этого Сов должен восстановить городское самоуправление и передать ему дел местного управления. 3) Для спасения страны от разрухи, революци от крушения, рабочего класса от гибели, Совет должен добиваться созыва Учредительного собрания, немедленной отставки народны комиссаров и организации общедемократической власти", а 9-й пун резолюции требует анулирования Брестского мира. Большинство 70 голосов, против 64 принята была эта явно контрреволюционна резолюция меньшевиков и эсэров. Такая победа контрреволюции н была какой-то случайной неожиданностью. В ряде цехов завода он также успели протащить свои резолюции.

Из 29 мастерских завода 15 высказались за большевиков, а 1 за Учредительное собрание, т. е. за меньшевиков и эсэров [1]), хотя п этим 14 цехам последние получили незначительное большинство ратовали за Учредительное собрание, главным образом, мещанская кулацкая части рабочих, но через этот слой рабочих меньшевики эсэры сумели одурачить некоторую прослойку из несознательно части рабочих и поэтому в состав нового Совета рабочих депутато проникло большинство сторонников мелкобуржуазных партий.

Убедившись, что соотношение сил в новом составе Советов н на стороне большевиков, последние демонстративно покинули пер вое же заседание, заявив при уходе, что в таком Совете они н только не будут работать, но, наоборот, положат все силы к тому чтобы разогнать его.

Их уход оказал влияние на беспартийную часть Совета, колеба шуюся пока между правыми и левыми, которая, склонившись к боль шевикам, тоже покинула заседание. Этот последний момент вне

[1]) Бюллетень Иж. Совета и К. депутатов № 9 1918 г. от 28/10 н. ст. июня.

в дела эсэро-меньшевистской части Совета некоторое замешательство и поэтому временно к работе был призван старый состав Совета, но ненадолго. Во время июньских перевыборов в Советах большинство мест, опять-таки, достается меньшевикам и эсэрам.

После победы при июньских перевыборах эсэро-меньшевистский Совет стал издавать свою газету „Ижевский рабочий", на страницах которого разносились направо и налево не только большевики, но и весь пролетариат, осмелившийся взять власть в свои руки.

Дело так продолжаться не могло, большевики это понимали прекрасно. Поэтому на одном из заседаний комитета большевистской организации, повидимому, в начале июля, был поставлен вопрос о запрещении дальнейшего легального существования эсэровской и меньшевистской организации и об аресте их руководителей. По этому вопросу разгорелись большие споры, часть комитета была за немедленный арест эсэро-меньшевистских вожаков, а часть стояла за изыскание других методов борьбы. Большинством голосов прошло первое предложение, но одним из присутствующих это решение было выдано меньшевикам и эсэрам и на другой день их лидеры Бузанов, Нижечик и др. скрылись, а кто не успел—были арестованы. После бегства правых из Совета, Совет и президиум сконструировался из коммунистов и сочувствовавших им,[1]) но, к сожалению, начатое дело не было распространено на явно подозрительную организацию, называемую „союзом фронтовиков", где было сосредоточено ядро надвигающейся контрреволюции.

Оживление контрреволюции наблюдалось и в соседних городах и на Воткинском заводе. Вот что пишет один из очевидцев в своих воспоминаниях:

„Низвергнутый буржуазно-кулацкий элемент, видя, что рабочий класс рано или поздно согнет всех их в бараний рог, повел отчаянную борьбу за власть. Буржуазия, договорившись с меньшевиками и эсэрами, стала действовать организованно. Цель их борьбы—свержение советской власти, восстановление Учредительного собрания. Демобилизация старой армии фронтовиков дает в лице офицеров частичное подкрепление буржуазии. Вернувшиеся буржуазные сынки, офицеро-кулацкие элементы, жандармерия быстро организовала во многих местах союзы „фронтовиков". Такой же союз организован в Воткинске под руководством офицеров: Механошина, Колдыбаева, Юрьева, Шадрина, Мудрынина и др.

„Офицеро-кулацкий союз „фронтовиков" завязал связь с Ижевским союзом „фронтовиков", где тоже руководителями являлись офицеры, меньшевики и эсэры" [2]).

В Воткинске, так же как и в Ижевске, контрреволюционные элементы пытались создать конфликт между Красной гвардией и большевистской организацией. С этой целью в 20-х числах мая в до-

---

[1]) Сборник воспоминаний к 4 годовщине Октябрьской революции, Испарт Удм. ОК ВКП(б).

[2]) „Ижевская Правда", от 9/XI—1921 г. из воспоминаний Дворова.

ме председателя Совета, была подброшена максималистами и анар-
хистами бомба. Провокация не удалась, большая часть рабочих вы-
ступила в защиту совета и Красная гвардия была преобразована
в Красную армию без эксцессов.

Так же благополучно прошла реорганизация Красной гвардии в
Сарапуле. „В итоге событий двух последних дней,—сообщает газета
„Труженик",—Красная гвардия в Сарапуле распускается. Благодаря
старанию Исполкома и сознательности красногвардейцев конфликт
прошел без трений, на особо-выработанных условиях" [1]).

Лучшая часть Красной гвардии тут же была зачислена, по ее
желанию, в Красную армию.

Контрреволюция путем провокации пыталась и в Сарапуле до-
вести дело реорганизации Красной гвардии до восстания, но просчи-
талась. Например, из Елабуги после расформирования Красной гвар-
дии была получена Сарапульским Советом телеграмма, якобы, от
имени Казанского отряда моряков (отряд Замятина), в которой пред-
лагалось арестовать руководителей Красной гвардии—Шадрина, Кол-
чина, Огнетова и др. Совету был пред'явлен в телеграмме ультиматум
с угрозой за неисполнение, предать суду Революционного Трибу-
нала [2]). По выяснении оказалось, что начальник отряда никогда такую
телеграмму не подавал, а дело это было делом рук елабужских мень-
шевиков и эсэров.

Контрреволюция не спала и в деревне. Для дискредитации пере-
трудовыми массами крестьянства Красной гвардии она организовала
из преступных элементов вооруженные банды с красными повязка-
ми, замаскировывая их под Красную гвардию и действуя ее именем
устраивали сплошные погромы для того, чтобы противопоставить тру-
довые слои крестьянства против неокрепшей еще советской власти.
В постановлении Завьяловского волисполкома по этому поводу мы
читаем следующее:

„Обратиться в Сарапульский Уездный Совет Крестьянских депу-
татов с просьбой выдать Завьяловскому Исполкому 200 винтовок и
50 револьверов с соответствующим количеством патронов для раз-
дачи их населению через сельские комитеты общественной безопас-
ности для борьбы с шайками бандитов, грабителей и хулиганов,
именующих себя красногвардейцами" [3]). Эти банды, организуемые и
подогреваемые контрреволюцией и деревенским кулачеством, нала-
гали на деревни контрибуции, производили обыски, аресты, расстре-
ливали и насиловали женщин и так с молниеносной быстротой но-
сились из одной деревни в другую.

Приведем по этому же поводу другой факт:

„Шайки негодяев, самозванцев, называющих себя красногвар-
дейцами, производят убийства и грабежи в уезде, а деревенские ку-

---

[1]) Газета „Труженик" № 41, за 1918 г., изд. в Сарапуле.
[2]) Газета „Труженик" № 56.
[3]) Там же, № 42 от 24/11 апреля.

лаки, и все темные силы стараются использовать, чтобы бросить черное пятно на советскую власть...

На днях такая шайка, в три человека, на лошади об'ехала ряд вотских деревень—Багитово, Сандуково, Ожегихино и т. д.. И, конечно, порядочно поживились, перепугав все население" [1]).

В ряде деревень, где это было распространено, деревенская беднота сама взялась за самооборону, создавая дружины по охране от неожиданных налетов банд, организуемых кулачеством для дискредитации Красной гвардии и советской власти. Беднота и середнячество наиболее революционных волостей и сел весной 1918 г. в связи с тем, что мелкобуржуазные партии изгонялись пролетариатом окончательно из Советов,—стала наступать на кулачество, приступив к уравнительному (по едокам) переделу земли.

Такой передел крепко бил по кулаку, который в дореволюционный период, пользуясь дешевой распродажей земли уходящей в город бедноты, успел сосредоточить в своих руках значительное количество десятин. Во-вторых, этот передел означал ломку старых полос и полей и, следовательно, такое же уравнительное распределение как унавоженной, так и близкой и дальней от деревни земель. А в отношении лучшей и близкой к деревне земли, кулачество занимало первое место. Кстати необходимо отметить, что в ряде волостей по Удмуртобласти такой передел проведен только в 1928 г. и в этих местах кулачество свою превышающую норму без передела „отдавало" селению и, конечно, наиболее плохие и отдаленные участки, оставляя себе хорошие и близкие полосы.

Начавшееся наступление на кулачество сначала по линии разрешения аграрного вопроса в крае, а затем наложенная контрибуция на кулачество и продразверстка несомненно взбесили деревенскую контрреволюцию.

Таким образом, начиная с весенних месяцев 1918 г. вся контрреволюция, как в городе, так и деревне начинает напрягать все свои усилия за свержение диктатуры пролетариата.

Еще более окрылило контрреволюцию выступление в мае чехословацкого корпуса и его приближение к Ижевску.

Теперь всем известно, что руководители чехо-словацкого корпуса получали от Антанты миллионы рублей для борьбы против власти советов, а эсэры и меньшевики благословили их на это дело. Соглашение чехов с Антантой о выступлении состоялось, как уже установлено теперь, приблизительно еще в конце февраля или в начале марта 1918 г. За летние месяцы этого года чехи получили от Англии и Франции 15 миллионов рублей. Если до выступления чехословацкие солдаты получали в месяц 5 руб. жалованья, то с первого же дня выступления они стали получать по 200 рублей [2]). За такую цену рядовая солдатская масса чехов была включена в авантюру против диктатуры пролетариата, а „бабушка русской революции"

---

[1]) Газета „Труженик" 12 апр. 1918 г., № 33 орган Сарапульского Уездн. Совета.
[2]) Газета „Борьба" № 22 орган Полит. отдела 1-й армии.

одна из руководительниц партии эсэров — Брешко-Брешковская подливала масла на эту авантюру. „Чехо-словаки! — восклицала она в своем воззвании.—На вашу долю выпало счастье послужить образом того ближайшего идеала, к которому ваши русские братья направляют взоры свои, в котором ищут выход из пучины бедствий их поглощающих. И ваша твердая жизнь, ваша мужественная выносливость и неустанное усердие к выполнению взятого на себя долга не покинут вас!.. Вы закладываете широкий и прочный фундамент единению славянских народов и пусть это божественное призвание укрепляет силы ваши, терпение и мужество.

Да здравствует единство славян, да здравствуют братья чехословаки, отдавшие силы свои на основу этого единения!

Екатерина Брешко-Брешковская“ [1]).

Не напрасно возлагал большие надежды на эсэров и тайный шпион английской буржуазии—полковник Пишон, изучавший условия Сибири для предполагаемой интервенции и выступления местной контрреволюции. Он пишет тем, кто его посылал: „Социалисты-революционеры. Под этой маркой группируются, в сущности, социалисты различных оттенков и даже замаскированные кадеты. Как бы то ни было, а партия эсэров представляется для нас чрезвычайно полезной и нет сомнения, что договориться с ней будет можно“ [2]). И, действительно, Антанта с ними договорилась.

Организовавшиеся после свержения советской власти в Поволжье — Самарский и в Прикамье — Прикамский комитет Учредительного собрания, под руководством виднейших эсэров, которые впоследствии лакейски ползали под пятой офицерщины и, докатившись до Омска, удостоились получить кличку „воробьиного правительства“, сдали свой пышный демократизм представителям монархических групп. Конечно, если бы не эти контрреволюционные партии, одни чехи не имели бы столько успеха.

Немало также проникли контрреволюционные элементы в то время в наши советские органы и в самую Красную армию. Об этом нам говорит ряд измен: главкома Муравьева, измена впоследствии, в боях с чехами, под Казанью, и всего штаба, сформированного Муравьевым, не прочищенного до конца при новом главкоме. Изменил под Казанью отряд Трофимовского, командира латышского полка — Бредиса и т. д.

Не отстало в участии в контрреволюции и удмуртское офицерье, которое сосредоточилось вокруг эсэровской газеты „Виль синь“ („Новое Око“) и, как только чехи вступили в г. Елабугу, все они оказались добровольцами на стороне врагов.

Состояние Красной армии в это время было еще слабое. Части ее организовывались на местах стихийно, обучению не подвергались, да и не было для этого времени, не было регулярного снабжения,

---

[1]) Газета „Красный Набат“ № 19, от 3 окт. 1918 г., орган Политотдела и штаба 3-й армии.

[2]) Круссер „Колчаковщина“, стр. 10, Сибкрайиздат, 1927 г.

много было еще в них элементов партизанщины, части были друг от друга разбросаны и плохо поддавались единому руководству.

Отчасти по этим причинам, главным образом, из-за перевеса военных сил противника, были разбиты наши части 2-й армии, действовавшие против бело-чехов со стороны Урала. Эти части были настолько сильно разбиты, что, в результате, из-под Уфы сначала по Белой, а затем вверх по Каме докатились до Сарапула, но и там не сумели удержаться и после ряда поражений армия в моральном отношении ослабла.

Когда белогвардейщина, совместно с чехами, стала вступать в пределы бывш. Вятской губ. (гор. Елабуга) и этим самым грозить хлебным районам, навстречу им из Сарапула был направлен вниз по Каме к Елабуге отряд Красной армии под командой Блохина, а другой отряд, во главе с Чеверевым—на Агрыз против восставшего Ижевска [1]). Отряд Блохина опоздал и указанные районы уже были заняты белыми. Поэтому он отступил обратно к Сарапулу, соединившись с оставшимися частями в Сарапуле. Не выдержав натиска белых, части разбежались и окончательно „...вырвались из рук управления; часть этих отрядов бросилась к рекам Каме и Вятке. Захватили пароходы и стремительно поплыли вверх по реке Вятке, распространяя по пути самые фантастические и нелепые слухи; те, кто не успел сесть на пароходы, продолжали в беспорядке отходить по берегам рек и по линии Казань-Екатеринбургской ж. д. в направлении на Вятские Поляны, мобилизуя в свои отряды крестьян Елабужского, Чистопольского и Мамадышского уездов“ [1]).

Одна группа из отступавших, вырвавшись из рук командования, прошла со стороны Сарапула на Вятские Поляны по деревням левой стороны железной дороги (от Сарапула на Вятские Поляны), допуская ряд бесчинств (дер. Нижние Юри, Найденыш и др.), этим самым настроив район враждебно к советской власти, ибо кулачеством эти бесчинства отдельных красноармейцев были быстро использованы в своих интересах.

Разбросанность армии, отсутствие централизованного руководства, а главное развертывающаяся гражданская война поставили перед советским правительством вопрос о необходимости реорганизации сил Красной армии в сторону отказа от кустарничества, т.-е. от отдельных отрядов, не связанных между собой к единому централизованному управлению и командованию.

После такого урока должна была перестроиться и разбитая 2-я армия. Для такой перестройки и для приведения в порядок частей указанной армии, прибыли в г. Вятку только что назначенные члены Реввоенсовета 2-й армии — Сокольников, Штернберг и Гусев. Последний из них вместе с будущим командиром Шориным, 12 сентября прибыли в Малмыж, где стоял полевой штаб армии. Прибыв туда, они встретили лишь одни обломки этой армии. Никто точно

---

[1]) Ход восстания в Ижевске будет показан в VII главе.
[1]) Статья Шорина „Гражданская война“ 1918—21 г. под редакц. Бубнова.

не знал ни численности армии, ни ее состояния. Настроение в штабе было подавленное и не было у них никакой надежды на победу. Речная флотилия, во главе с начальником Бабкиным, начала разлагаться. Относительно состояния 2-й армии в это время т. Шорин пишет: „Все виденное приводило к заключению, что в сущности армии никакой не существует и что нужно заново строить 2-ю армию“ [1]). Прибывшим новым начальством полевой штаб был из Малмыжа спущен в Вятские Поляны с тем, чтобы приблизить его к оперировавшим по району частям.

„Немедленно, рядом принятых мер, начала восстанавливаться связь с теми отрядами, которые были в районе В. Полян и с отрядами, разбросанными по р. Вала. Все эти отряды не представляли каких-либо организованно-тактических единиц: то были разрозненные, малооформленные и весьма слабо сплоченные отряды, некоторые из них носили названия групп, полков, отрядов, были маршевые роты продовольственных полков“ [2]). К середине сентября эта реорганизация в основном была проведена. Мы более подробно останавливаемся на 2-й армии постольку, поскольку во весь период гражданской войны на территории нынешней Удмуртской авт. области оперировали части именной этой армии.

На севере области действовали части 3-й армии, в свое время будет сказано и о ней.

VII. Вступление чехов на территорию нынешней Удмуртии и восстание в Ижевске.

3 июля эвакуируется Уфа, а 6 августа падает Казань, затем чехи поднимаются вверх по Каме, разгоняя советы в Елабуге, Челнах и Сарапулу. В это самое время с севера английский десант занимает Архангельск и двигается на Котласскую ж. д. ветку, чтобы через Вятскую губ., с одной стороны, соединиться с чехами, подступающими к границе губернии с южных ее районов, а с другой—с целью соединения с сибирской контрреволюцией по Северной ж. д. линии.

Создается чрезвычайное для губернии положение. Власти губернии принимают срочные меры для формирования вооруженных сил с тем, чтобы не дать осуществиться планам интервентов. Быстро формируется преимущественно из рабочих 1-й Вятский советский полк, а местам дается в конце мая приказ: „Всем начальникам и комиссарам отрядов, волостным и уездным комиссарам Вятской губ. предлагается привести находящиеся под их командованием отряды и воинские части в полную боевую готовность“ [3]). К этому же готовятся пролетарии заводов Ижевска и Воткинска, находящиеся тогда на

---

[1]) Ст. Шорина „Гражданская война 1918—21 г.“ под ред. Бубнова, т. I.

[2]) Там же.

[3]) „Октябрь и гражданская война в Вятской губ.“ под ред. Данчик и др. из статьи Солоницина.

территории Вятской губернии. После ряда поражений децентрализованных частей 2-й армии в борьбе с чехами, штаб 2-й армии посылает своих представителей (Кучкин, Галкин и Чернадьев) в близлежащие рабочие районы в Ижевск и Воткинск, в надежде пополнить свои передовые части рабочими этих заводов и остановить продвижение чехов.

Обстановка в самом Ижевске, как мы уже видели, в эти месяцы была чрезвычайно напряженной. Чувствуя и предвидя надвигающуюся опасность, большевики Ижевска стали предпринимать ряд чрезвычайных мер. Город и район об'являются на военном положении. Главари контрреволюции—местная буржуазия, попы, офицерье,—в числе около 100 чел.[1]) арестовываются. Посылаются в центр предупредительные телеграммы, доклады и даже посылаются делегации, но оставшиеся силы врага с наступлением белых оживляются.

Очень интересно здесь привести небольшую выдержку из доклада зам. председателя Ижевского горсовета тов. Холмогорова (см. приложение № 13) комиссару внутренних дел РСФСР, написанного за 16 дней до восстания. Все его опасения полностью оправдались. В заключительной части доклада он пишет: „Если не обратить серьезного внимания на Ижевский завод, он может представлять из себя серьезную угрозу Советской реслублике по следующим основным причинам: 1) распределение вырабатываемого оружия на заводе, по данной из центра инструкции, находится исключительно в ведении Совета, а, следовательно, попадает в руки правых эсэров и меньшевиков, 2) забрав распределение в свои руки, они могут не только вооружить этим оружием контрреволюционеров Ижевского завода, но и снабжать им другие белогвардейские банды, 3) могут нарушить окончательно тем или другим способом производство винтовок на заводе, 4) свив гнездо в Ижевске, они могут создать там базу контрреволюции, откуда будут распространяться их действия по всей Вятской губ., как только, конечно, представится случай. Чтобы своевременно избежать вышеуказанные угрозы, центральной власти необходимо обратить самое серьезное внимание на Ижевский завод и принять срочные меры в этом направлении, так как местная коммунистическая партия располагает очень слабой реальной и еще слабее политической идейной силой в данное время, и в среде мелкобуржуазной массы она не в силах справиться самостоятельно с надвинувшейся угрозой“[2]).

Приняли ли центральные органы, в частности комиссариат внутренних дел, меры по этим донесениям, нам точно неизвестно, кроме резолюции Наркомвнудела на докладе: „В информотдел, для обращения самого серьезного внимания и подыскания ответственных лиц для посылки, хотя бы из членов ЦИК. Все это, конечно, надо сделать немедленно, если уже не поздно вообще“.

---

[1]) Не изданная рукопись воспоминаний к 4 годовщине Октября. ст. Комлева, Испарт. Удм. Обкома ВКП(б).

[2]) ЦАОР, ф. 393, оп. 16, д. 49, лл. 61—62.

Что ижевские коммунары чувствовали, что обстановка не в их пользу, видно еще и из того, что вначале на предложение представителей 2-й армии мобилизовать коммунистические силы, партийный комитет отвечал отказом, мотивируя свой отказ как раз тем, что создалась такая политическая ситуация. Вот заявление парткома на этот счет: „Как только мы ослабим свои силы, так вспыхнет восстание. Враг уже мобилизуется для удара в тыл Красной армии и ждет благоприятного момента. Для армии лучше будет, если тыл останется советским, а не белым“ [1]).

ХОЛМОГОРОВ С.
тов. председателя Ижевск. Совета Раб. и Крестьянских депутатов в 1918 г. погиб во время восстания.

Далее тот же представитель 2-й армии пишет: „В партийном комитете нам уже говорили, что большинство рабочих настроено враждебно к коммунистам, — идут за максималистами, за эсэрами, за меньшевиками, что толку от нашей вербовки добровольцев не будет“ [2]).

Сказать без всяких оговорок, что большинство шло за мелкобуржуазными партиями, будет, конечно, не верно, но к моменту восстания, в силу сокращения производства, часть рабочих, связанная с собственностью, совместно с кулацкой[3]) частью стали в процентном отношении занимать довольно значительное место. На них и строила свою опору оживившаяся контрреволюция.

В связи с отправкой на фронт против чехов лучших сил из коммунистов и беспартийных рабочих, удельный вес лучшей части рабочих понизился еще более и в связи с этим „вооруженная сила на обоих заводах (Ижевск и Воткинск — М. Ф.) ослабла. Полученная на митинге информация о тяжелом положении фронта взбодрила белогвардейщину, окрылила ее. Она учла момент и форсированным маршем шла к восстанию. В течение нескольких дней (буквально двух дней М. Ф.) ижевская контрреволюция привела свои силы в боевую готовность. Это свидетельствовало о том, что она готовилась к восстанию

---

[1]) „Пролет. Револ.“ № 6 (89), за 1929 г., ст. Кучкина.
[2]) „Пролет. Револ.“ № 6 (89) за 19 9 г., ст. Кучкина.
[3]) Мы имеем в виду кулацкую часть, которая во время империалистической войны спряталась на заводе: их оставалось там еще немало в 1918 г.

давно и упорно, что кадры ее были всегда на чеку"[1]). Такая посылка значительной части членов организации на фронт и при том тогда, когда ижевским коммунарам внутренняя опасность была ясна, оказалась роковой.

„Восстание зрело, но, если бы штаб 2-й армии, вняв голосу ижевских большевиков, пришел к ним на помощь, срезал бы белогвардейскую головку союза „фронтовиков", а потом постарался бы пропитать его большевистским духом (коммунистов губернского масштаба в штабе было много), затем помог бы выравнять партлинию ижевского большевистского комитета (у него много было промахов в работе), помог ему охватить рабочие массы на заводе и подчинить их большевистскому влиянию—при этих условиях восстание могло бы быть продвинуто на более поздний срок" [2]). И если бы восстание было отодвинуто на более поздний срок, то скорее бы прогнали чехов из Казани и из других ближайших местностей, что с другой стороны позволило бы при первой серьезной опасности направить в Ижевск достаточные военные и партийные силы.

Как только пала Казань, как только большевики отправили свою основную силу на фронт, контрреволюция принялась за свое дело. Началось оно с того, что, отправив на чехо-словацкий фронт коммунистов и добровольцев, большевики об'явили мобилизацию трех годов—1896, 1897, 1898 гг., под которую попадала значительная часть союза „фронтовиков", и в этой мобилизации лежит непосредственный повод к рязвязке событий.

На мобилизацию председатель „союза" ответил поголовным согласием последнего итти на фронт при условии, если их вооружат тут же на месте. Большевики хорошо знали, что из себя представляет „союз" и его замыслы и поэтому решительно отказались выдать оружие.

Получив такой ответ, главари „фронтовиков" пошли с апелляцией к рабочим и дать людей на фронт отказались, якобы, до выдачи оружия. „Мы, как испытанные бойцы,—говорили они,—хотим защищать Ижевск от наступающей чехо-словацкой банды, а большевики нас не вооружают". Спровоцировав рабочих, „фронтовики" (читай контрреволюционные главари фронтовиков), посылают в совет делегацию опять с требованием выдачи оружия.

Совет (большевики), предвидя эксцессы, в выдаче оружия отказывает, но временно задерживает делегацию. Большевистская часть Совета прилагала все силы, чтобы уладить конфликт мирным путем, этого требовали и рабочие массы. Но обнаглевшие остатки из „вождей" меньшевиков и эсэров, совместно с „фронтовиками", ухватились за задержку делегации и снова пошли с апелляцией к рабочим. Они созвали митинг, на котором стали призывать рабочих самим, помимо Совета, вооружиться. На этот призыв, после вторичной провокации, часть рабочих, не раскусившая существа дела, пошла. „Фронтовики"

---

[1]) „Пролет. Рев." № 6 (89) за 1929 г., ст. Кучкина.
[2]) „Пролет. Револ." № 6 (89) за 1929 г. ст. Кучкина.

вооружились. Видя критическое положение, Совет послал к рабочим, (на митинг) начальника милиции с несколькими милиционерами, при этом сами большевики к массам не пошли. Милиции там так досталось, что она едва успела убраться. Вместо нее был послан военный отряд, но последний был уже встречен ружейным залпом. В ответ на это начались выстрелы и со стороны Совета, но перестрелка, под давлением рабочих, скоро была со стороны „фронтовиков" прекращена. Начинается старая история, история делегаций и переговоров.

Идя на это, нужно было одновременно обратиться с призывом к массам и начать решительное наступление на врага, но эти меры,— в виду ли малочисленности организации, в связи с мобилизацией коммунистов на фронт, или же в виду отсутствия достаточной опытности,—остаются вне поля зрения организации.

Воспользовавшись передышкой, „фронтовики" успели перестроиться и пошли на беспощадное военное наступление. Когда вторая делегация фронтовиков возвращалась, дав согласие Совету о сдаче оружия, в это время со стороны „фронтовиков" началась незаметная перебежка на нагорную часть, где были сосредоточены силы большевиков. Видя это, отряд коммунистов открыл по ним огонь, а главари, подхватив это, пошли в третий раз на провокацию рабочих. „Нами было дано согласие на разоружение,— говорили они рабочим, — но вот большевики не только не хотят мириться, но уж, как слышите, начали по нас стрелять, а вы требуете, чтобы мы сложили оружие". Они даже перевели помещение своего „союза" перед восстанием в заречную часть города, ближе к заводу, и, захватив заводскую часть города, в военно-стратегическом отношении стали сразу же иметь явный перевес.

С этого момента события начали разворачиваться чрезвычайно быстро и уже к 12-ти часам ночи 8 августа положение окончательно определилось в сторону контрреволюции.

К утру главари „фронтовиков", обманув рядовую массу союза, под тем же предлогом защиты от наступающих чехов, вооружили всю организацию, насчитывающую к этому времени около 3 тыс. членов. К ним присоединились гимназисты, часть учеников из оружейной школы, мещанская и кулацкая части рабочих.

По некоторым данным, на другой день враг имел уже под ружьем около 5 тыс. человек. В силу такой быстроты вооружения контрреволюции, передовые отряды рабочих были изолированы и, понятно, без оружия, когда склады оказались оцепленными, предпринять что-либо реальное, не смогли. Не смогли, конечно, оказать также реальное сопротивление численно ослабшая от мобилизации местная часть Красной армии и партийная организация.

По району нигде крупных красных военных сил не было, поэтому при ничтожной военной силе, не более чем в 200 — 300 человек, с какой пришлось сопротивляться коммунарам, не могло быть, конечно, и речи о реальном результате, и Ижевск остался в руках контрреволюции.

Отряд ижевских красногвардейцев в 1917—18 г. г.

VIII. Первые шаги контрреволюции.

Выбив большевиков из Ижевска, враг, конечно, успокоиться и не думал. Он прекрасно сознавал, что долго в кольце красных оставаться не может, что рано или поздно основные массы рабочих раскусят его ложные, показные лозунги.

Учитывая свою окруженность, контрреволюция стала быстро предпринимать меры с таким расчетом, чтобы соединиться с поднимающимися по Каме чехами. Для того, чтобы самооборонаться и осуществить намеченные цели соединения,—она приступила к организации своей армии. В первую очередь, как мы уже упоминали, были поставлены под ружье около 3 тыс. фронтовиков, за ними гимназисты и ученики школы оружейной школы и в первые же дни стан белых имел армию не менее 5 тыс. человек.

Нигде такой вооруженной силы красных под Ижевском не было, кроме отдельных продовольственных отрядов и отступивших из самого Ижевска.

Быстро, по всем „правилам военного искусства", офицерье заняло свои места. Был создан штаб, его начальником был назначен полковник Власов, а командующим военными силами офицер Цыганов.

В первые дни красные части подходили под самый Ижевск, но явный перевес военных сил белых их тотчас же разбивал.

Несколько оправившись, восставшие теперь сами начали регулярное наступление. Для этого они 18 августа провели всеобщую мобилизацию с 18-ти до 45-ти летнего возраста. 21 августа ими был уже взят Воткинск. Это еще более окрылило контрреволюцию, тем более, что теперь они имели возможность довести свою армию до 30 тыс. человек. После такого успеха и с такой армией им ничего не стоило занять ряд пристаней на Каме: Гольяны, Галево, Елово и затем Камбарский завод, а уже 31 августа пал гор Сарапул. Между прочим, они и тут действовали методом провокаций. После переворота в Ижевске сарапульцы послали узнать,—в чем дело,—рабочую делегацию, куда, конечно, успела просочиться сарапульская контрреволюция. Главари ижевского офицерья ответили им: „Мы за советскую власть, но только защищаем город от грабежей и насилий" [1]). Делегация этому поверила, а предательская ее часть успела шепнуть на ухо штабу белогвардейцев о том, чтобы те повели наступление на Сарапул, дав обещание готовиться к встрече. Несомненно такая подготовка шла и в самом Сарапуле, что облегчило взятие его повстанцами. Это же самое подтверждают участники в боях за Ижевск:

„Правые эсэры и меньшевики гор. Сарапула держали беспрерывную связь с восставшими ижевцами. Они сообщали им обо всем, что происходило среди красных" [2]).

---

[1]) Газета „Борьба" № 34 от 13 ноября 1918 г. орган полит. отдела II армии.
[2]) „Чеверев" — ст. Кучкина, изд. ЗИФ.

Одна из сильных частей 2-й армии, Чеверевский отряд, оголив г. Сарапул, несмотря на то, что последнему грозила непосредственная опасность, выехала на ст. Агрыз, но не успели тронуться со ст. Сарапул, как уже вся контрреволюционная свора города собралась, и самому Чевереву только хитростью и благодаря своей решительности удалось выбраться из этого белогвардейского гнезда, а в это время ижевские банды стояли только в 10-ти верстах под городом. Здесь, с военной точки зрения, несомненно, была допущена ошибка как со стороны наших военных сил, так и со стороны большевистской организации гор. Сарапула. Военные силы около 1000 бойцов были почти все выведены из Сарапула в то время, когда неприятель стоял в 10-ти верстах от города, а местная партийная организация, видя связь сарапульской контрреволюции с ижевской, почти не предприняла никаких мер для изоляции от них города.

Нам могут возразить, что военным силам важнее было встать под Агрызями и этим отрезать от врага жел. дор. линию на Казань с расчетом, чтобы не дать возможность неприятелю соединиться по ж. д. линии с наступающими от Казани чехами. Такая опасность, безусловно, была, и задачей Чеверевского отряда, в первую очередь, была именно обезопасить этот участок. С этой стороны сделанный тактический шаг вполне верный, но с другой стороны оголение Сарапула приводило к соединению ижевских бандитов с наступающими чехами по Каме с ее левой стороны это во-первых, а во-вторых, сдача Сарапула увеличивала материальную, а, главным образом, моральную силу противника. Правильнее, конечно, было бы часть сил оставить в Сарапуле, а другую двинуть на Агрыз. Контрреволюция расширяла свою территорию не только на восток от Ижевска, но с такой же стремительностью она двигалась на север и особенно на запад, дойдя в Малмыжском уезде до Сюмсинской и Кильмезской волостей, отстоящих от Ижевска не менее, чем в 170 верстах.

Победы восставших продолжались, примерно, в течение месяца, пока перед обманутыми отрядами рабочими и трудовыми массами крестьянства не предстало их господство во всей своей наготе. И когда массы убедились и стали выносить на своей шкуре все прелести учредиловской (читай офицерско-буржуазной) демократии, всяким успехам пришел конец, и контрреволюционеры быстро покатились вниз, терпя поражение за поражением.

Это восстание и его первые успехи нельзя, конечно, рассматривать вне связи с контрреволюцией в деревне.

Мы уже вскользь упоминали, как и по каким причинам именно летом 18 г. подняла свою голову контрреволюция, как в городе, так и в деревне. Стоило ей подняться в одном месте, как она быстро начинала шевелиться во всем округе. Этим в значительной степени объясняются такие быстрые успехи ижевского офицерья.

О том, что кулачество деревни стало выступать активно против советской власти и организовывать вооруженные сопротивления, говорит нам ряд донесений информационных п/отделов уездных исполкомов и газеты этого периода. Приведем несколько выдержек из этих сводок:

„Быковская волость, 26 июня. Во время приемки лошадей в армию явилась большая толпа, состоящая из местного кулачества, из прихвостней и контрреволюционного элемента, и оцепила здание исполнительного комитета. Часть из толпы ворвалась в здание комитета, проявила грубое насилие к составу комитета и арестовала его. Председатель снабжения бедноты Кобликов озверевшей толпой был избит до полусмерти и почти мертвый брошен в реку, но в тот же момент вытащен и уведен в здание комитета для „ответа". Тут же были избиты два члена ревизионной комиссии, а прибывший на другой день отряд был встречен выстрелами" [1]).

„Кулаки и торговцы в Святицкой вол. (Глаз. у.—М. Ф.) сорвали волостной Совет и незаконно выбрали свой кулацкий комитет..." [2])

Собрание депутатов Бисеровского волостного совета, обсуждая вопросы налога и посылки денег в уезд, постановило: „Денег уезду не давать" [3]) и сократило до минимума размеры налога с кулаков, а капиталист Братчиков в Зюдзинском районе двое суток спаивал членов Исполкома и председателя и этим добился снижения чрезвычайного налога с 1000 до 300 руб.

Далее сообщается, что 15 июня разогнан кулаками Унинский ВИК и выбран кулацкий; то же самое произошло по деревням этой волости.

„7 августа. Соболев и красноармейцы в Афанасьеве кулаками убиты. Советы разогнаны, вышлите отряды для усмирения мятежа. В заговоре участвует несколько селений"... Такое же положение мы видим и в других уездах края:

„Сарапульский уезд. В Б.-Норьинской вол. кулаки оказали большое сопротивление в реквизиции хлеба. Арестовано 24 чел." [4]).

„Во многих селах и деревнях,—сообщает газета „Народная воля",—по уезду (Елабужск. М. Ф.) замечается, что кулаки открыто выступают против власти советов".

В унисон с кулачеством действовали и попы, выступая с проповедью с церковного амвона против власти советов, пуская всевозможные нелепые слухи, на которые была податлива темная часть крестьянства и особенно крестьянки. Так, например, те же „Известия" Елабужского исполкома от 5 сентября 1918 г. сообщают: „В последние дни много волнений среди населения деревень внесли рассказы духовенства, сопровождающего икону спасителя из Елабужской соборной церкви по уезду, что, якобы, икона в одну деревню не пожелала пойти: „Спаситель не идет потому, что там большевики",—говорили попы. В городе же Слободске духовенство взывало: „До чего мы дожили, православные! Кучка людей захватила

---

[1]) Бюллетень Глаз. орг. информ. п/отд. при отделе Управления уезда № 1 от 11 июля 18 г. Использованные газеты большей частью хранятся в Москве в АОР, а частью в г. Ижевске в Облархиве.

[2]) Извест. Глазовского Совдепа № 6. 22/V—18 г.

[3]) Там же №№ 11, 20, 33 от 5 июня, 2 июля и 11 августа 1918 года.

[4]) Газета „Борьба" № 3 от 10 авг. 1918 г., орган политотдела 2-й армии.

власть и губит страну. Правительство издало декрет, что девицы, достигшие 17-ти лет, переходят в собственность народа"...[1]).

Такая активность кулачества и его успехи в этом районе в этот период несомненно подогревались и той контрреволюционной организацией, которая орудовала в Ижевске, Воткинске и окружающих уездных городах. То, что эти кулацкие бунты против советов имели свои организации и что последние руководились свыше, мы прекрасно увидим это на примере восстания кулачества в Святогорской волости, Глазовского уезда, которое вспыхнуло спустя небольшое время после Ижевского.

Эта волость одна из богатых в этом уезде. В волостном центре, как и в Ижевске, работал союз „фронтовиков", который несомненно был связан с Ижевским союзом. Об этом, например, в своих воспоминаниях рассказывал нам один из участников подавления этого восстания—бывший военком Ключевской вол., соседней со Святогорской,—тов. Хозяйкин. „Восстание,—говорит он,—территориально связаться с Ижевским не успело, но подпольная связь была"[2]). О том же говорит воззвание, выпущенное святогорской контрреволюцией. Кулачье и союз „фронтовиков", прежде чем выступить открыто, издавали подпольно на шапирографе воззвания с теми же лозунгами, что и у ижевской контрреволюции, которые распространялись, кроме Святогорской, и в других волостях: Ключевской, Васильевской, Юкаменской и др. Приведем здесь одно из таких воззваний:

„Граждане Святогорской волости, наша родина в опасности, все волости Малмыжского уезда уже вооружились, наша волость самая крайняя и близкая большевикам. Мы окружены в кольце: с одной стороны Малмыжским уездом и с другой стороны большевиками, которые сейчас по телеграфу грозят огнем и мечом сжечь нашу волость... Мы, как избранные вами, взяв на себя трудную задачу спасения нашей волости от насилия и грабежа большевистских банд, просим вас, граждане, откликнуться, по первому нашему зову пойти с нами, куда бы ни пришлось. Мы ездили в г. Ижевск, там всецело откликнулись, нам обещают все. Взываем к вам, помогите, в чем явится нужда. Да здравствует Святогорская волость, выступившая на путь спасения не только самих себя, но и всей матушки России! Да здравствует образуемая Святогорская народная армия. К борьбе, товарищи, за свободу и спасение страны! Да здравствует девиз нашей борьбы: Учредительное собрание. Долой, товарищи, большевизм, ибо нет места насильникам среди истинных и честных граждан! К борьбе!

Союз „фронтовиков"[3]).

Контрреволюция Святогорья достаточно сильно успела засесть и в волостные органы управления. Обо всем этом знал и уезд, и во-

---

[1]) „Известия" Глазовского Совдепа № 11 от 5 июня 1918 г.

[2]) Воспоминания т. Хозяйкина, записанные нами летом 1921 г.

[3]) Дела Глазовского уезд. исполн. ком-та отд. Военный Комиссариат, сводка к 27 авг. 1918 г. Ижевск. Облархив.

лостные организации близлежащих волостей, но принятые меры отчасти были слабы и несвоевременны.

О том, что местные организации знали о подготовке к восстанию, видно из следующего документа:

„24 сего августа приехавший из Святогорской один из волостных военных комиссаров сообщает, что в Святогорье подготовляется кулацкое восстание и что председатель волостного Святогорского исполкома уехал в Ижевск к восставшим белогвардейцам за оружием, при помощи которого они намерены свергнуть власть советов. Надлежащие меры противодействия приняты“ [1]).

Присылали два раза отряд красноармейцев, которые ничего не заметили, да они такую тонкую работу и не могли обнаружить. Был послан третий отряд, но последний, прибыв в село, уже в ВИК'е никого не застал. Контрреволюционный ВИК занял свои места для встречи отряда. Отряд расположился в здании ВИК'а для ночлега без надлежащей осторожности, ночью кулаки забили в набат. Собрался народ и раз'яренная контрреволюционной агитацией толпа бросилась на отряд и стала его бить. В результате двое из отряда были убиты и 18 человек серьезно избиты, в том числе и начальник отряда — Шубников. На заранее подготовленной почве восстание стало быстро разрастаться в Васильевскую и Юсовскую волости. Восставшие немедленно снарядили 40 подвод в Ижевск к белым для доставки оружия, но, к счастью, едущий из Ижевска с оружием обоз был перехвачен красным отрядом т. Барышникова. Потребовалось для подавления восстания два отряда: первый отряд — Барышникова в количестве около 500 штыков и второй—Городилова, сформированный из рабочих Омутнинского и Залазнинского заводов в количестве около 300 человек [2]).

О том, что ижевская контрреволюция имела тесные связи с кулачеством, видно и по такому факту. В селе Игра 20 августа состоялось собрание членов Игринского волсовета, на котором присутствовало 80 человек. Это собрание постановило: „поддерживать советскую власть только в том случае, если будут осуществлены полное равноправие всех граждан без различия классов, вероисповеданий и состояний... Обязательный созыв Учредительного собрания на основании выработанных бывшим Временным правительством правил. Мобилизация может быть только общая и то для защиты страны от внешних врагов, так как казачество не внешний враг, а такие же хлеборобы, как и мы... Агитационно-информацинный отдел при волостном военном комиссариате до осуществления полной свободы печати не вводить. Вербовочный пункт по записи добровольцев в армию не уста-

[1]) По приблизительным данным повстанцы имели в своих рядах около 500 штыков, а впоследствии появились даже пулеметы. Данные взяты из дел Глазовского УИК'а за 1918 г., информационная сводка за 1—4 и 15 сентября. Гор. Ижевск, обл. архив.

[2]) Там же отдел информ. Фонды и №№ дел по Ижевскому обл. архиву не указаны. К моменту нашей работы, из-за отправки части архива в гор. Горький, эти дела не были приведены в соответст. порядок.

Командир отряда, действовавшего под Святогорьем т. Барышников (удмурт).

навливать. Организацию записи партийных ячеек отклонить... Волостному военному комиссару не подчиняться" [1]).

Как видим, и здесь собрание происходит под лозунгом „за Учредительное собрание". Ясно, что рука ижевской контрреволюции была протянута и сюда. Кстати, в точности такая же резолюция была вынесена перед восстанием в Святогорской волости [2]). Она (ижевская контрреволюция) для такой работы среди крестьянства и организации кулацких восстаний имела прекрасные условия, заключавшиеся в том, что часть рабочих, как мы уже сказали в самом начале, была тесно связана с деревней и ее верхушечной частью. Мы имеем здесь в виду ту кулацкую часть рабочих, которая проникла в завод со всего округа, прячась от империалистической войны. Если часть из них после Октябрьской революции и разбрелась по домам, тем не менее остатков от них было еще в Ижевске вполне достаточно для аген-

[1]) Дело информ. под. Глав. Уисполкома за 1918 г. Облархив в Ижевске.
[2]) Там же.

турной и организаторской работы в деревнях. Во-вторых, не осталась пассивной, конечно, и та часть из них, которая стала теперь жить дома и, используя свое знакомство с оставшимся и после революции на заводе контрреволюционным начальством, стала устанавливать с ним связь и переговоры о том, чтобы получить вооружение для борьбы против советской власти.

О том, что ижевская белогвардейщина использовала оставшуюся кулацкую часть рабочих, мы знаем хотя бы на примере своей деревни Туташево, быв. Б.-Кибьинской вол., отстоявшей от Ижевска приблизительно в 60 верстах. Сюда прибыла группа рабочих из этой деревни, работавшая в то время на этих заводах, и стала принимать все меры к тому, чтобы деревня вынесла постановление с просьбой получения из Ижевска необходимого количества оружия против красных. Под действием кулаков, им почти удалось было одурачить и втянуть значительную часть деревни в эту авантюру, но, повидимому, действия отрядов Красной армии между этой деревней и Ижевском помешали осуществлению этого постановления.

Указанным методом белогвардейцы вооружили не одну деревню под самым Ижевском, как, например, в бывш. Александровской вол. (Елаб. уезда) и в ряде волостей Малмыжского и Сарапульского уездов. Кулачье, свергая советы в той или иной волости, быстро об этом сообщало по тем соседним волостям, где в исполкомах и других организациях чувствовалось засилье деревенской верхушки и вообще других контрреволюционных элементов.

Об этом мы имеем характерный документ, показывающий один из распространенных методов обоюдной информации и воодушевления кулачества соседних волостей. Например, Сепычевский кулацкий волостной исполком Оханского уезда, смежный с Юсовской волостью Глазовского уезда, посылает в августе 1918 года последнему удостоверение, в котором сообщается, что... „Сепычевская волость арестовала всех красноармейцев и просим вас, граждане, поддержать наше движение за правду, т.-е. арестовать всех красноармейцев, находящихся в вашей волости“ — и все это делается, якобы, не против советской власти, а против местных насильников. Спустя несколько дней восстала, конечно, и Юсовская волость.

Вспышки крестьянства, организуемые кулачеством в этот период, были не только в указанных нами волостях, но и в ряде волостей других уездов Вятской губернии.

IX. Причины контрреволюционных выступлений в районе.

Каковы причины контрреволюционного восстания в Ижевске и выступлений крестьянства в ряде деревень края? Они прежде всего кроются в социально-политической обстановке, сложившейся в средине 1918 г., в силу которой контрреволюции удалось временно найти себе базу.

Если говорить об Ижевске и Воткинске того периода, то безусловно необходимо иметь в виду, во-первых, тот „слой обуржуазив-

шихся рабочих..., вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по своему миросозерцанию", которые „в гражданской войне пролетариата с буржуазией неизбежно становятся в немалом числе, на сторону буржуазии, на сторону „версальцев" против „коммунаров"[1]).

Владимир Ильич писал это в июле 1920 г., когда гражданская война уже подходила к концу, поэтому бесспорно, что эти строки являются обобщением опыта гражданской войны в России.

Во-вторых, помимо указанного, мы снова повторяем, что не надо забывать об окрестном кулачестве, просочившемся в завод в виде рабочих во время империалистической войны, ради спасения своей шкуры.

По имеющимся данным[2]), накануне восстания эти два, только что указанные слои занимали 60% всех рабочих. Конечно, эти данные мы не можем принять за точные, скорее всего они преувеличены, но тем не менее, приблизительную картину они дают. Если это учесть, то нет ничего удивительного в том, что там вспыхнуло восстание по плану, заранее подготовленному общероссийской контрреволюцией. Разговоры же и исследования, которые мы имели до сих пор и которые огульно приклеивают позорный ярлык на весь ижевский пролетариат, являются совершенно необоснованным, а часто и сознательной клеветой на ту часть рабочих, которая к моменту восстания составляла около 40% и в своей основной массе по своему положению не могла быть против соввласти. Только заправилы восстания из-под нагайки заставили часть из них вооружиться. Что это было действительно так, мы еще раз увидим несколько ниже, на примере того, как пятитысячная сила частей Красной армии в течение небольшого промежутка времени разгромила армию врага в 75—80 тысяч штыков.

В-третьих, ни в коем случае нельзя пройти мимо тех воспоминаний генерала Сахарова и белогвардейца Лейт, упомянутых нами в V главе. Последние со всей определенностью говорят о том, что в Ижевске и Воткинске было с самого начала 1918 года сосредоточено довольно крепкое ядро контрреволюции, которое систематически вело подготовку к восстанию. Такие крупнейшие рабочие центры как Ижевск и Воткинск, тем более Ижевск как военный завод, не могли не привлекать внимание контрреволюции в то время, как она развернула свою работу по всему Поволжью и Приуралью.

В-четвертых, благоприятным моментом к подготовке восстания для ижевской контрреволюции послужила широкая связь с деревен-

---

1) Ленин, т. XIX, изд 3, стр. 77.

2) К моменту восстания рабочих на заводе числилось около 30 тыс. человек, из числа которых по данным одного из видных руководителей местной парторганизации— Холмогорова (убит во время восстания) тысяч 18 состояло частью из рабочей аристократии, частью из кулачества и, наконец, к этому же числу он относит и трудовые слои крестьянства, крепко связанные со своим сельским хозяйством (см. прилож. № 13 ЦАОР, ф. 393, оп. 16, д. 49).

ским кулачеством, легко установленная через кулацкую часть рабочих, с помощью которой контрреволюция готовила силы и в деревне.

Значительную роль во втягивании рабочих в контрреволюционное восстание сыграли меньшевики и эсэры, усердно проводившие свою гнусную работу по дезорганизации несознательной части трудящихся масс и по одурачиванию верхушечного слоя рабочих.

Большое оживление в рядах всех реакционных сил края несомненно вызвало наступление чехов и падение Казани, а ослабление, в связи с отправкой против чехов революционных сил Ижевска, облегчило первые шаги контрреволюции.

Если же обратиться к положению в деревне в этот период, то картина была такая.

„Середняк хныкал и колебался между революцией и контрреволюцией, пока свергали буржуазию, пока власть советов не была еще упрочена... Середняк стал поворачивать к нам, когда он стал убеждаться, что буржуазия свергнута „всерьез", что власть советов упрочивается, кулака одолевают, Красная армия начинает побеждать на гражданских фронтах" [1]). Это положение т. Сталина целиком и полностью применимо и к удмуртской деревне. Середняк удмуртской деревни летом 1918 г. еще не был убежден, что власть советов уже упрочилась. Организации, созданные временным правительством,— волостные, земские управы—были окончательно ликвидированы лишь в марте и апреле 1918 г., а в июне и июле он (середняк) уже встретился с хлебной разверсткой и продовольственными отрядами.

Если середняк колебался, то кулацкая контрреволюция, не стесняясь в средствах, вела подрывную работу, пробравшись в ряде случаев в советский аппарат и даже в отдельные части Красной армии. Оно (кулачество) чрезвычайно хитро организовывало через „кенеш" провокации, разжигало противосоветскую агитацию и не менее ловко устанавливало связи с контрреволюцией в городах, получало инструкции, оружие тайных агентов. В ряде мест, там, где были слабые местные коммунистические ячейки, и там, где беднота не успела организоваться, ему (кулачеству) удавалось, перетянув на свою сторону колеблющегося середняка, вести за собой к контрреволюционному выступлению, но не надолго, ибо середняк быстро разочаровывался в „прелестях" кулацкой контрреволюции и совместно с деревенской беднотой, при помощи подосланных частей Красной армии, активно участвовал в свержении кулацкой власти в деревне.

Наряду с указанными причинами, вызвавшими выступление ижевской и кулацкой контрреволюции, облегчил это выступление ряд политических ошибок, допущенных тогда некоторыми местными советскими и партийными организациями.

Прежде всего были допущены ошибки в вопросах чрезвычайного налога и хлебной разверстки, которые (ошибки) использовывались контрреволюцией для борьбы против советской власти.

---

[1]) Сталин—„Вопросы ленинизма"—„О трех лозунгах партии по крестьянскому вопросу" (ответ Ян-скому).

Раскладка чрезвычайного налога и хлебной разверстки иногда задевала не только среднее крестьянство, но даже и бедноту. Такими фактами пестрит ряд информационных сводок подотдела информации Глазовского УИК'а.

„Граждане дер. Ходыревой, Ухтымской вол. не допустили произвести реквизиции излишков хлеба и всей деревней явились в волостной совет, требуя для себя право решающего голоса и угрожая при этом арестом должностных лиц. За это выступление командированным на место членом УИК'а граждане деревни Ходыревой оштрафованы на 10 тыс. рублей"... [1]).

Этот факт невольно напоминает один из эпизодов в „Хлебе" Киршона, когда „левак", уполномоченный Раевский, за кулацкую записку дополнительно облагает не кулаков, а всю деревню и этим доводит дело до выступления.

„Самым больным и острым вопросом,—сообщает одна из информационных сводок,—в настоящий момент является проведение в жизнь чрезвычайного революционного налога, благодаря агитации кулаков и неумелой работе волостных финансовых комиссий, вызывающего недовольство населения, как это например, случилось в Воронинской волости, где, по сообщению информационного отдела уездного военкома, произведенная раскладка задела не только среднее, но и беднейшее крестьянство, обложенное ставками от 20 и до 100 руб., чем, безусловно, последнее не вполне довольно и явно ропщут... Кроме таких печальных фактов наблюдается еще и то, что беднейшее крестьянство, веками одурманиваемое и запугиваемое попами и кулаками, вследствие агитации последних и непонимания декрета, производит самообложение, тем самым спасая кулацкую мошну от опустения" [2]).

О том же говорит и следующее сообщение:

„В дополнение телеграфных сообщений информационный отдел сообщает, что настроение населения за последнюю неделю, в связи с проведением в жизнь чрезвычайного и революционного налога, изменилось к худшему. Причиной этого явления отчасти служит то, что население плохо осведомлено в том, что подлежит обложению революционным налогом, и тем более, что в некоторых волостях, лица, производившие разверстку, сами не понимали сущности этого распоряжения и налог распределяли не только среди среднего крестьянства, но и среди беднейшего" [3]).

Целый ряд ошибок был допущен и в национальном вопросе. В этом повинны, кроме ижевцев, также и ряд других уездных организаций Вятской губ., не принявших своевременно решительных мер для реализации хотя бы некоторых сторон этого вопроса с тем, чтобы сразу доказать самым темным слоям удмуртского трудового на-

---

[1]) Дела Глазовского отдела Управления за август 1918 г., г. Ижевск, Облархив.
[2]) Дела Глазовского отдела Управления за 1918 г., сводка от 24 декабря 1918 г. Обл. архив г. Ижевска.
[3]) Там же сведения с 18 по 20 декабря 1918 г.

селения, что пролетарская революция им несет окончательное освобождение от векового притеснения.

Как ижевской, так и уездными парторганизациями (бывш. Вятской губ.) в этом вопросе не была поставлена серьезная деловая работа среди удмуртского трудового крестьянства и пролетарских элементов. В Ижевско-Воткинском и Сарапульском районах до октября 1918 г. не издавалось на удмуртском языке никакой большевистской литературы: ни газет, ни воззваний, ни тем более брошюр.

Удмуртская беднота и середнячество — революционный резерв Ижевско-Воткинского и Сарапульского пролетариата остались, таким образом, вне поля зрения указанных организаций, а эсэры и меньшевики стали свивать себе гнездо в среде верхушки деревни, действуя через контрреволюционный „кенеш", используя в своих интересах и национальный вопрос.

Отношение уездных организаций к нацвопросу в 1918 и 1919 г.г. можно показать хотя бы по выступлениям руководящих работников уезда на VI Малмыжском уездном с'езде, открывшемся в конце марта 1919 г.

„Если коммунисты и максималисты, — заявляет один из них, — на V с'езде и в Исполкоме были против создания особого отдела по вотским делам, кроме существующего вотского подотдела в Отделе народного образования, так вот почему. Прежде, чем создавать особый отдел по национальным делам вотяков, нужно было деятелям поработать над поднятием культурного самосознания вотяков. А уже потом создавать особый отдел... Нет, товарищи, поставьте первоначально эту национальность на ноги, а потом уже говорите о представительстве".

За ним встает председатель с'езда и заканчивает свою речь словами „дайте нам деловых, революционных товарищей из вотяков и мы будем вам благодарны"[1]).

Дело, конечно, было не в том, что „мало" было „революционных товарищей из вотяков", а в недооценке революционной роли бывших угнетенных наций, в неизжитом у товарищей великодержавном шовинизме. Совсем иначе смотрит на национальный вопрос наша партия. „Не забудьте, товарищи, — говорил тов. Сталин на XII с'езде РКП(б), — что, если мы с развернутыми знаменами шли против Керенского и свалили временное правительство, то, между прочим, потому, что там за спиной мы имели доверие тех угнетенных народов, которые ждали от русских пролетариев освобождения. Не забудьте о таких резервах, как угнетенные народы, которые молчат, но своим молчанием давят и решают многое. Часто это не чувствуется, но они, эти народы, живут, они есть и о них нельзя забывать. Да, товарищи, опасно о них забывать".

О них-то и забыли ижевские, сарапульские и малмыжские коммунары и забыли не только в 1918 г. до восстания, но забыли даже

---

[1]) ЦАОР, ф. 393, от 17, д. 61 из протокола от 28/III—19 года VI уездного Малмыжского с'езда.

и в 1919 г. Ибо как иначе можно оценить, когда единственное правильное выступление на этом с'езде (VI Малмыжский) по нацвопросу получил решительный отпор со стороны руководителей с'езда.

Казалось бы, полученный урок на примере ижевского восстания, когда ряд волостей Малмыжского уезда на 50—70% с удмуртским населением был втянут в эту авантюру, должен был заставить руководителей чрезвычайно внимательно подходить к национальному вопросу, тем более, что к этому времени как раз нависла новая угроза—нашествие Колчака, но уездные руководители продолжали повторять старые ошибки.

Был также допущен ряд шовинистических искривлений в национальном вопросе в газете „Борьба" [1]). Ряд статей этой газеты бьет по всему удмуртскому населению.

„Горсть храбрецов в Агрызах, — говорится в одной из таких статей, — чувствуя свое правое дело, долго сдерживала атаки белогвардейских банд, пока несколько провокаторов не пробились в тыл и не заставили там невежественных вотяков сжечь мосты на линии железной дороги" [2]).

Иногда, таким образом, забывался классовый подход к удмуртскому населению и это прикрывалось „темностью и невежественностью" этого народа.

В качестве второго примера приведем выдержки из повести Кучкина „Чеверев". Он там на 121 стр. пишет: „Окружающие заводы крестьянское население состояло в большинстве из вотяков. *Вотяки чуть ли не поголовно были враждебно настроены против советской власти* (подчеркнуто нами—М. Ф.). Народ этот забитый, темный, дикий, в сетях предрассудков и одурманенный религией. Темноту вотяцкую характеризует их отношение к автомобилю. Никогда они не видели до гражданской войны такой машины. А увидев ее, они кричали: „шайтан! шайтан!"...

То, что удмуртское население было во всех отношениях отсталым, по сравнению с русской частью населения, в этом нет спора, но из этого выводить единую удмуртскую деревню, без классового расслоения, значит согласиться с той националистической теорией Герда и других, о которых мы упоминали в первой главе. Утверждение, что „вотяки чуть ли не поголовно были враждебно настроены против советской власти", представляет собою явный великодержавно-шовинистический выпад против удмуртских трудящихся масс.

Кое-где были допущены ошибки в аграрном вопросе. В ряде волостей вследствие того, что в их организациях мало было пролетарских и полупролетарских элементов, незначительна была прослойка коммунистов и не было достаточного опыта, в них не приступили сразу же, с весны 1918 г., к разрешению аграрного вопроса. За кулачеством продолжали оставаться прежние земельные наделы и прикупленные участки. Беднота оставалась на своем мизерном клочке,

---

[1]) Газета „Борьба" орг Полит. Отдела 2-й армии, от 10/X—19 г. № 31.
[2]) Дела Глазовск. УИК'а П/Отд. Информации за 1918 г.

за увеличение которого он боролся десятки лет, а середняка задела хлебная разверстка и частично чрезвычайный налог.

В тех волостях, где местными организациями не был разрешен аграрный вопрос, беднота и середняки были безусловно недовольны. Поэтому не случайны массовые факты самовольного захвата имений, порубка и расхищение казенных лесов. Вот, что сообщают информационные сводки по этому поводу.

„Гражданами Игринской волости произведена хищническая порубка леса в даче бывшего частного владельца Бушкова".

„Граждане пос. Кычинского, Юрской волости самовольно выкосили 11 десятин покоса в пределах Нижне-Уканской волости".

„В Понинской волости, по частным сведениям, гражданами нанесен материальный ущерб единственному в уезде культурному участку местного протоиерея Крекина".

„Зарегистрировано несколько случаев самовольных захватов сенокосных угодий".

„В Гординской волости, по сообщениям лесничества, производятся самовольные расхищения леса и самовольные запашки расчищенных полян" [1]).

Облегчило действия контрреволюции, несомненно, и то обстоятельство, что на территории нынешней Удмуртской области, в связи с приближением чехов летом 1918 г. к этому району, поздно были организованы комитеты бедноты и деревенские парторганизации.

Кампания по организации комбедов приняла широкий размах, начиная только с октября 1918 года. „Организация комитетов бедноты, сообщает информ. сводка Глазовск. уезд. военкомата к 13 октября 1918 г.,—находится в полном развитии и к настоящему времени таковых числится по уезду 963 по 29 волостям. На 20-е октября с. г. организационно-информационным подотделом назначены волостные с'езды бедноты и выбраны представители на уездный с'езд" [2]).

В этот же период проходила организация комбедов и в южной части нынешней Удмуртобласти. Ранее этого они не были организованы потому, что с наступлением чехов и в связи с восстанием в Ижевске, волости: Алнашская, Б.-Кибьинская, Ильинская, Александровская и ряд других переживали период хаоса и безвластия. Пользуясь таким моментом, кулачество и всякие контрреволюционные элементы успели проникнуть в местные советы и только в ноябре, т. е. после свержения Прикамской „учредиловки", окончательно оформились комбеды и были проведены первые уездные с'езды этих комитетов.

Массовое же оформление волостных парторганизаций падает на ноябрь и декабрь 1918 г. Вот одно из сообщений в этих сводках: ...„Можно с удовлетворением сказать,—пишется в сводке за время с 8 по 23 декабря,—что организация ячеек коммунистов и сочувствующих, не считая различных культурно-просветительных кружков, за-

[1]) Дела Глаз. УИКа за август 1918 г. Ижевск, Облархив.
[2]) Дела Глаз. Уика за 19 8 г, военный комиссариат, Ижевск. Облархив.

метно растет с каждым днем" [1]). Так, например, в селе Ягошуре организовалась партийная ячейка с 10 членами 30 ноября, в Гыинской вол. из 54 чел. в первой половине ноября, в Гординской из 34 чел. в конце октября и т. п. [2]).

Отсюда нам еще более становятся понятными причины тех ошибок и просачивания в советский аппарат кулацких элементов, ведущих подрывную работу. Поскольку комитеты бедноты стали оформляться и разворачивать свою работу только в конце октября, а коммунистические ячейки еще позднее, постолько в летние месяцы 1918 г. они были еще слишком слабы. Поэтому нет ничего удивительного, что мероприятия уездных и губернских организаций, без соответствующей организации деревенского актива, проводились иногда с рядом извращений, давая пищу для всякой контрреволюционной агитации.

X. Ижевск и его район под пятой учредиловцев.

Через день после восстания—9 августа—был формально собран митинг, на котором „выбрали" коменданта города—бывшего офицера Шабалина. На другой день после этого собралась оставшаяся эсэро-меньшевистская часть совета и был выбран новый президиум. Председателем прошел меньшевик Куценко, товарищем председателя — хлеботорговец Тюлькин. Затем дополнили состав совета меньшевиками и эсэрами, но на первое время формально оставленный совет уже приблизительно через неделю фактически был сведен на нет. Они держали тесную связь с самарским комитетом Учредительного собрания и верховная гражданская власть должна была вскоре перейти в подчинение Самарскому комитету. Но—так как восставшие не были еще территориально связаны с последним, было предложено члену Всероссийского Учредительного собрания, выбранному от Вятской губернии — эсэру Бузанову „организовать местный комитет из членов Учредительного собрания на подобие Самарского. Все это, конечно, делалось не по решению рабочих, а по предложению командующего Ижевской „народной" армии и председателя союза фронтовиков" а подпись председателя совета фигурировала для обмана рабочих.

После взятия контрреволюцией Воткинска, в конце августа, был организован комитет, именовавшийся „временным Прикамским комитетом членов Учредительного собрания", который уже 9-го сентября вынес решение о новой власти и ее характере: „Временный Прикамский комитет членов Учредительного собрания, —говорится в этом решении,—во исполнение воли, выраженной в декларации от 31 августа с. г., настоящим об'являет население городов и сел Прикамского края, восставших за Учредительное собрание, что политическая власть советов и комитетов упраздняется. Советы могут существовать

[1]) Дела Глаз. УИКа за 1918 г, отд. Управл. Ижевск. Облархив.

[2]) Дела Глаз. УИК'а за 1918 г., отдел Управления Ижевск. Облархив.

лишь, как добровольные классовые организации пролетариата и тру
дового крестьянства. Восстанавливаются во всех своих правах уезд
ные и волостные земские и городские органы местного самоупра
вления, организованные на основе всеобщего, прямого, равного
тайного избирательного права, которые и действуют на точном осно
вании положений временного правительства о земском и городско
самоуправлении. В селениях, вместо распущенных сельских советски
комитетов, сельским общим собраниям (сходам) предписывается из
брать всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием временно
впредь до всеобщего разрешения вопроса о сельском управлении
обще-государственном масштабе одно лицо или комитет, на которы
и возлагаются права и обязанности, возлагавшиеся ранее н
старосту"...

„В самое ближайшее время заняться срочными подготовитель
ными работами по производству правильных перевыборов волостны
и уездных гласных согласно положения Временного Правительства
волостном и уездном земстве"...

„Волостные земельные комитеты дела свои сдают местному ор
гану самоуправления, каковые и заведуют земельными делами, ру
ководствуясь в своей деятельности инструкциями о земельных коми
тетах Временного Правительства".

„Впредь до производства правильных выборов городских глас
ных, таковыми признаются гласные Ижевского волостного земства,
волостная земская управа именуется Ижевской городской управой
ей предоставляются все права и обязанности, предусмотренные горо
довым положением 1915 г. и распоряжением Временного Правитель
ства от 29 сентября 1917 г."

„Призываем все население, все его живые силы, всю интел
лигенцию помочь органам самоуправления в их трудной и ответ
ственной работе, сплотившись тесным кольцом вокруг органов ва
шего местного самоуправления, этого величайшего приобретения
Февральской революции" [1]).

Мы приводим столько выдержек из этого длиннейшего поста
новления для того, чтобы показать подлинное лицо этих „демокра
тов", восстанавливающих для рабочих и трудовых крестьян ту самую
„демократию" Временного Правительства, „прелести" которой уже
ими были испытаны.

Политические и хозяйственные вопросы теперь решал не рабо
чий класс и не его формально оставленные организации. Эта миссия
на другой день восстания была взята офицерьем-военщиной, а мень
шевики и эсэры лакейски ухаживали за ним и чистили этот офицер
ский сапог. Декларации о то т. что политическая власть принадле
жит временному комитету членов Учредительного собрания, остались
с первых же дней обнародования лишь формальной вывеской, ибо

[1]) Газета „Ижевский защитник" № 9 от 13 сент.—орган белогвардейского совета
и штаба „народной" армии.

все политические распоряжения давались не комитетом, а, наоборот, он сам их получал от военного командования. А впоследствии оно разогнало комитет и членам учредилки удалось избежать ареста тем, что они своевременно успели скрыться.

Что все это именно так, наглядно показывает сообщение газеты „Прикамье": „В силу *приказа командующего*, городское и земское самоуправление восстанавливается и гласные призываются к исполнению своих обязанностей" [1]). Это сообщение показывает, что политические распоряжения исходили не от рабочих организаций и членов Учредительного собрания, а от военного командования. Об этом же наглядно свидетельствует следующее постановление членов Учредительного собрания: ...„В самое ближайшее время организовать временный отдел инструктирования волостных земств, на который возложить, как задачу инструктирования восстановленных органов самоуправления, так и восстановление их там, где это возможно и целесообразно, но не осуществлено еще местными силами.

Целесообразность устанавливается с согласия на это уполномоченного комитета членов Учредительного собрания, который, принимая во внимание военную обстановку, в случае надобности, предварительно запрашивает штаб народной армии" [2]).

Слова „в случае надобности" здесь приставлены явно для отвода глаз.

„Нигде в мире средины нет и быть не может",—писал Ленин по поводу природы „демократии", выдвигаемой буржуазными и мелкобуржуазными партиями.—Либо диктатура буржуазии, прикрытая пышными эсэровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и проч., либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот безнадежный идиот. А в России все мы видели, как мечтали о средине меньшевики и эсэры при керенщине и под Колчаком.

Кому послужили эти мечты? Кому помогли они? — Колчаку, Деникину. Мечтатели о средине—пособники Колчака" [3]).

Так же, как с советами, поступили „демократы" и с профсоюзами. На состоявшемся 12 сентября общем делегатском собрании союза металлистов, один из учредиловцев—меньшевик Уповалов,—находящийся ныне в эмиграции, докладывал: „По замыслу большевистской власти, профсоюз работников по металлу делался хозяином предприятия и пособником власти в проведении в жизнь ее указаний. Таких задач не берут на себя даже союзы Англии и Германии, имеющие опыт с 1858 г." [4]).

Говорилось это, конечно, в соответствии с тем, за что они, меньшевики, боролись. Борьба эта была направлена на реставрацию по-

---

[1]) Газета „Прикамье" № 3 от 4 сентября 1918 г., изд. в г. Сарапуле.

[2]) То же постановление Временного Прикамского комитета членов Учредительного собрания от 9 сент. 1918 г., опублик. в „Ижевск. защитнике" № 9 от 13 сентября 1918 г.

[3]) Ленин, т. XVI, I изд, стр 306.

[4]) „Воткинская жизнь" № 7 от 15 сентября 1918 г.

рядков Временного Правительства, т.-е. капиталистического строя. „Ближайшей задачей текущего момента, писали они в резолюции, считать обще-демократическую работу по укреплению лозунгов Февральской революции" [1])... Больше того, восстанавливая порядки временного правительства, они ничуть не стыдились выражать в своих газетах глубочайшее соболезнование по поводу расстрела Николая II.

Свою деятельность по восстановлению капиталистических порядков они развивали самым усердным образом.

В первую очередь после завоевания того или иного пункта (Воткинск, Камбарка, Сарапул) учредиловцы выгоняли рабочих из муниципализированных домов, возвращая их бывшим владельцам. В газете „Прикамье" № 14 от 18 сентября 1918 г. сообщается: „Сарапульская городская управа об'являет заинтересованным лицам, что произведенная бывшей коллегией городского хозяйства муниципализация частновладельческих домов в городе сама собой пала после совершившегося 31 августа свержения советской власти и дома с того же дня поступили в полное распоряжение домовладельцам".

Возвращение прежним владельцам их собственности было первым сюрпризом, преподносимым везде, где только разгонялись советы. То же самое было проделано относительно национализированных предприятий, а вслед за этим шли:

1) Отмена снабжения продовольствием и разрешение спекуляции, в результате чего — неимоверное вздутие цен.

2) Увеличение рабочего дня и отмена отпусков, недельных дней отдыха и всяких праздников.

3) Квитанционная оплата зарплаты, якобы, из-за отсутствия денег.

4) Военные и другие повинности и, наконец,

5) бесконечные аресты, плавучие тюрьмы и массовые зверства.

Вот как выглядят перечисленные подарки учредиловцев по опубликованным ими документам.

Начнем по порядку.

„Уполномоченный Прикамского комитета членов Учредительного собрания доводит до всеобщего сведения, что постановлением комитета установленные большевиками твердые цены на хлеб отменены и продажа и покупка его производится по вольным ценам" [2]). Для хлебных спекулянтов и торговцев это и было нужно. После этого приказа пошла и развилась спекуляция хлебом до таких размеров, что рабочий дошел буквально до самой грани голодной смерти, и, несмотря на военный режим времен Николая I, он выступил с протестом и под давлением рабочих, которые стали грозить взрывом изнутри, „правители" вынуждены были несколько попятиться назад. Через два дня тот же уполномоченный Прикамского комитета членов Учредительного собрания по городу Воткинску издает новое об'явление: „В виду того, что за последнее время в гор. Воткинске наблю-

[1]) Резолюция собрания меньшевиков от 21 сентября 1918 г., опубликов. в газете „Воткинская жизнь" № 13 от 24 сентября—орган воткинской белогвардейщины.

[2]) Газета „Воткинская жизнь" № 14 от 25 сент. 1918 г., издание белогвардейцев в Воткинске.

дается развитие спекуляции в чрезвычайных размерах, считаю необходимым предупредить лиц, занимающихся таковой..." [1]), но предупреждение, конечно, осталось предупреждением и предупреждающий сам это прекрасно понимал, но не мог же он итти против своих хозяев—спекулянтов, торговцев и фабрикантов, делу которых он услужливо лакействовал.

Между тем продовольственные цены неимоверно вскочили: фунт меда стоил от 19 до 23 рублей. „Восьмушка махорки котируется на Воткинском рынке по 30 рублей... цена достойная занесения в летопись", — удивляется автор статьи. Дальше: „Масло коровье 14 рублей фунт, мясо 3 р. 20 коп. фунт. Мука пшеничная 75 рублей, ржаная 40—45 рублей, картофель 10 рублей (пуд.—М. Ф.). Дрова 10 рублей сажень, молоко 6—7 рублей четверть, сапоги 150—200 рублей [2]).

Что представляли собою эти цены можно понять, если сравнить их с заработной платой.

Один из ноябрьских номеров „Борьбы" сообщает: „Рабочие завода не удовлетворены жалованием за $2^1/_2$ месяца". № 41 той же газеты пишет: „Власть учредиловцев не скупилась: она расплачивалась щедро, но только... фальшивыми деньгами, бумажками", которые выдавались как квитанции „временно", за неимением денег, но на эти квитанции, разумеется, никто ничего не продавал. Что дело обстояло именно так, видно и из белогвардейских документов.

1-го сентября по заводу администрацией дается такой приказ: „По условиям момента, оставление на сверхурочное время необходимо в виду денежного кризиса. Теперь часы только записывать, оплата же будет сделана, когда завод будет обеспечен деньгами" [3]). Нередко записывали не только часы сверхурочных работ, но все проработанное количество часов, выдавая за это расписки. В добавление к этому еще прекратили рабочим отпуска и лишили дней отдыха. В приказе по заводу от 17 августа читаем на этот счет следующее: „Об'является для исполнения выписка из протокола № 37 Исполнительного Комитета СРС и КД (меньшевистско-эсэровского — М. Ф.) Ижевского завода следующего содержания. Прекратить отпуска служащих и рабочих завода. Лицам, находящимся в настоящее время в отпуску, предлагается немедленно встать на работу. А также производить работу во все воскресения и праздничные дни с полуторною оплатою на основаниях заводских правил"...[4]) Впоследствии слова „с полуторною оплатою" были отменены и праздничные должны были после отмены (5 сент. 1918 г.), оплачиваться наравне с будничными, а полуторная оплата „будет произведена, когда денежные дела войдут в норму" [5]).

---

[1]) „Воткинская жизнь" от 29 сентября № 17.

[2]) Там же № 18 от 1 октября 1918 г.

[3]) Выписка из приказа по заводу № 23 от 1/IX—1918 г. Ижевский Областной Архив. Отдел Истпарт.

[4]) Выписка из приказа по заводу № 7 от 17 авг. 18 г. Обл. Арх. Ижевск. Отдел Истпарт.

[5]) Выписка из приказа по заводу № 28 от 5/IX—18 г. г. Ижевск Облархив, Истпарт.

Все это вызывало резкое недовольство рабочих. Но „демократы" не давали рабочим протестовать против этого.

Чрезвычайно показателен в этом отношении один из приказов администрации заводов, изданный 21 октября 1918 г. „Одним из заведующих мастерской подан такой рапорт: „Рабочие вверенной мне мастерской обратились с просьбой о выдаче им удержанной 1/3 заработной платы, мотивируя тем, что многие из них за сентябрь получили на руки недостаточные суммы по 40 и 60 рублей, (когда пуд ржаной муки стоил 45 рублей — М. Ф), на которые им, как обремененным большими семействами, при современной дороговизне существовать совершенно невозможно. Находя заявление рабочих со своей стороны справедливым, прошу вашего ходатайства перед дирекцией завода об удовлетворении просьбы их". Таких ходатайств не следует ни возбуждать, — говорится далее в приказе, — ни представлять, так как всем прекрасно известно, что выдача в размере 2/3 делается за фактическим отсутствием денег"[1]).

Словом, о том, как проживут рабочие месяц, для дирекции нет дела. А меньшевики и эсэры из кожи лезли и старались уговорить рабочих. Этот же приказ, между прочим, показывает нам размер зарплаты среднего рабочего: он равняется 60—90 рублям и это при тех ценах, которые мы приводили выше.

Поэтому не случайно признание „Воткинской жизни" в № 28 от 13 октября: „Воткинск дошел до тупика. Нет средств, нет такого органа в заводе, который бы взялся оздоровить заводскую жизнь, доведенную до полного разврата порядками последних лет". Здесь автор размахивается, конечно, против большевиков, но нам важно его признание в том, что белогвардейщина не только не способна была вывести Воткинск из тупика, но так загнала, что уже не было видно никаких возможностей выхода.

Против развившейся спекуляции и вздутия цен вынужден был дать приказ по всему краю сам Главком народной армии Прикамского края — Юрьев[2]), с угрозой против зарвавшихся спекулянтов тюремным заключением и штрафом до 15 тыс. рублей[3]).

Но от очковтирательского приказа легче не стало. За никому ненужные фальшивки крестьянин хлеба не продавал, армия и рабочие стали голодать. Не помогали и такого рода воззвания белогвардейцев к крестьянам: „Крестьяне! — восклицало одно из таких воззваний. Если вам дороги жизни ваших детей, если вам дороги ваши жилища, если вам дорога родина, помогайте все Народной армии...

Везите в Ижевск для ваших сыновей и братьев хлеб и фураж, которые необходимы для Народной армии. За все вам будет заплачено по справедливой цене... Кто может, жертвуйте бесплатно"[4]).

---

[1]) Выписка из приказа по заводу № 64 от 31 окт. 18 г. Областной Архив Истпарт.

[2]) Главком Федичкин впоследствии был заменен Юрьевым.

[3]) „Воткинская жизнь" № 23 от 8 октября 1918 г.

[4]) Статья Сапожникова — „Пролетарская революция" № 8 — 9 (31-32) за 24 г.

Пожертвования со стороны трудовых слоев крестьянства поступали очень туго, а кулачество вовсе не намерено было чем-либо поступиться даже для своей власти. Поэтому „отцы города"—гласные ижевцы и воткинцы требовали принудительного сбора хлеба... Они указывали, что сейчас заводы сидят без хлеба и что на первое время необходимо собрать 200 тыс. пудов, хотя бы по пять пудов с души"[1].

Повидимому это требование гласных все-таки в той или иной степени было применено и восстановленные кулацкие волостные, земские управы стали выносить подобного рода решения. Так, например, в протоколе Нылги-Жикьинского волостного земского собрания от 22 октября 1918 г. мы читаем: „В обеспечение хлебом гор. Ижевска и Народной армии, в обязательном порядке произвести сбор по одному пуду с надельной души по числу душ с каждого общества по цене, установленной в 1-м пункте сего протокола (мука ржаная была оценена пуд в 20 рублей—М. Ф.) в течение первых же трех дней с отправкой на ссыпные пункты в с. Нылгу, в деревню Турунгурт и на ст. Постол, обязать общество о немедленном выполнении постановления земского собрания от 25 августа с/г. по сбору хлеба для местного отряда Народной армии" [2].

Последний пункт постановления говорит, что уже до этого было одно решение, по которому продовольственное обеспечение местных отрядов народной армии целиком возлагалось на крестьянство. Постановление, как мы видим, и не думает о том, имеет ли беднейшая часть крестьянства возможность вносить этот хлеб. Раз за беднотой числится надел, она должна была платить, прикупая эти пуды у того же кулака втридорога. Бедноту учредиловка согнула, что называется, в бараний рог. Но все это только одна часть господства офицерья и кулачества.

Проследим теперь военные порядки.

На третий день после восстания об'является всеобщая мобилизация от 18 до 45 лет.

Отрывок из приказа о мобилизации гласит:

„Об'является всеобщая мобилизация от 18 до 45 лет, а потому приказываю всем гражданам г. Ижевска указанных годов явиться в штаб армии, Церковная улица, не позднее 9 часов утра 18 августа 1918 г.

Начальник штаба—Власов.
Председатель союза фронтовиков—Солдатов" [3].

За этим следуют другие приказы, мобилизующие оставшихся от принятия в армию граждан для окопных работ. „Чтобы вести широкое наступление на наших фронтах,—начинается другой приказ,—необходимо создать предварительную прочную позиционную базу. Всякое наступление красноармейцев, откуда бы оно ни шло, будет тогда разбиваться о нашу исходную позицию. Наши фронтовые бой-

---

[1] „Воткинская жизнь" от 10 октября 1918 г. № 25.
[2] Газета „Народовластие" № 3 от 27 октября 1918 года, г. Ижевск, Облархив.
[3] „Ижевский Защитник" № 1 от 23 августа 1918 года.

цы должны иметь твердую уверенность в том, что в тылу у них есть хорошо оборудованная и сильно укрепленная линия траншей. Таким поясом окопов будет окружен весь Ижевск, со всех сторон. Чтобы создать из наших передовых бойцев твердую веру в обеспеченность тыла, штаб армии не остановился перед назначением массовых работ. С 7 сентября все мужское население на два дня выходит на городскую окраину с лопатами и топорами, для окопных работ. Пусть воин передовых позиций видит, что население, ограждаемое в тылу его кровью и бдительностью, в свою очередь несет посильный труд на общее дело. Союз винтовки и лопаты усилит нашу боевую готовность. Несокрушимая духом армия—впереди, несокрушимая крепость—сзади.

Главнокомандующий войсками—Федичкин.
Председатель союза фронтовиков—Солдатов" [1]).

Верховодители, повидимому, чувствовали, что приказ может остаться приказом, ибо обманутая часть рабочих скоро поняла социальное нутро новой власти и без соответствующей острастки уже не выполняла приказы, поэтому, вслед за этим приказом, тут же появляется следующий, который грозит преданием военному суду тех, кто не явится на эти работы. „Неявка согласно приказа на сооружение окопов—говорится там,—будет считаться преступлением перед народом. Уклонившиеся от земляных работ будут арестованы и задержаны впредь до сформирования военно-народного суда" [2]). Таким образом население Ижевска не просто вышло на работу по рытью окопов, как говорит один из приказов, а его заставили, грозя военно-полевым судом.

А спустя некоторое время все мужское население, негодное для несения военной службы, делается годным и из них формируются резервные части. Состав и задачи этих частей видны опять-таки из самого приказа.

„Резервные части,—говорится в нем,—формируются:

1. Для охраны государственного порядка в Прикамском крае.

2. Для участия в военных операциях в случае непосредственной опасности для гор. Ижевска и его района со стороны противника.

I. В состав резервных частей включаются граждане в возрасте от 18 до 65 лет:

а) добровольцы,

б) состоящие на учете.

ПРИМЕЧАНИЕ: Для состоящих на учете вступление в ряды резервных частей является обязательным. Неспособные носить оружие из числа состоящих на учете, представляют в том соответствующее медицинское свидетельство.

II. В резервные части принимаются граждане:

а) не подлежащие мобилизации и призыву,

---

[1]) „Ижевский Защитник" № 7 от 7 сентября 1918 г.
[2]) Там же.

б) способные носить оружие,

в) изъявляющие готовность защищать Всероссийское Учредительное Собрание, целость города Ижевска и его района.

III. Вступающие в ряды резервных частей должны пройти курс обучения строевой службы, при чем, не проходившие ряды войск и не умеющие владеть оружием проходят соответствующую подготовку в особых отрядах.

ПРИМЕЧАНИЕ: Время и место сбора для занятия определяются Штабом Охраны государственного порядка с представителями от совещания.

IV. Запись в резервные части для лиц, работающих и служащих на фабриках и заводах, производится по мастерским, а для всех остальных—через квартальных по улицам.

ПРИМЕЧАНИЕ: Все вступившие в резервные части снабжаются соответствующими билетами с отметкою о времени и месте записи.

V. Командный состав резерва составляется из офицеров и унтер-офицеров.

VI. Чины командного состава должны удовлетворять общим требованиям вступления в резервные части“ [1]).

В военные тиски были зажаты и те, кто работал на заводе, при чем там были оставлены исключительно такие, „без которых совершенно невозможно обойтись“, а с этих оставленных выжимали последние соки без всякой пощады. Об этом с достаточной ясностью показывает один из многих приказов.

„ПРИКАЗ по Ижевскому Оружейному и Сталелитейному заводу № 69 от 28 октября 1918 года:

1. Во исполнение приказа Главнокомандующего от 28 сего октября предлагается всем заведывающим производствами огнестрельными припасами (непосредственно и косвенно) составить списки лиц, необходимых им для производства 40.000 патронов в сутки и для необходимого ремонта артиллерии.

Списки к 12 часам дня представить в правление.

Принять все меры к развитию производства до указанного предела в самый краткий срок.

Никакие ссылки на недостаток людей и инструмента не могут иметь места, работа должна быть организована в три смены, где можно и нужно.

Люди должны быть взяты из находящихся на заводе сейчас. На помощника по Сталеделательному заводу возлагается обязанность следить и своевременно распоряжаться заготовлением материалов для пуль и капсюлей.

Всем содержателям имуществ установить дежурства на круглые сутки, чтобы в любой момент все можно было отпустить.

---

[1]) Ижевск, Облархив, Отдел Испарта.

Смотрителю зданий весь конский состав с соответствующим количеством людей иметь в готовности.

Директор—распорядитель Каневский" [1]).

А когда Красная армия подходила под самый Ижевск, ставили под ружье буквально всех. Об этом меньшевик Уповалов в своих воспоминаниях пишет: „Были моменты,—говорит он,—когда большевистские латыши и китайцы подходили к Ижевску на две или три версты. Тогда станки останавливались, рабочие брали винтовки и уходили на фронт, разбивали противника и опять становились к станкам" [2]).

Брали, конечно, винтовки кулацкая и верхушечная части рабочих, а остальных заставляли плеткой или угрозой военно-полевым судом и знаменитой пловучей тюрьмой.

Та же военщина господствовала в завоеванных учредиловцами деревнях и селах. Так, к середине октября, кроме ранее мобилизованных, мобилизуются снова 6 годов [3]). Под эту мобилизацию попадает 41 волость [4]) и поэтому нет ничего удивительного в том, что тот же Уповалов приводит данные о величине армии, дошедшей впоследствии до 75 тыс. бойцов [5]).

Душевая доставка хлеба, мобилизации на фронт и ряд других повинностей выводили из терпения трудовое крестьянство, поэтому была масса случаев, когда часть крестьян на время бросала свою деревню и уходила в другие районы, или же стала скрываться в лесах с коровьими колокольчиками на шее, чтобы по ним жены могли находить их и доставлять продовольствие [6]).

Со всеми недовольными рабочими и крестьянами учредиловцы и стоявшая за их спиной военщина производила самую жестокую расправу.

Излюбленным методом у этих извергов было наиболее „провинившихся" и подозреваемых в коммунизме садить в специально для этого устроенные баржи, в пловучие тюрьмы. Такие баржи плавали на заводских прудах Ижевска и Воткинска. Одна из таких барж, стоявшая с заключенными на р. Каме, была уведена нашей речной флотилией, под руководством т. Раскольникова. Таким образом удалось вскрыть полную картину того, что там творилось. Яркое описание этой картины дает Лариса Рейснер, одна из непосредственных участниц борьбы против чехов и прикамских „демократов". Передадим здесь отдельные штрихи из ее рассказа.

---

[1]) Обл. Архив. Ижевск. Отделен. Испарт.
[2]) Статья Сапожникова „Прол. Рев." № 8—9 (31—32) за 24 год.
[3]) Мобилизуются в этот период родившиеся в 1893, 92, 91, 90, 89, 88 г г.
[4]) „Ижевский Защитник" № 22 от 15 октября 1918 г.
[5]) Сапожников „Пролет. Револ." № 8—9 (31—32), за 24 г. Примечание: „Былое Урала" № 4 за 24 г.—статья Мельникова, одного из непосредственных участников в боях за Ижевск. По его данным накануне падения, армия противника дошла до 125 тыс. чел., но мы считаем, что эта цифра является несколько преувеличенной, ближе к истине цифра указанная в тексте.
[6]) В этом признается, между прочим, „Ижевский Защитник" от 29 сент. № 17.

„Баржа с арестованными в количестве около 600 человек была из Сарапула уведена к пристани Гольяны и установлена посредине реки Камы. Наша камско-волжская военная флотилия решила предпринять рискованный шаг по спасению от белых этих 600 бойцов за дело рабочего класса, обреченных на зверское истязание. Было решено, что будут участвовать в этом деле пароходы „Ретивый", „Прочный" и „Прыткий", которые соответственным образом замаскировались под флотилию белых и медленно тронулись вверх по Каме, давая по отсутствующим береговым красным частям холостые орудийные залпы.

„Так наши пароходы подошли к Гольянам и действительно увидели стоящую посредине реки баржу. Они (пароходы) прошли мимо последней, а затем повернулись обратно. На одном берегу противник поставил 6-ти дюймовое орудие, дуло которого было направлено в сторону баржи. На горке стояло много любопытных крестьян, вооруженных солдат и на церкви торчало дуло пулемета. Было так на правом берегу, а на левом стояла баржа с дессантом белогвардейцев. Белые совершенно не подозревали, что перед ними крутятся пароходы красных. Чтобы точнее убедиться, „Ретивый" подошел к барже и, убедившись, что она действительно с арестованными, немного отодвинулся от нее, а в это время „Прыткий" на всякий случай, незаметно навел свои орудия на правый берег, откуда торчало дуло белогвардейской шести-дюймовки. Из-за мелей подцепить баржу было невозможно, поэтому наш капитан отдал приказ капитану небольшого белогвардейского буксира „Рассвет", стоявшего на берегу недалеко от наших пароходов.

„Именем командующего флотилией адмирала Старка,—гаркнул мнимый белогвардейский капитан,—приказываю вам подойти к барже с заключенными, взять ее на буксир и следовать за нами через реку Белую на Уфу".

„Приученный белыми к беспрекословному повиновению, капитан „Рассвета" немедленно исполняет приказание: подходит к барже, и берет ее на буксир, и трогается вниз. Баржа с заключенными спасена, без единого выстрела и подозрений".

Этот один из многих геройских, бесстрашных подвигов славных борцов за диктатуру пролетариата должен быть вписан золотыми строками в историю нашей Красной армии.

„Никто из 430 не верил в возможность спасения. Ведь вчера еще караульные выменивали корку хлеба и чайник на последнюю рубашку. Вчера на рассвете из общей камеры на семи штыках выволокли изорванные тела трех братьев Красноперовых и еще 27 человек. Уже целые сутки в отверстие на потолке никто не бросил куска хлеба (по одной четверти на человека) единственной пищи, утоляющей голод в течение трех недель"[1]). Все эти люди были живыми „мертвецами": голодные, босые, раздетые до нага, еле-одетые

---

[1]) Выдержки и моменты спасения баржи с заключенными переданы по собранию сочинений Ларисы Рейснер т. I, раздел „Фронт".

в рогожи и тряпье, обреченные на утопление, вместе со всей тюрьмой—баржей.

Тоже самое было с баржами на заводских прудах и в арестных помещениях. Одно из таких зверств описано в газ. „Ижевская Правда“ № 19 от 25 декабря 1918 года: „23 октября были арестованы белогвардейцами 22 человека крестьян однофамильцев Банниковых из деревни Болгур, Июльской волости и посажены при Ижевском военном отделе“. Все эти люди были арестованы только потому, что среди них им надо было найти одного „провинившегося“ и поэтому всех 22-х замучили до смерти. Не перестреляли и не прикололи штыками, а именно замучили. „Их выстроили,—продолжает очевидец, — на глазах у всех в один ряд, продели сквозь связанные руки веревку, чтобы они не падали и начали сечь кнутами, сплетенными из 8 ремней, на концах которых была вплетена картечь“.

Плетьми секли до тех пор, пока они не потеряли сознания. Часть из них не выдержала тогда же, а оставшихся полумертвых бросили на ночь в темную. „Но не дождались утра несчастные страдальцы — все они 22 человека умерли в эту кровавую ночь ужасною, тяжелою смертью“. Такими жертвами были буквально переполнены все подвальные помещения Ижевска, Воткинска и Сарапула.

В первые же дни после восстания в одном Ижевске число арестованных доходило до 3 тыс. человек и очень немногим из них удалось спастись.

Своих жертв палачи не расстреливали, а кололи или добивали плетьми, ибо выстрелы могли доноситься до улицы — до рабочих. Этого они ужасно боялись.

На Ижевском пруду появилась баржа по приказу главкома Юрьева. Приведем этот приказ целиком:

„Арестованные большевики города Ижевска во время переворота занимают, оказывается, чуть ли не лучшие помещения в городе и содержатся не так, как они этого заслуживают. Подобный порядок считаю недопустимым, а потому приказываю: начальнику контр-разведки, совместно с комендантом города приступить к оборудованию соответствующего числа барж на заводском пруду и приспособления таковых под пловучие тюрьмы так же, как это сделано в городе Воткинске. Режим для арестованных большевиков и прочего уголовного сброда, продающего Россию и русских граждан немецким варварам, должен соответствовать режиму каторжников, содержавшихся в каторжных тюрьмах за тягчайшие виды преступления.

Никаких свиданий и переписки с арестованными, а также прогулок отнюдь не допускать. Пусть на себе эти изверги испытают всю прелесть декретов „тов. Ленина, Троцкого и К⁰“.

В данном деле, „товарищи комиссары“ найдут во мне верноподданейшего слугу и точного исполнителя их рецептов, изготовлен-

ных их адской лабораторией для мирных русских граждан, рабочих и крестьян.

Главнокомандующий армиями Прикамского края—Ю р ь е в" [1]).

Появлению подобных приказов „демократы" — эсэры и меньшевики—не только не препятствовали, но, наоборот—одобряли.

Против этих нестерпимых экзекуций рабочие стали выносить протестующие резолюции, но тот же Юрьев на одном из таких собраний предложил в категорической форме замолчать.

На барже в Воткинском пруду истязуемые подняли бунт, и „зачинщики" тут же были прикончены, а за три дня до вступления Красной армии в Ижевск белогвардейский главком, видя надвигающуюся гибель, снова издает ничем неприкрытый, издевательский приказ по отношению к томящимся в этих баржах и тюрьмах.

... „Пусть арестованные молят бога, — говорится в приказе, — чтобы мы отогнали красных. Если красные приблизятся к городу ближе, чем на три версты, то все арестантские помещения будут закиданы бомбами. В камерах должно быть полное спокойствие; при малейшей попытке к бегству часовым приказываю без всякого предупреждения стрелять. Нарушивших чем-либо порядок выводить во двор — прикалывать" [2]).

Именно за такие „отличные" приказы капитан Юрьев — главком прикамской „народной" армии,—впоследствии был представлен Колчаком к Георгиевскому кресту 4-й степени и произведен в полковники. Об этом нам говорит письмо Колчака Юрьеву.

„Милостивый государь, Григорий Николаевич! — обращается Колчак к Юрьеву. — Высоко оценивая Ваши заслуги перед родиной, по созданию армии из восставших рабочих ижевского и воткинского заводов, Ваши неисчислимые труды по сохранению боеспособности этих частей, несмотря на беспрерывные бои с сентября месяца до последних дней, вашу героическую борьбу с большевизмом, я, от лица всей армии, благодарю Вас за все Вами сделанное и награждаю орденом св. Георгия 4-й степени и чином полковника. Я бесконечно сожалею, что расстроенное здоровье не позволяет продолжать Вашу исключительно ценную для России работу и я надеюсь, что бог поможет Вам в кратчайшее время вернуть свои силы. Я очень огорчен, что моя болезнь не позволяет мне лично поблагодарить Вас за ваши труды и пожелать Вам скорейшего выздоровления.

Искренне преданный А. К о л ч а к." [3])

Кровожадность и зверство этих „демократов" не имели никаких пределов. При отступлении они додумались до того, что решили минировать плотину, но, к счастью, в силу неожиданного отступления взорвать ее не успели.

---

[1]) Газета „Народовластие" № 3, от 27 октября 18 г., г. Ижевск, Облархив.

[2]) Журнал „Коммунист. Интернац." № 16 — 2-й год издания, статья Мороз.

[3]) Письмо это приведено в статье Сапожникова „Пролетарская революция" № 8—9 (31—32) за 1924 год.

Но долго эта разнузданная банда просуществовать на трупах мертвых и на плечах живых не могла. Скоро и та часть рабочих, которая под влиянием меньшевиков и эсэров вначале была втянута в эту авантюру, спохватилась, что представляет собою учредилка, и уже исполняла волю „демократов“ только из под офицерской плетки. Не случаен тот факт, что 2 ноября по тревожному гудку в Воткинске почти никто не явился на площадь не только из рабочих, но и из простых обывателей, а явившиеся быстро утекли по своим домам. Никто из рабочих не хотел теперь защищать достаточно разоблачившую себя „демократию“. Тревожные гудки являлись сигналами для сбора всего населения заводов в опасные для завода моменты. Так 2 ноября часть солдат народной армии не выдержала и отступила, вернее всего, решила встать на сторону красных. Воткинску стала грозить непосредственная опасность. Был дан сигнал для сбора всего населения для вооружения и посылки для ликвидации прорыва на фронте.

По этому поводу „Воткинская жизнь“ от 3 ноября № 45 пишет, что „честные“ граждане пришли, „но вместе с тем приходится констатировать, — продолжает она, — что многие воткинские, с позволения сказать, граждане проявили самую позорную трусость и малодушие“. В следующем номере той же газеты автор продолжает, что он сразу после гудка прибежал в штаб и „...видел, как чины штаба возвращались с улицы и с болью, с отчаянием говорили: „некого собирать, некого строить в ряды, ибо никого нет“, кроме того я имел удовольствие наблюдать, как весь базар, а с ними и многие обыватели обоего пола кувырком мчались не в направлении штаба, а в обратную сторону.“

О том, что трудовые массы шли в бой из-под нагайки, показывает и то, что 125 тыс. „народная“ армия [1]), имея в военном отношении на своей стороне все преимущества, не устояла против частей Красной армии не более, чем в 5 тыс. человек. Превосходили силы противника ровно в 25 раз, и, несмотря на это, у красных бойцов хватило энергии и мужества пробраться через целый ряд окопов, блиндажей и проволочных заграждений, оборудованных по немецкому образцу. Но почему же при таком, казалось бы, превосходстве сил сдался противник? Этот факт может быть об'яснен исключительно тем, что „народная“ армия, набранная в основном из рабочих и трудовых крестьян, повернулась против тех, кто ее создавал, и тем, что этот 5-ти тысячный отряд Красной армии прекрасно знал, за что и против кого он борется.

Относительно силы Красной армии и слабости белых Владимир Ильич писал: „Один прусский монарх в XVIII веке сказал умную фразу: „если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, то нельзя было бы вести ни одной войны“. Старый прусский монарх был не глупым человеком. Мы же теперь готовы сказать, сравнивая свое положение с положением этого монарха: „Мы можем вести

[1]) Цифра по воспоминаниям Мельникова „Былое Урала“ № 4 за 1924 г.

войну потому, что массы знают, за что воюют и хотят воевать, несмотря на неслыханные тяжести (повторяю, тягота войны теперь больше, чем при царизме), зная, что приносят отчаянные, непосильно-тяжелые жертвы, защищая свое социалистическое дело, борясь рядом с теми рабочими в других странах, которые начали понимать наше положение" [1]).

Именно солдаты „народной" армии, созданной из трудового населения Прикамья, поняли, для кого и для чего они воюют и, поняв, отказались продолжать дальше эту войну, а 5-ти тысячный отряд Красной армии тоже зная, для чего он борется, непрестанно рвался в бой и в боях проявил чудеса геройства.

Резко отвернулось от порядков этой „демократии" и трудовое крестьянство. Во многих случаях оно, как и рабочие, было вооружено насильно. Ряд резолюций сел и деревень, находившихся под гнетом Прикамского Комуча, показывает нам, как они вздохнули свободно после их освобождения от царивших там „прелестей". В конце ноября, после того, как в Ижевск вступила Красная армия, был созван с'езд представителей только что организовавшихся комитетов бедноты.

Хроника об этом с'езде в газете „Борьба", № 61, от 30 ноября 1918 г., сообщает следующие характерные моменты: „Представители более, чем сорока деревень, один за другим выступали на с'езде комитетов деревенской бедноты... кое-что крестьяне рассказали и про Ижевск. Так делегат Старо-Веньинской волости говорил: „Приезжают к нам в деревню три или четыре типа в солдатской форме с ижевскими обывательницами (из белогвардейцев — М. Ф.), забирают, угрожая револьверами, мельницу, ссыпают в ковш украденную тут же сырую рожь. Что от сырой ржи жернова сразу же портятся, об этом грабителям нет дела."

„Представитель Лузинского (очевидно Лозинского—М. Ф.) комитета говорит: три месяца власти белогвардейцев ясно показали, к чему вели нас „учредиловцы". Они вели нас на гибель, заставляли лезть на штыки, а сами прятались в штабах, хотели быть диктаторами. Из деревень нашей волости нашелся один предатель, что пошел добровольно в ряды белой армии (больше добровольцев из целой волости не нашлось—М. Ф.). Тогда белогвардейцы силой мобилизовали 4 года". „Крестьяне Як-Бодьинской волости жалуются на кулаков: „Земли у них излишки. Однако добровольно они землю отдать не хотят. Придется, видимо, силой".

„Лес сейчас богатые рубят,—жалуется другой представитель,—на 20 лет у них заготовлено дров, гниют, однако кулаки все стараются урвать еще и хищнически разрушают лес".

„Все деревни говорят о страшном разорении в итоге белогвардейского восстания. Разорены целые деревни, разрушены пасеки, погиб хлеб и хозяйство"... Много жаловались на с'езде Перевозниковская, Старо-Веньинская и Завьяловская волости [2]).

---

[1]) Ленин, т. XVI, 1 изд. из речи на митинге в Петрограде 13 марта 1919 г.
[2]) „Борьба"—орган политотдела 2-й армии.

О таком же резком недовольстве белогвардейцами свидетельствуют резолюции крестьянских сходов.

„Мы, крестьяне Кельчинской волости, выслушав речь тов. агитатора... постановили:

„Мы поняли, что эта белая банда, которая была здесь, обманывала нас и затемняла нам голову. Мы, разобравшись в их провокаторских делах, шлем проклятия всем этим паразитам и слугам буржуазии [1]).

„Довольно слушать темных личностей, которые идут против советской власти, будем, как один, выбрасывать всех паразитов, которые обманывали и затягивали наши головы, из наших рядов. Мы поняли сейчас, что действительная советская власть—есть власть трудового и угнетенного рабочего класса...[2]) (Резолюция села Н.-Лып).

„...Теперь все должны отдать для войны с богачами, белогвардейцами. Нет им пощады, мерзавцам. Да здравствует наша Красная армия, которая освободила нас из-под ига белогвардейских банд и вернула нам наших руководителей...“ (Резолюция Рус.-Лозинского, Чутырской волости [3]).

„...Нас, крестьян, обманывали и затуманивали наши головы эти учредиловцы—насильники капитала. В дальнейшем будем выбрасывать из своих рядов и беспощадно бороться с паразитами, своими подлыми речами восстанавливавшими нас против советской власти...“ (Резолюция одного из волостных собраний [4]).

По нашему мнению, довольно и этих документов, ибо они с достаточной наглядностью подтверждают мысль Ленина, что перед трудовыми массами крестьянства стояла дилемма – или с учредиловцами, выбрасывающими пышные фразы, которые ведут под диктатуру Колчака, Деникина и т. п., или же итти вместе с пролетариатом за его диктатуру. Средины в этом вопросе, действительно, нет и никогда не будет.

Двухмесячная борьба деревенской бедноты и рабочего класса в тылу у белых и то, что „учредилка“ несла всем трудовым слоям крестьянства лишь одно разорение и возврат к старому, привели к тому, что колебнувшееся перед восстанием среднее крестьянство поняло классовую сущность эсэро-меньшевистских обещаний и кулацких провокаций и, еще раз убедившись, что действительно между пролетариатом и буржуазией не может быть средины, пошло в ногу с беднотой к пролетариату.

И именно в этом лежат основные причины быстрой победы пятитысячной Азинской дивизии над в 25 раз численно превышающей

---

[1]) Газета „Красный колокол“ № 31 от 7/XII 1918 г. издание Вятской особой дивизии.

[2]) Газета „Красный колокол“ № 31 от 7/XII – 1918 г. Издание Вятской особой дивизии.

[3]) Там же.

[4]) Газета „Красный колокол“ № 36 от 13/XII—18 г. орган штаба особой Вятской дивизии.

армией. Вместе с этим играл решающую роль героизм, который проявили части Красной армии, великолепно знавшей, за что она борется.

XI. Борьба частей Красной армии против „Прикамской учредилки".

Через несколько дней после того, как приступил к работе новый штаб 2-й армии, прибыл в В.-Поляны отряд Азина[1]), участвовавший в боях под Казанью против чехов со стороны Арска.

На этот отряд во главе с Азиным вначале была возложена задача вести в районе Вятских Полян борьбу с кулацкими выступлениями. Там его окружили банды Степанова. Но узнав, что Казань занята чехами, Азин пробил кольцо и, расширяя свой отряд добровольцами из этого же района до 1500 человек, двинулся под Казань, образовав таким образом мощную северо-восточную группу. Этот отряд имеет громаднейшие заслуги, оказав большую помощь южной группе войск под Казанью.

За эти успехи азинский отряд получил благодарность от Реввоенсовета.

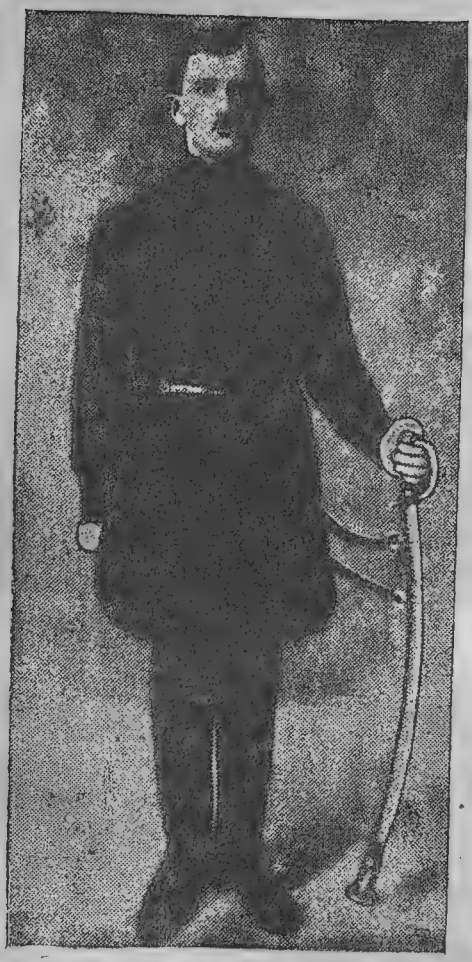
„В приказе № 33 оценена доблестная работа 5-й армии по взятию Казани, но в героической борьбе под Казанью принимает также участие и отряд 2-й армии, наступавшей с северо-востока под командой Азина. Этот отряд до последних дней лишен был постоянной связи с 5-й армией (ныне из докладов и из всех обстоятельств дела усматриваю, что отряд 2-й армии, преодолевая все трудности и лишения, боролся с подлинным революционным героизмом. Считаю долгом довести об этом до сведения СНК и ЦИК"[2]).

Большим недостатком отряда был его партизанский характер. Партизанщиной, несомненно, страдал и сам начальник отряда, но в результате перестройки 2-й армии этот партизанский дух упорной работой членов Реввоенсовета армии постепенно был выведен, и отряд впоследствии вырос в целую дивизию, — в дивизию, как ее называли, „Железная 28-я", а боевики этой дивизии и сейчас гордятся этим именем так же, как бойцы „Буденовской конной".

---

[1]) Азин со своим отрядом, особенно в южной части нынешней Удмуртской области, был грозой для всяких контрреволюционных элементов. Сейчас вокруг его имени ходят всевозможные неверные толкования, что он, якобы, уроженец района В. Полян, национальностью не то русский, не то полуудмурт и т. д. Поэтому мы считаем необходимым дать следующую справку: по национальности Азин—латыш и уроженец безусловно не этого района. Азин—один из основателей латышской секции Вятской парторганизации в 1918 году. Бесстрашный боец и командир. Погиб в боях с Деникиным под станцией Торговой, во время разведки, напоровшись на сильный казачий отряд. „В это время у лошади тов. Азина на всем скаку лопнула подпруга и он упал с седла, казаки захватили его в плен и убили". (Последн. цит. из статьи Герасимова в журн. „Борьба классов" № 8—9 за 31 г.

[2]) „Борьба" от 17 сентября 18 г. № 17, орган Политотдела 2 армии. Дан приказ 18 сентября 1918 года.



АЗИН командир 28 Железной дивизии.

По прибытии в В.-Поляны, отряд Азина был переформирован в сводную 2-ю дивизию, командиром которой был назначен Азин.

Таким образом, постепенно штаб 2-й армии связался и с остальными разбросанными частями. Армия начала оформляться. Наладилось руководство, стала изживаться партизанщина, оставалось ее двинуть и двинуть с расчетом на первых порах на верную победу с тем, чтобы теперь восстановить временно потерянное моральное состояние. И эту первую победу части 2-й армии имели в борьбе за Лубяны, расположенные несколько ниже В.-Полян, по реке Вятке, а затем за гор. Мамадыш и Елабугу. Последняя была взята частями Красной армии в конце сентября 1918 года.

Этих первых ласточек побед было достаточно, чтобы армия приобрела моральный перевес над противником. Дела по р. Вятке вниз, и по Каме вверх в этот период пошли успешно. Исключение представляет собой гибель парохода „Ваня коммунист“, под селом Пьяный бор, во главе со своим бесстрашным командиром Маркиным. Одна из причин гибели этого славного парохода, бой которого с белыми никогда не забудут юго-восточные районы Удмуртобласти, отчасти лежит в неизжитой еще к тому времени партизанщины и анархичности. Тов. Гусев—член Реввоенсовета 2-й армии в „Известиях“ этой армии, в № 13 от 6 октября 1918 г., в своей статье проводит такую мысль, что после взятия нами Елабуги, пехотная часть красноармейцев задержалась там без особых на то причин на трое суток, тогда, как необходимо было продвижение пехоты соответственно продвижению флотилии,

но, поскольку пехота отстала, пароход, естественно, напоролся на береговую засаду белых.

Чехи, а вместе с ними контрреволюция волжских и камских городов, с неимоверной быстротой двигались вверх по Каме в надежде прозимовать под крылом прикамской „учредилки", пополняя ряды ижевской контрреволюции. Теперь установлено, что в рядах прикамской „народной" армии присутствовало немало и чешского войска.

Одновременно с боями по Каме частей 2-й армии развертывались крупные бои по линии Казанбургской железной дороги. Крупнейшую роль на этом участке в первое время играл отряд уфимского рабочего Чеверева, о котором мы уже писали в предыдущих главах.

До отступления на ст. Сюгинск, чеверевский отряд в районе Агрыз и М.-Пурга дрался с ижевскими белобандитами около полутора месяцев, рьяно защищая железнодорожную линию, чтобы не дать возможности противнику перерезать линию и двинуться по направлению на Казань. Считая эту задачу главной, отряд ею все же не ограничивался и систематически беспокоил своими набегами Ижевск.

Но один он, когда кулачество окружающих деревень стало вовлекать на свою сторону колеблющуюся часть середнячества, безусловно, достичь реальных побед над ижевской белогвардейщиной не мог. Отдельные успехи, когда отряд подходил до самой станции Ижевск, были лишь временными, противник отгонял отряд на исходное положение. Поэтому необходимо было в чеверевский отряд влить стоявшие там московский и петроградский продовольственный отряды. Среди них не было никакой дисциплины и они ни под каким видом не желали подчиниться чеверевскому отряду, последнему же было важно главным образом использовать их артиллерию, состоявшую из четырех трехдюймовых и одного девятидюймового орудия. После прибытия самого Чеверева, отряды все таки были подчинены и общая численность чеверевского отряда вместе с подкреплением достигла около двух тысяч штыков.

Защита узловой станции Агрыз и набеги чеверевского отряда продолжались так приблизительно до конца сентября, не дав возможности противнику осуществить одну из своих главных стратегических задач,—двинуться по Казанбургской железной дороге на Казань. В этом была большая заслуга отряда, т. к. он дал возможность северной группе под Казанью (азинскому отряду) сосредоточить свое внимание исключительно против чехов. В противном случае внимание этой последней группы было бы раздвоено, а отсюда, естественно затянулось бы взятие Казани.

Отряд боролся в чрезвычайно трудных условиях. Кругом по деревням работали агенты белогвардейщины. То тут, то там вспыхивали кулацкие бунты. Не раз кулачество окружающих деревень доносило противнику о намерениях и о расстановке боевых сил отряда. Поэтому, естественно, отряд не мог занимать исключительно тактику обороны жел.-дор. линии. Отряд своими силами оборудовал себе бронепоезд, обшив простые вагоны досками, с песком между ними.

Поезд сыграл большую роль и не раз, подойдя к самому Ижевску, обстреливал наиболее важные пункты противника. С помощью этого же бронепоезда был взят на время город Сарапул. Пятитысячная сарапульская армия противника после нескольких часов боя обратилась в бегство. Такая устойчивость и успехи отряда об'ясняются тем, что противник, создав армию—махину из рабочих и трудовых крестьян, тем самым подрубил тот сук, на котором он сидел. Почему это происходило—прекрасно видно из слов Ленина об армии Колчака:

„Пока его (Колчака—М. Ф.) армия была классовой, пока она состояла из добровольцев, ненавистников социализма, эта армия была крепка и прочна, но когда он стал делать поголовный набор, он, конечно, мог набрать армию быстро, но эта армия, чем она больше, тем менее будет классовой и тем будет слабее.“ [1])

В итоге полуторамесячной борьбы отряд все-таки не выдержал и вынужден был отступить в направлении В.-Полян. Приходилось это делать не потому, что отряд не выдерживал натисков со стороны военных сил противника, а в первую очередь потому, что с тыла начало действовать кулачество в союзе с организаторами контрреволюционного выступления в Ижевске. Кулацкие банды появились в районе бывш. Александровской и Ильинской волостей и стали взрывать железнодорожные мосты, отрезав таким образом отряд от штаба армии. Отряд очутился почти в кольце. Был единственный более или менее свободный выход от Агрыз на Бобью, Старую и Новую Моньи и через деревни Б.-Кибьинской волости на ст. Сюгинская. Но отступление по этой узкой полосе, не охваченной бандитизмом, было связано с риском, так как по реке Каме отступали чешские части. Во вторых, это было связано с медленным отступлением, что для отряда было очень невыгодно, ибо военные припасы оставались в весьма ограниченном количестве. Поэтому отряд решил отступить по линии жел. дороги.

По этим же причинам был оставлен Сарапул и все части сосредоточены в Агрызах для отступления. Отряду пришлось при отступлении выдержать ряд жарких боев, особенно недоезжая несколько верст до станции Уром. Патронов на стрелка осталось не более пяти штук, но, к счастью, в одном из боев отряд сумел отбить несколько тысяч патронов у противника и это спасло отряд от окончательной гибели, а на ст. Сюгинская уже произошла встреча с отрядом Азина. Отряд был влит в дивизию. Силы теперь увеличились. Связь со штабом армии установлена. Оставалось вновь напрячь силы и двинуться на окончательное свержение ижевской контрреволюции.

В конце сентября 2-я сводная азинская дивизия тронулась из Сюгинска на Агрыз, который 2 октября был уже взят. После взятия Агрыз, Полтавский полк, во главе с Чеверевым, двинулся на Сарапул и после трехдневного боя город окончательно перешел в наши руки. Но не так легко было справиться с противником, напиравшим на Агрыз со стороны Ижевска и не раз подходив-

[1]) Ленин, т. XVI, 1-е изд. стр. 263.

шим под самый Агрыз. 8 октября противник выбил наши части из с. М.-Пурга, находящегося в 3-4-х верстах от Агрыза, и стал грозить непосредственно последнему. Были мобилизованы все силы. Немалую услугу оказали рабочие Агрызского железнодорожного депо, примкнувшие к частям Красной армии, и трудовая часть крестьянства, откликнувшаяся на призыв партии и Красной армии по рытью окопов и по снаряжению подвод для доставки военных припасов с тыла на боевые участки.

Большая работа была проведена политотделами армейских частей и местными ячейками коммунистов. В работе среди трудящихся удмуртов чрезвычайно большую роль сыграла группа коммунистов - удмуртов из политотдела 2-й армии. Они выпустили ряд обращений и воззваний на удмуртском языке к окружающему трудовому удмуртскому крестьянству. Эти воззвания и обращения вообще являются первыми революционными изданиями на удмуртском языке, в частности, при наших красных военных организациях.

ГУСЕВ и ПЛОТНИКОВ
политработники (удмурты) политотд. азинской дивизии.

Тяжелой и упорной была работа и партийных ячеек, к тому времени еще совершенно молодых. Им надо было руководить советскими органами, очищать их от чуждых элементов, пробравшихся в аппарат. Надо было вербовать добровольцев и отправлять на фронт, организовывать боевые дружины против вспышек кулачества и бандитизма, вести массовую работу среди трудовых слоев крестьянства, организовывать комитеты бедноты и руководить их работой, налаживать снабжение армии и т. д. и т. д. Без этой упорной работы партоорганизаций невозможно было бы справиться с врагом в такой короткий период, при такой малочисленности частей Красной армии.

Наряду с громадной ролью политотделов и партийных организаций в победе над контрреволюцией, надо отдать должное месте неустрашимости и геройству, как командного состава, так и всей второй сводной дивизии.

Командир дивизии принимал непосредственное участие в боях. Присутствие Азина в бою воодушевляло красноармейцев и наводило ужас на противника.

„Азин просто, — пишет Рейснер, — едва ли не каждый день водит в бой свои части, забывая, что он начдив и не имеет права рисковать своей жизнью... Азин ездит верхом на горячих, спесивых лошадях.... дерется и никогда не бегает; плачет от злости, как женщи-

на, если из-за раненой руки ему приходится лежать в самый разгар наступления... Это Азин сам себе устраивает парадную встречу, и, видя, что на берегу оркестр еще не готов, поворачивает с пароходом назад, чтобы через 10 минут, обливаясь потом, в своей великолепной бурке (это в июле-то месяце), все-таки принять почести. „Интернационал" и натянутые рапорты товарищей, успевших по поводу победы пришить пуговицы к единственным штанам и побрить три недели немытые рожи.. Так надо: без праздника, без музыки и встречи армия не почувствует роздыха своих 24-х часовых именин"[1])

Другим, таким же бесстрашным командиром был Чеверев. Последний был наиболее дисциплинированный командир. Не смотря на то, что он тоже командовал партизанскими частями, он был менее заражен этой партизанщиной. Сравнивая этих двух командиров, Азина и Чеверева, тов. Гусев — член Реввоенсовета 2-й армии, пишет о них: „Совсем другое впечатление произвел тов. Чеверев, отряду которого вскоре удалось пробиться и соединиться с нами. Это тоже был партизан. Но между ним и Азиным было огромное различие. Азин не видел вреда партизанщины и не понимал недостаточности своих военных знаний... Чеверев же с жадностью слушал каждое указание Шорина, (а Азин делал вид, что ему и без Шорина все это прекрасно и давно известно)". Дисциплинированность и выдержка Чеверева „в ближайших же операциях обнаружилась.... и в бою под Ижевском полк Чеверева проявил себя наиболее стойким из всех частей, наступавших на Ижевск"...[2])

Части дивизии в продолжение месячной борьбы несколько раз подходили под самый Ижевск, но первоклассное укрепление противника: окопы и блиндажи немецкого образца, окружавшие завод в три ряда и несколько рядов проволочных заграждений, затрудняли прорыв фронта противника. К этому же белогвардейщина, соединившись с отступающими по Каме чехами, сумела значительно увеличить свое вооружение. Винтовками они были обеспечены. Кроме того, им удалось наладить производство патронов и снарядов, а соединившись с чехами, довели свое вооружение до 100 орудий и 700 пулеметов[3]). В этом отношении наши части были обеспечены в несколько раз меньше, чем противник.

5 ноября был дан по войскам приказ, что приближающиеся празднества 1-й годовщины Октябрьской революции должны совпасть с взятием Ижевска. Приказ заканчивался следующим призывом:... „т. Ленин просил вернувшегося из Москвы члена РВС тов. Гусева передать, что к торжественному дню годовщины рабоче-крестьянской власти в России он ожидает донесения о взятии Ижевска. РВС уверен, что красноармейцы оправдают надежды т. Ленина и дадут возможность послать 7 ноября на торжественное заседание Всерос-

---

[1]) Л. Рейснер, собр. сочинен. т. I.

[2]) Гусев — „Гражданская война и Красная армия, издание ГИЗ 1925 г.

[3]) Эти данные приводятся Сапожниковым из воспоминаний меньшевика Уповалова. Мы думаем, что они соответствуют действительности. „Пролет. револ." № 8—9 (31—32) за 24 г.

сийского с'езда советов[1]) экстренную телеграмму о взятии Ижевска. Пусть день годовщины РККА станет днем падения Ижевска".

Командарм — Шорин. Член РВС — Гусев[2]).

Приказ дал необычайную зарядку. Было решено дать удар противнику со стороны фланговых расположений, привлекая основное внимание противника на лобовые части. Поэтому, один из наиболее сильных и боевых командиров полка Чеверев со своим полком был расположен на правом фланге, а сам командир Азин — на левом. В это время 1-й сводный полк был высажен с парохода на Гольяны с тем, чтобы отвлечь внимание противника со стороны Камы и стал быстро подходить к Воткинску, отвлекая резервы противника, идущие из Воткинска на помощь ижевцам. Бои не умолкали до 5 ч. вечера 7 ноября, когда Чеверев со своим полком внезапно ворвался в самый Ижевск. С той же внезапностью ударил левый фланг и противник вынужден был отступить, не причинив никакого вреда оборудованию завода и оставив массу трофей.

По напряженности и упорству этот бой под Ижевском — один из выдающихся в истории Красной армии. Тов. Кучкин в упоминавшейся нами книге о Чевереве, об этом бое вспоминает: „Едва ли где за гражданскую войну был такой ожесточеннейший, такой озверелый бой, как в эту решающую схватку под Ижевском. Разве только сравнимы бои 27-й дивизии за Челябинск и превосходящий по своей грандиозности бой за Перекоп"[3]).

Противник оставил около 60 орудий, столько же бомбометов, 23 пулемета, бронепоезд и несколько тысяч винтовок. Противник не успел до конца расправиться с арестованными, многие из них, обреченные белобандитами на истязание или расстрел, были освобождены. Также не успели они взорвать подготовленную для этого плотину заводского пруда.

В результате трехдневного боя с нашей стороны было потеряно убитыми около 40 человек и 400 раненых, а у противника одних убитых было около 1.500 человек и целые части остались оторванным от своей армии в районе Нылга-Жикья.

Таким образом, приказ Реввоенсовета 2-й армии и пожелания т. Ленина были исполнены с точностью. 7 ноября, в день 1-й годовщины Октябрьской революции, в 7 час. 40 минут вечера Ижевск окончательно перешел в наши руки.

Как только был взят Ижевск, от имени РВС армии была сразу же дана телеграмма на имя председателя СНК тов. Ленина: „Доблестные войска 2-й армии шлют горячие поздравления с великим праздником и подносят гор. Ижевск. Сего числа в 19 час. 40 минут гор. Ижевск взят штурмом". Того же числа, т. е. 7 ноября в 10 час. вечера получена следующая телеграмма от т. Ленина:

---

[1]) В этих числах ноября открывался 6 й Всероссийский с'езд советов.

[2]) „Красная армия" — вестник ВНО при военной академии, ст. Лямина „Ижевская операция".

[3]) Кучкин — „Чеверев" изд. ЗИФ.

„Командующему 2-й армии. Приветствую доблестные красноармейские войска со взятием Ижевска. Поздравляю с годовщиной революции. Да здравствует социалистическая Красная армия!"[1]).

Такая же благодарность была получена от Реввоенсовета Восточного фронта[2]), от Реввоенсовета Республики[3]) и, наконец, от заседавшего в то время VI Всероссийского с'езда советов[4]).

Кроме приветственных телеграмм, за умелое руководство боями, за проявление геройства и мужества, были ВЦИК'ом награждены орденом Красного знамени: командарм 2 — Шорин, начдив 2-й сводной—Азин и комполка 4-й сводной — Чеверев. Последний, помимо этого был награжден золотыми часами и его полк красным знаменем. И не даром в боевой аттестации Чеверева читаем: „Лично сам храбр и мужественен. Обладает железной волей и ведет тех, кто ему верен, твердо к намеченной цели... Полк под его управлением участвовал во многих боевых операциях и выполнял всегда даваемые ему задачи с успехом... Последняя ответственная задача при штурме Ижевска была им разработана и выполнена с блестящим успехом. За свои боевые подвиги представлен к награждению орденом красного знамени, а полк за свои боевые действия,—к награждению красным знаменем"[5]).

Одновременно с борьбой за Ижевск действовали другие наши части против белых, засевших в Воткинске.

С севера на Воткинск двигались части Вятской особой дивизии и I-й сводной дивизии 2-й армии. На восток и северо-восток от Воткинска белогвардейщина довела свою территорию до дер. Марасаны, вернее до села Тойкино и Черновское, а по северному направлению от Воткинска они перешли на 7 — 10 верст село Тыловай, стремясь на Дебессы. Противник стремился выйти на Вятско-Пермский участок Северной железной дороги. Если бы ему удалось разрешить эту задачу, это означало бы соединение его с поднявшейся контрреволюцией в Сибири и изоляция от нас Мотовилихи и всего Урала.

Учитывая и раскусив планы контрреволюции, Вятский губернский военком Малыгин лично сам, во главе небольшого отряда, направился в село Петропавловское, расположенное на северо-востоке от Воткинска. Кулачество этого села к этому времени успело уже вооружиться.

При вступлении отряда оно еще не посмело выступить открыто, но, как только пришлось отряду отступить, оно уже стало стрелять по отступающему отряду.

---

[1]) Телеграммы приводятся в статье т. Шорина „Гражданская война" 1918—21 гг т. I под ред. Бубнова и др.

[2]) Известия II й армии от 14 ноября 1918 г. № 32.

[3]) Газета „Борьба" орг. Политотд. II-й армии № 59 за 1918 г.

[4]) „ Красный Колокол от 11XII — 1918 г. орган штаба I сводной дивизии 2-й армии (бывшей особой Вятской дивизии),

[5]) Целиком эта боевая аттестация Чеверева приводится в приложении к книге Кучкина—„Чеверев" изд. ЗИФ.

Начальник отряда, конечно, знал, что с отрядом в 30 чел. сделать что-нибудь реальное против такой громадной армии сделать нельзя, поэтому, по прибытии на фронт, он сразу же поставил своей задачей пополнение своего отряда добровольцами из бедноты и лучшей части середнячества. Отряд стал быстро расти и в сентябре назвал себя Ижевским коммунистическим полком. Около 30% состава полка составляли добровольцы—крестьяне бедняки и середняки, на своих лошадях. Около 60—70% состава полка составляли удмурты. Кроме указанного Ижевского полка, действовал с севера ряд других частей двух дивизий. Добровольческий полк имени Володарского, набранный, главным образом, из добровольцев Дебесского и Шарканского районов, по национальному составу не менее, чем на 50%, состоял из трудового удмуртского крестьянства, да и сам командир Вятской особой дивизии был удмурт, уроженец как раз этого района, один из первых основоположников Дебесской парторганизации. Впоследствии, 6 октября 1918 г., командование дивизией было передано Медведеву, а спустя некоторое время эта дивизия была влита в азинскую[1]). Значительное количество добровольцев из удмуртского трудового крестьянства и пролетарских элементов было и в рядах азинской дивизии.

МАЛЫГИН (удмурт) командир Вятской особой дивизии.

Ревком, сазданный после учредиловцев во главе с тов. Зориным.

После очищения Прикамья от банды учредиловцев в городах (Ижевск, Воткинск и Сарапул) были созданы ревкомы или, как они назывались, Революционные гражданские советы.

В Ижевске он был составлен из трех работников во главе с политическим комиссаром 2-й сводной азинской дивизии — тов. Д. Зориным[2]). Создались они как чрезвычайный временный орган управления до выборов в

[1]) „Красный колокол" № 37 от 14/II 1918 г. орган штаба I-й сводной дивизии 2-й армии.

[2] Членами Ревкома были Р. Шапошников и А. Галанов.

советы, которые были разогнаны белогвардейщиной. О задачах ревкома его председатель писал:

„Революционный гражданский совет—чрезвычайный временный орган управления. Его задача привести в нормальное русло течение общественной жизни... И после того, как местные рабочие и крестьяне на деле проявят признание советской власти и выдвинут работников, могущих местными силами управлять данным районом, гражданский революционный совет, передав всю власть местным, распускает себя" [1]).

В деревнях же сразу восстанавливались советы и на ряду с ними комитеты бедноты.

Первое же внимание ревкома было направлено на выкорчевывание остатков белогвардейщины. На второй же день ревком издает приказ о роспуске остатков союза „фронтовиков". Приказ гласит: „За контрреволюционную деятельность—восстание против власти рабочих и беднейшего крестьянства в августе месяце настоящего года, революционный гражданский комитет постановил союз увечных воинов закрыть. Членов союза предать суду революционного трибунала" [2]).

Упорную борьбу пришлось выдержать парторганизации и пролетариату с развившимся после подавления учредиловки бандитизмом. Остановимся несколько подробнее на этой борьбе.

После того, как обманутые слои крестьян освободились из-под кулацкой контрреволюционной агитации, кулацкая борьба против советов приняла другую форму—форму бандитизма. Бандитские отряды состояли преимущественно из кулацких элементов и остатков белой армии.

О распространенности бандитизма по Глазовскому уезду сообщает инф. сводка Глазовского Военкома от 8 октября 1918 года: „Белогвардейские банды в пределах Глазовского уезда находятся в следующих волостях: Порезской, Унинской, Сардыкской, Леденцовской, Валамазской и Святогорской. Наибольшие отряды сконцентрированы в Порезской, Сардыкской, Леденцовской и Унинской волостях" [3])...

Далее там же сообщается, что отдельные банды оставались еще до конца октября. Банды эти делали неожиданные налеты на волости, грабили волостные кассы, секретную переписку, уводили советских работников и расстреливали, наводя ужас на окружающее население.

„Обыкновенно банды появляются неожиданно, неболь шими кучками,—гласит сводка от 1 октября 1918 г.,—пользуясь замешательством масс и власти, производят аресты составов волисполкомов и уводят их с собой. Борьба с таким явлением осложняется еще тем, что трудно бывает учесть место и момент появления таких банд. Так в Порез-

[1]) Газета „Борьба" орган Политотдела 2-й армии при штабе 2 дивизии № 46 от 25 ноября 1918 года.

[2]) „Борьба" № 30 от 9 ноября 1918 г.

[3]) Дела Глазовского УИК'а, за 1918 г. Обл. Арх. Ижевск.

ской волости неожиданно вторгнувшимися со стороны Малмыжского уезда белогвардейцами были арестованы члены уездпродкомитета и 4 служащих того же комитета" [1]).

Такое же нападение было, например, совершено на Леденцовский исполком: 25 сего сентября в 4 часа вечера отряд белогвардейцев, численностью в 30 человек, напал на Леденцовский исполком. Белогвардейцы оцепили исполком, вошли в здание и потребовали сдачи оружия. Отобрав таковое, захватили кассу исполкома, в которой находилось более 20 тыс. рублей, арестовали члена исполкома, секретаря и милиционера и увели с собой в Сардык" [2]).

6 октября было совершено нападение на Селеговский волисполком. Банды забрали имеющиеся при исполкоме оружие и секретное дело по борьбе с контрреволюцией. Пострадал от нападения и Валамазский ВИК и ряд других волостных организаций.

Теперь, когда контрреволюция переменила свою тактику борьбы против сов. власти,—приняв форму бандитизма, одни красноармейские отряды, формируемые в уездных центрах, не в состоянии были быстро и решительно ликвидировать эти налеты из-за распыленности бандитизма, кроме того, бандитам помогала лесистая местность этого района. Банды ни в одной деревне или селе не находили приема, но зато их спасали дремучие леса Вятской губернии.

Такое усложнение борьбы вызвало к жизни в ряде мест добровольные дружины, организуемые волостными военкомами, с одной стороны, и организацию передвижных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, с небольшими отрядами при них. Так, например, Порезская волость сообщает: „Решено организовать временную добровольную дружину. Дело организации ее возложить на местный военком. На содержание дружины средства изыскать на местах". По поводу же организации передвижных комиссий мы имеем следующее сообщение в одной из информ. сводок Глазовского Уика: „Для контролирования деятельности вол. исполкомов и изъятия контрреволюционных элементов, ведущих по волостям уезда черносотенную пропаганду, уездной чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем организована подвижная комиссия, в состав которой входит 2 члена и отряд в количестве 15—20 человек" (уездные комиссии были организованы во второй половине июля 1918 года).

С этим бандитизмом советской власти пришлось вести ожесточенную борьбу не только до прихода Колчака, но и после разгрома Колчаковской армии. Окончательно он был ликвидирован в 1920—21 гг.

На ревкоме лежала также большая задача по обеспечению рабочих продовольствием. Так как все запасы во время господства учредиловцев были исчерпаны, поэтому, примерно, через 8—10 дней после своего образования ревком издает приказ деревенским комбе-

---

[1]) Там же П/отдел Информ. Отдела Управления за 1918 год.

[2]) Там же.

дам, волостным советам и ревкомам района гор. Ижевска. Ниже мы приводим отдельные места этого приказа:

„Сейчас в гор. Ижевске очень мало хлеба. Белогвардейцы обокрали Ижевск. С'ели все продовольственные запасы. Рабочих ижевского завода оставили совершенно без хлеба. Советская власть—власть рабочих и деревенскей бедноты: задача ее—накормить всех голодных, достать хлеб для Ижевских рабочих".

„Комитетам деревенской бедноты предписывается немедленно в каждой деревне учесть, сколько имеется хлеба".

„К 1 декабря волостные советы обязываются произвести полный учет хлебных запасов и излишки направить в продовольственный отдел города Ижевска за наличный расчет" [1]).

Одновременно с этим ревком приступил к организации ряда отделов. К 25 ноября эта работа в основном уже была закончена. После этого начали подготовительную работу к выборам в Совет Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. И уже в первой половине декабря были назначены выборы.

Большую работу пришлось проделать Революционно-гражданскому Совету по восстановлению трудовой дисциплины и производства на заводе, расшатанных при белых. Эта работа в короткий срок дала реальные результаты. Пролетарии Ижевска значительно увеличили производство винтовок. За это они получили в конце января 1919 г. благодарность от Ленина, как от председателя Совета Рабоче-Крестьянской Обороны.

„Совет рабоче-крестьянской обороны,—писал Владимир Ильич,—заслушав сообщение Чрезкомиссии о доведении ежедневного выпуска винтовок на Ижевских заводах до одной тысячи, постановил благодарить рабочих и служащих Ижевского завода от имени рабоче-крестьянского правительства за ценную поддержку, оказанную ими Красной Армии.

Председатель Совета рабоче-крестьянской
Обороны ЛЕНИН" [2]).

В ответ на эту телеграмму пролетарии Ижевска на общезаводском митинге дали клятву в том, что они не будут снижать достигнутых успехов в производстве и, если потребуется, будут биться с врагами пролетариата до последней капли крови.

„Мы—рабочие ижевского завода,—говорится в резолюции,—на митинге 29 января, заслушав телеграмму председателя Совета Рабоче-крестьянской обороны, тов. Ленина, заявляем, что приложим все свои силы на то, чтобы поднять выпуск винтовок, необходимых для борьбы за дело всемирного пролетариата, за социализм, до наибольшего количества.

Мы обещаем с 1 февраля выпускать не менее 1000 штук винтовок в день. Мы клянемся, что, если потребует от нас наше рабоче-

[1]) Газета „Борьба" Орган Политотдела 2-й армии, при штабе дивизии № 41 от 20 ноября 1918 г

[2]) Газета „Красный воин" от 7//II 1919 г. № 34 Орган Политотдела 2-й армии.

крестьянское правительство, наши силы для отражения и разгрома врагов революции, мы возьмем в свои руки винтовки, вырабатываемые нами, и будем биться до последней капли крови" [1]).

В отношении производства ижевцы свое слово выдержали с плюсом и к концу марта довели производство винтовок до 1200 штук[2]). Сдержали они свое слово и в отношении второй части обещания. Через 2 месяца после этой клятвы ижевцам пришлось эвакуировать завод и взяться за винтовки против наступающего Колчака. 13 апреля в Ижевск вошли колчаковские банды.

XII. Удмуртия под гнетом колчаковщины.

Приблизительно через два месяца после того, как положен был конец безудержным грабежам и насилиям „учредиловцев", территории нынешней Удмуртской области снова стала грозить серьезная опасность. С востока пробивалась армия адмирала Колчака.

Видя продвижение колчаковских банд, недобитая и успевшая попрятаться контрреволюция края снова стала поднимать голову.

Начиная с января 1919 г., в ряде волостей созываются тайные и даже явные кулацкие с'езды. Так, например, в январе был созван кулаками с'езд в Арзамасцовской волости бывшего Сарапульского уезда. В январе же в селе Галанове происходит с'езд кулаков по продовольственному вопросу и по подготовке других селений к выступлению против ведения хлебной монополии. На этом же с'езде постановили послать делегатов по деревням и волостям Юринскую, Исенбаевскую. Уже были лозунги к неподчинению советской власти"[3]).

Ряд сообщений такого же характера мы читаем в газетах того периода: „В Селтинской волости, в селе Селтах,—сообщает одна из них,—обнаружен с'езд белогвардейцев, участники его арестованы[4]"). Другая газета сообщает, что в средине марта 1919 г. в Сарапуле собралась контрреволюция под видом с'езда кооперативных деятелей. Участники этого „с'езда" были тоже своевременно арестованы"[5]).

Что контрреволюция оживила свою работу, видно и по воззванию к населению, выпущенному VI Малмыжским уездным с'ездом советов, где говорилось, что в связи с некоторыми изменениями боевой обстановки на Пермском фронте, кулачье вновь воспылало надеждой на прелести белогвардейской учредилки и местами начинает подымать головы, пуская всевозможные слухи, один нелепее другого...[6]).

---

[1]) Газета „Красный воин" от 7/II 1919 г., № 34.
[2]) Данные приводятся из газеты „Красная мысль" Орган Воткинского Ревкома от 27 марта 1919 г. № 79.
[3]) ЦАОР, ф. 393, оп. 17, д. 61/а, л. 122.
[4]) „Известия" Малмыжского совдепа, от 26 апреля 19 г. № 90.
[5]) Газета „Красная мысль" орган Воткинского Ревкома от 3 апреля 1919 г. № 85.
[6]) ЦАОР, Ф. 393, оп. 17, д. 61/б, л. 35.

Помимо агитации и контрреволюционной работы, кулачество всякими махинациями стало пролезать в советы, в комбеды с тем, чтобы готовить взрыв с тыла и этим облегчить продвижение Колчаку. Но на этот раз основная масса крестьянства Удмуртии, вынесшая один раз на своей шее трехмесячное господство белых, за кулачеством не пошла и поднять восстание в тылу агентам Колчака не удалось.

Несмотря на это, Колчак с марта стал быстро теснить наши части и 13 апреля он достиг Ижевска, а приблизительно через две недели после этого одна из фронтовых линий по направлению Казанбургской железной дороги снова откатилась до р Вятки.

В северной же части нынешней Удмуртской области, в направлении Вятско-Пермского участка Северной железной дороги, в первых числах июня части 3-й армии оставили без боя г. Глазов и укрепились около станции Яр. На этом участке противник в 20 числах марта несколько задержался из-за разлива реки Чепца, так как при отступлении железно-дорожный мост через нее частями 3-й армии был взорван.

В первом направлении противник двигался на Казань, а во втором – на Вятку и Котлас для соединения с английскими интервентами, идущими с севера.

Для быстрейшего осуществления своего плана—соединения колчаковских частей с англичанами на севере, международная контрреволюция снова пыталась возвратить из глубины Сибири разлагающиеся части чехо-словацкого корпуса под видом переброски их на родину через Архангельск, попутно используя их как военную силу. По этому поводу премьер-министр Франции Клемансо телеграфировал Колчаку: „30 тыс. человек примут участие в операциях (из состава чехо-словацкого корпуса) на правом фланге армии адмирала Колчака с тем, чтобы установить связь с архангельской группой в Котласе, откуда они были бы возвращены на родину до конца текущего года“ [1]).

Таким образом, эта телеграмма нам с достаточной ясностью показывает, чего желали союзные государства.

Но наша партия и правительство, видя надвигающуюся опасность с востока, бросили всей стране боевой клич: „Все на Восток!“ и Красная армия с указанных выше позиций [2]) не сделала ни шага назад. Дней через 20 у Вятских Полян и через 10 под Глазовым началось стремительное наступление частей Красной армии и позорное бегство колчаковских полчищ.

Чем было вызвано временное отступление частей Красной армии и почему так быстро откатился обратно Колчак?

По признанию самих белогвардейцев, отступление Красной армии было действительно отступлением планомерным и без паники,

---

[1]) Какурин—„Как сражалась революция“, т. II, стр. 277.

[2]) Мы здесь имеем в виду 2 и 3 армии и их конечные пункты отступления ст. Яр по Северной дороге и В.-Поляны по Казанбургской.

а их (белогвардейцев) отступление представляло собою беспорядочное бегство. Вот, что пишет об этом один из видных белогвардейцев: „Если у них (у красных—М. Ф.) в свое время было отступление, то мы теперь имели на лицо не отступление, а бегство. Иначе нельзя назвать отход на 350 верст в течение 2-х недель“ [1])...

Чем же вызвано временное отступление Красной армии? Сибирская контрреволюция, воспользовавшись тем, что Красная армия задержалась в районе Прикамья из-за ижевско-воткинского восстания, успела перебросить к центру Урала в Пермском направлении несколько дивизий [2]) против 2-й и 3-й армий, а к этому моменту гражданская война разворачивалась еще более и в ряде других районов страны. Международная контрреволюция окружала со всех сторон огненным кольцом неокрепшую власть пролетариата и поэтому вполне понятно, что эти две армии, как и ряд других, не могли сразу же получить соответствующие подкрепления и имели возможность пополняться лишь местным крестьянством и как раз из тех районов, которые не испытали „прелестей“ Прикамской учредилки. Поэтому здесь в большей степени сказались присущие середнячеству колебания. Наиболее же твердые части из уральских рабочих за время годичной борьбы, т.-е. с момента выступления чехов, были сильно обескровлены и нуждались хотя бы в некотором отдыхе.

Наспех мобилизованные, необученное крестьянское пополнение, во многих своих частях неустойчивое, при недостаточности подготовленного кадра командиров, являлась чрезвычайно слабым подкреплением и часть этого пополнения, при отступлении цеплялась за свою деревню, за свой дом. Раз начавшееся отступление не могло не действовать на крестьянскую часть армии, снижая моральное состояние частей.

Кроме всего, сыграла известную роль и допущенная стратегическая ошибка. В этом отношении особенно погрешила 2-я армия, находившаяся к северу от 3-й армии и к югу от 5-ой. Об этой ошибке один из видных военных работников тов. Какурин пишет следующее: „Действуя вне связи с прочими армиями, несмотря на указания главного командования, эта армия (вторая—М. Ф.), вместо поворота на помощь 3-й армии, сильно выдвинулась к востоку по направлению к Красноуфимску и здесь получила короткий, но сильный удар от противника в феврале 1919 г., причем наиболее сильно пострадала ее 28 дивизия (Азинская, бывшая 2-я дивизия—М. Ф.) и вся армия вынуждена была осадить на запад. В результате этой частной неудачи

---

[1]) Кроль—„За три года“ цитируется по сборнику „Колчаковщина“ под ред. Быкова и Файвида.

[2]) На этот счет имеются следующие данные: боевой состав колчаковской армии, действующий в указанном направлении, состоял из 110.000 штыков, 40 тыс сабель, 420 орудий и 1350 пулеметов, а общая сила его к этому времени состояла из 290.000 штыков, 50 тыс. сабель, 600—700 орудий и 2000—2500 пулеметов (из статьи Путна—в сборнике „Борьба за Урал и Сибирь“).

Отсюда видно, что Колчак на этот участок перебросил около половины своих живых сил и больше половины боевого снаряжения из того, что он имел к этому времени.

и начал образовываться тот разрыв между внутренними флангами 2 и 5 армий, которому в ближайшем будущем предстояло сыграть столь большое значение во всем ходе кампании"[1]).

Вот те основные и главные причины отступления Красной армии на правую сторону реки Камы. Кама к этому времени еще не тронулась и поэтому не сумела послужить в качестве естественной преграды от Колчака. Эту роль должна была сыграть р. Вятка, и, действительно, противник у берегов последней был вынужден остановиться. Территория нынешней Удмуртской автономной области целиком оказалась под владычеством колчаковских заправил. По мере продвижения, эти банды разгоняли Советы, комбеды и все другие организации, созданные пролетариатом и беднейшим крестьянством, восстанавливая прежние царские порядки.

Придя в Удмуртию, Колчак отнял у бедноты и середняка отобранную ими от кулака и помещика землю, возвратив ее обратно прежним хозяевам.

Заводы и фабрики перешли к бывшим владельцам. Под предлогом военного времени восстанавливался 10 часовой рабочий день.

По земельному вопросу „правительство с полной решительностью заявляет,—говорится в декларации Колчака о земле,—что впредь никакие самовольные захваты ни казенных, ни общественных, ни частновладельческих земель допускаться не будут и все нарушители чужих земельных прав будут предаваться законному суду. Законодательные акты об упорядочении земельных отношений, о порядке временного использования захваченных земель, о последующем справедливом распределении их, наконец, об условиях вознаграждения прежних владельцев последуют в ближайшее время"[2]).

Стали царить повальные грабежи, издевательства и насилия. Во время Колчака „пошли сборы, насилие, приказы о сдаче „керенок,"—сообщает корреспонденция из Люкской вол.,—и в конце концов жизнь в волости под смрадом разгула и темноты приняла нечто ужасное"[3]).

Другая заметка приводит следующий факт: „Небольшая деревенька Динтем в 40 дворов (Люкской вол.—М. Ф.), но и она не осталась не разграбленной белогвардейскими заправилами...

„При наступлении советских войск на деревню, белые бежали, захватив с собой 46 лошадей и массу телег. Крестьяне этой деревни рассказывают: „Раньше мы не имели понятия, что такое Колчак с его белой армией... теперь открыто говорим: Нет лучше власти для трудящихся, как власти рабочих и крестьян"[4]).

Колчаковское офицерье издевалось не только над живыми, сочувствовавшими советской власти, но и над мертвыми. Оно откапывало трупы красноармейцев и коммунистов, погибших в боях, из братских

---

[1]) Какурин—Как сражалась революция, т. II, из примечания, стр 423.
[2]) Пионтковский—Хрестоматия „Гражд. война в России" изд. 1925 г. стр. 302.
[3]) „Ижевская Правда" от 3 августа 1919 г. № 5.
[4]) „Ижевская Правда" от 10 августа 1919 г. № 11.

могил и чинило перед народом всевозможные издевательства. Так, например, „в с. Мултане, Малмыжского у., на площади был похоронен коммунист Власов. При занятии села Мултана белыми, труп Власова был вырыт и положен на театральную сцену в здании быв. народного дома, где, по истязании его нагайками, в рот ему был вбит кол, а к ногам привязана веревка, за которую белые таскали его по площади. Окончив эти надругательства над трупом, белые разложили костер и сожгли труп, и пепел разбросали во все стороны"[1].

В Воткинске офицерье заставило раскопать из братской могилы 80 человек. Надругавшись над трупами, отвезли за город и сожгли.

Трупы замученных колчаковскими заправилами в Воткинске.

О той картине, которая господствовала в Воткинске во время Колчака, имеющиеся у нас воспоминания показывают сплошную жуть. Вот что говорится в одном из таких воспоминаний: „Какой-то кошмар, дикая оргия нависли над городом. Мирное население (разумеется, рабочие —М. Ф.) расстреливались на месте за появление на улице. Расстрелы, истязания, отсечение конечностей, выкалывание глаз, закапывание живыми в землю, сжигание на костре, насилование 12—15 летних девиц и проч.,—вот обычные приемы офицеро-кулацких элементов с рабочими и крестьянами гор. Воткинска. Подсчитать всех погибших не было никакой возможности. Приблизительно расстреляно и заколото было более 2.000 человек. К моменту наступления красных войск 13 июня белые поспешно бежали, уводя с собой много пленников, которых по дороге зверски уничтожали. Увезли с собой более 20 млн. рублей, много заводских машин и станков, которые частью потопили в реке Каме"[2].

---

[1]) Газета „Красный набат" 5 июля 1919 г № 46 —орган Политотдела III армии.

[2]) Газета „Ижевская Правда" от 9 ноября 1921 г. № 235. Ряд фактов из господства колчаковских заправил смотри приложение № 14.

Помимо этого, мобилизовали при своем отступлении из 7 тыс. рабочих и насильно увели с собой около 4½—5 тыс., оставив стариков и калек, неспособных носить оружие. Та же самая картина была и в Ижевске, но завод пострадал немного, потому что заблаговременно, при отступлении Красной армии, основное оборудование завода было эвакуировано. Эвакуация удалась исключительно благодаря сознательности и помощи ижевских рабочих, чего не удалось сделать в Воткинске, ввиду измены заводской администрации и неожиданной измены под Воткинском одного из начдивов армии — Романова, из-за чего противник успел сделать обход в тыл.

„Во второй половине апреля наступление Колчака замирает, т. к. оно начато было без сосредоточения резервов. Возможность наступления ранней весны не была учтена; к разливу рек резервы запоздали, между тем части, ведшие наступление, выдохнулись, устали"[1]). А к этому моменту в тылу у Колчака началось полнейшее разложение частей и крестьянские вспышки в виде отказа от мобилизаций и партизанских выступлений.

Приближение Колчака к богатому хлебом Поволжью и то, что то продвижение неприятеля стало грозить основным стратегическим пунктам в Поволжьи — Казани, Н.-Новгороду и ряду других городов, приковало на восточный фронт внимание партии и всей страны. Армии на восточном фронте были пополнены свежими силами. Партия, комсомол и профсоюзы отправили сюда своих членов.

В конце апреля части 5-й армии под Бугурусланом нанесли первый удар противнику. Одновременно готовились к натиску и другие наши армии. Так 2-я армия, начиная с 1 мая, стала намечать удар с правого своего фланга вниз по реке Вятке до ее устья и вверх по Каме, параллельно снарядив нашу речную флотилию, предварительно сосредоточив внимание противника на срединных частях армии, находившейся в районе железнодорожного моста через реку Вятку, под Вятскими Полянами.

В районе моста Красная армия не сдала противнику левый берег р. Вятки. Белобандиты ожидали наступления с этого участка, к тому же командование 2-й армии делало вид, что оно сосредоточивает свои силы в указанном районе. Противник, не замечая истинных намерений 2-й армии, стянул свои силы на этот участок фронта — к линии Казанбургской ж. дор. В это время 28 дивизия (азинская) стала наносить противнику удар за ударом с правого фланга. Неприятель решил, что эти удары 28 дивизии просто демонстративные, и не предпринял необходимых мер. Этим он облегчил 28-й дивизии после взятия ею Елабуги возможность пробираться правым флангом в тыл противника.

После этого армия Колчака на этом участке с конца мая быстро, в течение каких нибудь двух недель[2]), была отброшена за Каму,

---

[1]) Гражданская война—1918—21 г. под ред. Бубнова и др. т. I ст. Шорина.

[2]) Примечание: В районе В. Полян наступление наших частей началось в ночь с 25 на 26 мая и 10-15 июня основные силы противника, в этом районе были уже переброшены за р. Каму.

на ее левый берег, а ровно через месяц (средина июля) Красная армия заняла центр Урала — гор. Екатеринбург (нынешний Свердловск).

Колчаковская армия умчалась обратно с территории нынешней Удмуртской автономной области, снаряжая в подводы буквально всех крестьян, кто только попадал под руки.

Значительная часть крестьянства успела своевременно припрятать своих лошадей и упряжь, поэтому попавшие в руки отступающей без оглядки белой армии, крестьяне в качестве подводчиков, из-за недостатка лошадей, были доведены до Тюмени и Омска. Большинство этих подводчиков в пути скрылось, ожидая прихода частей Красной армии, а некоторые, боясь остаться без лошади, „увечили" их всевозможными приемами. Заболевшая лошадь выбывала со своим хозяином из строя и подводчик отставал от потока отступающих. Одной из таких распространенных мер было вкалывание в копыта лошади небольших гвоздей.

Наспех набранные Колчаком пополнения при своем наступлении из крестьян Пермской и Вятской губернии не захотели воевать в интересах некоронованного монарха, реставрирующего власть помещика, и капиталиста и деревенского мироеда. Даже такое непродолжительное господство Колчака в крае показало, что несет последний рабочим и трудовому крестьянству. Мобилизованные Колчаком расходились по домам и прятались в лесах, ускоряя развал белой армии, а основные массы крестьянства, посмотрев и сравнив, как говорил Ленин, Колчака с диктатурой пролетариата, поняли, какую позицию им надо занять.

По поводу такого стремительного падения Колчака Ленин пишет:

„Чего же не хватало Колчаку для победы над нами? Не хватало того, чего не хватает всем империалистам. Он оставался эксплоататором. Он должен был действовать в обстановке наследства мировой войны, в той обстановке, которая позволяла о демократии и свободе только болтать, которая давала возможность иметь либо одну, либо другую диктатуру, либо диктатуру эксплоататоров, которая бешено отстаивает свои привилегии и заявляет, что должна быть уплачена дань по тем векселям, по которым они хотят драть миллиарды со всех народов, либо диктатура рабочих, которая борется с властью капиталистов и обеспечивает власть трудящихся. Только из-за этого слетел Колчак. На деле, не при подаче избирательного бюллетеня, сибирский и уральский крестьянин определили свою судьбу". И далее: „Крестьяне, испытав на деле ту и другую диктатуру, выбрали диктатуру рабочего класса и с ней пойдут дальше до полной победы"[1]).

В победе над контрреволюцией сыграл большую роль тот двойной гнет, который несли на своих плечах угнетенные народы царской России. Трудовые массы угнетенного удмуртского народа пре-

[1]) Ленин т. XVI, изд. I, стр. 413—414.

красно учли то, что несет им колчаковщина. Они сразу же отвернулись и „незаметно" день за днем, подрывали тыл противника.

Тов. Сталин на 12 с'езде партии дал образную характеристику „молчаливому сочувствию русским пролетариям" этих угнетенных народов в период гражданской войны и их роли в торжестве диктатуры пролетариата на одной шестой земного шара. „Не забудьте,—

Ревком в Ижевске во главе с тов. Шапошниковым созданный после отступления колчаковцев.

говорил он,—что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так называемых „инородцев", не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие его никто не видит и не слышит, но оно решает все,—если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов. В то время когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетенные народы вынуждены были итти к нам в об'ятия, между тем как мы развертывали знамя освобождения этих угнетенных народов. Вот что решило судьбу этих генералов, вот сумма факторов, которые заслонены успехами наших войск, но которые в последнем счете решили все" [1]).

[1]) Стенографический отчет XII с'езда. Изд. Кр. Новь, Москва 1923 г., стр. 445.

И действительно, если бы трудовые массы угнетенных народов Поволжья и Прикамья не сочувствовали русским пролетариям при том соотношении военных сил, которое сложилось к весне 1918 г. на восточном фронте, последствия для молодой пролетарской диктатуры могли быть очень тяжелые.

С освобождением Поволжья очередной задачей оставалось очистить пролетарский Урал от белых. Разгром Колчака на Урале неизбежно нес ему полнейшее поражение. Тов. Ленин придавал освобождению Урала громадное значение. Он телеграфировал Реввоенсовету Восточного фронта: „Если мы до зимы не завоюем Урала, то считаю гибель революции неизбежной; напрягите все силы, следите внимательно за положением".

Начавшееся наступление наших частей нужно было форсировать, чтобы Колчак не имел времени привести в порядок расстроившиеся части и тыл, и это ему действительно не удалось. Не удалось потому, что колчаковский режим нес с собой царско-помещичьи порядки и трудовые массы не захотели надеть на свою шею хомут, сброшенный Октябрьской революцией.

Колчаковщина за свое короткое господство нанесла народному хозяйству края неописуемый урон. При отступлении Колчак взрывал и сжигал все мосты на железных дорогах и трактах. Подкладывал огонь в обширные леса области и стихия „красного петуха" делала свое дело. Портили железно-дорожные линии и подпиливали телеграфные и телефонные столбы, словом, армия Колчака отходила ураганным вихрем, сносящим на своем пути все, что только попадалась. На железнодорожном участке от ст. Яр до Перми было взорвано и сожжено 42 моста[1]), в том числе и мосты через Чепцу, Лыпь, Кестым и др.

Части III армии, наступавшие в направлении Глазов-Пермь, начав наступление с 8—9 июня, уже к концу этого месяца овладели Пермью. Первое задание на этом участке фронта заключалось занять к 9 июня ст. Балезино с тем, чтобы отрезать путь отступающим частям белых из района Глазова. Задание было выполнено успешно, поэтому Глазов был оставлен белыми без боя и к 25 июня наши части уже подошли к берегу р. Камы, но и последняя не послужила для них естественной преградой более, чем в 4—5 дней, несмотря на то, что белыми один из пролетов железнодорожного моста был взорван. После Перми белогвардейцы начали переходить на нашу сторону целыми полками. В районе с. Муллы добровольно сдались 2 полка, перебив предварительно своих офицеров. Мобилизованные солдаты бывшей Пермской губернии, дойдя до своих мест, оставались дома или уходили в „кустарные батальоны", нередко громя свои учреждения и нападая на обозы своих отступавших частей и тем создавая неимоверную панику в отходившей пехоте и способствуя нашему быстрому продвижению вперед" [2]).

---

[1]) „Колчаковщина" сборник под ред. Быкова и Райвида, из статьи Гребнева.
Онуфриев „Гражданская война на Урале" воспоминания бывшего комбрига.

Совсем другое положение было в частях Красной армии: „...В организации Красной армии,—говорит т. Ленин,—были великолепно осуществлены последовательность и твердость пролетарского руководства в союзе рабочих и трудящегося крестьянства против всех эксплоататоров. Каким образом это могло произойти? Почему громадная масса крестьянства так охотно на это пошла? Потому, что она была убеждена, будучи в подавляющей своей части беспартийной, что нет спасения иначе, как в поддержке советской власти. Она убедилась в этом, конечно, не из книжек, не из пропаганды, а из опыта".

* * *

„Учредиловка" и колчаковщина были окончательно разгромлены. Пролетарии и трудовое крестьянство Удмуртии получили возможность приступить к мирному социалистическому строительству. Началась упорная работа по восстановлению разрушенного империалистической и гражданской войной хозяйства. Бывший ижевский военный гигант царской России превратился в мощный завод—станкостроения и высококачественной стали. Быстрыми темпами восстанавливалось сельское хозяйство. Образование в 1921 году из ряда уездов быв. Вятской губ. Удмуртской автономной области дало мощный толчек к развитию национального строительства УАО, к расцвету культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, к четкому осуществлению ленинской национальной политики.

К 15 летию Октябрьской революции Удмуртия, под испытанным руководством ленинской партии, в борьбе с классовым врагом, его контрреволюционным органом „кенеш", со всеми уклонами от генеральной линии партии, с извращениями ленинской национальной политики, с великодержавным шовинизмом, как главной опасностью и местным национализмом, добилась крупнейших успехов социалистического строительства, гигантскими шагами двигаясь по пути превращения ранее угнетенной царской „окраины" в одну из передовых индустриально-аграрных областей СССР, подготовив базу для изживания в период второй пятилетки экономической и культурной отсталости Удмуртии, унаследованной от царского колониально-капиталистического режима.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1.

Петроград. Председателю Совета Министров

Копия военному министру Гучкову.

Из Сарапула 14/III—17 г. Телеграмма.

Ижевский оружейный завод, имеющий до 40 тысяч квалифицированных рабочих и до 150 тыс. населения, находится в состоянии полной дезорганизации, идут беспорядочные неосновательные аресты администрации по требованию толпы, возможно опасаться расстройства деятельности завода, местные силы вести организацию не могут, необходим авторитет представителя центральной власти, просим прислать комиссаров государственной думы возможно скорее.

Сарапульский уездный комитет общественной безопасности.

ЦАОР, ф. 398/1 д. 21, л. 175.

№ 2.

Из протокола собрания молотовой мастерской от 29 июля 1917 г.

„Против резолюции совета Рабочих и Крестьянских депутатов от 20-го июля с/г. мы протестуем потому, что не было принято предложение о внесении в резолюцию поправки о недоверии Временному Правительству. Долой диктатуру буржуазии! Долой смертную казнь! Каковую поправку просим проголосовать по всем мастерским Ижевских заводов, а также поддерживаем свои прежние постановления о перевыборах Исполнительного Комитета и Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов.

Председатель собрания—Павлихин.

Секретарь—Килин.

После ряда таких резолюций рабочих, состав Совета был обновлен и большинство мест перешло в руки большевиков.—М. Ф.

Взято из „К пятой годовщине пролетарской революции в Прикамье (сборник статей) статья В. Матвеева, стр. 6, Ижевск 1922 г.

№ 3.

ТЕЛЕГРАММА

Министру Внутренних Дел
Управлению Милиции Петроград Моховая три.
Из Вятки.

Сообщаю селениях Сарапульского Нолинского Орловского уездов общинниками предпринимались попытки захвата земель отрубников ликвидированы по раз'яснении населению месте незаконности поступка Сарапульском уезде командированными мною лицами Нолинском Орловском местным властям точка.

Занесено вх. 21/IV—17 г. ЦАОР, ф. 406, д. 15, ч. 97—1917 г. № 3.

№ 4.

ТЕЛЕГРАММА

Управлению Милиции ПТГ Моховая три.

Петропавловской волости Сарапульского уезда Верговской общинники производят самовольные запашки земель отрубников потравы хлебов точка Сарапульском уезде расследование самоуправных действий общинников поручено находящейся там комиссии состоящей двух членов губернского исполнительного комитета трех Вятского Совета солдатских рабочих депутатов точка...

Запис. вх. 28/IV—17 г. ЦАОР, ф. 406, д. 15, часть 47—1917 г. л. 11.

№ 5.

Временному правительству.

М. В. Д.

Кинкурский Комитет
ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
Яранского уезда
Вятской губернии
6 июля 1917 г.
№ 64.

29 мая здешним комитетом был задержан в пределах волости матрос—агитатор Григорий Целищев, принадлежащий к партии Ленина. Явясь в пределы волости он вел агитацию: не верить Временному Правительству, долой войну сейчас же и долой хлебную монополию. С появлением его среди населения стали появляться признаки анархии. Находя таковое явление в переживаемое нами трудное время совершенно недопустимым, Комитет просит Временное Правительство принять со своей стороны самые строгие и энергичные меры к пресечению вышеозначенного явления, сделав со своей стороны распоряжение о том, чтобы Ленинцам пропуск во внутрь России был запрещен, дабы избежать вредного их влияния, разбивающих жизнь нашей дорогой родины.

За председателя комитета—подпись
Секретарь—подпись.

ЦАОР ф. 406 д. 15 ч. 47—1917 г. л. 47.

М. В. Д. Г. У. М.
Газета „Земля и Воля“
от 6/X—1917 г. № 155.
Губерния Вятская,
уезд Вятский.
Предмет: Хлебная монополия.

Якшинская волость Вятской губернии

Держатели хлеба.

Крестьяне Якшинской волости, Вятского уезда, не пустили регистраторов для производства учета хлебов. Выслана команда солдат.

В других местах крестьяне дают неверные сведения о количестве имеющегося хлеба.

ЦАОР, ф. 406, отд. 6, д. № 17, ч. 15—1917 г. л. 3.

№ 7.

М. В. Д.
Г. У. М.
Газета „Русское слово“
от 6 окт. 1917 г. № 228
губ. Вятская.
Предмет: Деят. прод. ком.

Реквизиция хлеба.

ВЯТКА, 5/X. Исчерпав все способы воздействия на крестьян—держателей хлеба, местная уездная продовольственная управа приступила к принудительному из'ятию хлебных излишков.

Волостным уполномоченным дана следующая краткая инструкция:

„Сначала спросите, сколько хлеба у владельца амбара. При отказе составляйте акт и ломайте замки. Всех уклоняющихся и дающих неверные сведения немедленно привлекать к судебной ответственности“.

В распоряжение уполномоченных представлены надежные воинские команды.

Первые сведения с мест благоприятны.

ЦАОР, ф. 406, 6 отд. д. № 17, ч. 15—1917 г. л. 2.

№ 8.

ЦАОР, ф. 398/I, д. 21—17 г. Из совещания уездных комиссаров.

Вр. Правительства по Вятской губ. от 24 июля 1917 г.

Доклад о продовольствии.

„Занялись выяснением вопроса о количестве запасов старого хлеба, но это тоже не удалось. Было несколько случаев, что учетников избивали...“

„...должна быть самая тесная связь органов продовольствия с представителями администрации, особенно в виду последнего распоряжения Керенского о насильственном отобрании хлебных излишков' когда, может быть, придется прибегнуть, согласно его же распоряжению к вооруженной силе“.

№ 9.

ЦАОР, ф. 398/1 дел 21—1917 г. из протокола совещания уездных комиссаров Временного Правительства по Вятской губернии от 24 июля 1917 г.—г. Вятка.

Ф. Г. Куимов указывает, что хлебная монополия роет яму для всех. Вооруженная сила, по его мнению, не поможет, ибо крестьяне давно уже заявили ему, что будут защищать свое право на хлеб с топорами и вилами в руках. Крестьяне указывают, что взамен хлеба им ничего не дают, а между тем на удовлетворение необходимых потребностей у них не станет денег, если они будут отдавать хлеб в казну. Просит провести и другие виды монополии на предмет первой необходимости в крестьянском обиходе и находит, что только тогда можно будет расчитывать получить от крестьян хлеб. Продовольственные управы в глазах крестьян не имеют никакого авторитета, и озлобление сказывается главным образом в вопросе о вознаграждении, получаемом членами продовольственных управ. Крестьяне находят, что уменьшением жалования последним можно увеличить твердые цены на хлеб".

№ 10.

ЦАОР, ф. 406, д. 15, ч. 47—1917 г. л. 42.

Временное Правительство
ВЯТСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ
КОМИССАР по КАНЦЕЛЯРИИ
27 июля 1917 года
№ 6488
гор. Вятка
На № Д 20453.

В Главное Управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан.

„ ...Единичные случаи недоразумений, возникавших главным образом на почве землепользования и посягательств на права земельной собственности, имели место. Во всех таких случаях, когда дело доходило до губернской власти, мною принимались самые решительные меры против виновников самоуправств, кончавшиеся всегда привлечением последних к уголовной ответственности, с раз'яснением потерпевшей стороне, что она понесенные убытки, если таковые только происходили, может взыскать с виновных судебным порядком. Не делается в этом отношении каких-либо исключений и к возникшим революционным организациям и уездным и особенно волостным исполнительным комитетам, когда их постановления, якобы, незаконные и наносят ущерб лицам, которых они касаются.

Губернский комиссар П. Саламатов.
Правитель канцелярии Тулин.
Старший помощник правителя (подпись).

№ 11.

ЦАОР. Ф. 395, оп. 15, д. 9, 1917 г, л. л. 1—4.

Об Уездном Исполнительном Комитете.

Из резолюций, вынесенных на 2 с'езде кр., раб. и солд. депутатов Глазовского уезда, 19 сентября 1917 года.

Заслушав доклад об Уездном Исполнительном Комитете, с'езд констатирует, что в создавшихся общегосударственных условиях власть, как в центре, так и на местах после революции попала в руки буржуазии, как наиболее организованного в дореволюционное время класса. Буржуазия в союзе с бывшими чиновниками и интеллигенцией в большинстве своем не доверяя силам народа, боялась власти народа, всеми силами боролась против власти Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов и вредила дальнейшей организационной работе Советов, время и энергия которых тратилась на борьбу за свое влияние на широкие массы населения. В таких же трудных условиях работал и боролся с бывшим Уездным Исполнительным Комитетом общественных организаций Исполнительный Комитет Совета рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Крестьяне и рабочие всего населения о той бессовестной травле и клевете, которой подвергались со стороны уездных местных приспешников буржуазии наиболее деятельные Исполнительного Комитета Совета Р., С. и Кр. деп. Выражая полное доверие и сочувствие своим товарищам, работавшим в Исполнительном Комитете, с'езд полагает, что в дальнейшем центральная власть уезда должна быть в руках революционной демократии в лице Советов Р. С. и К. Д. который крестьяне, рабочие и солдаты всемерно должны поддерживать, чтобы в случае ухода из города Глазова 154 пехотного запасного полка Уездный Исполнительный Комитет Советов в своих действиях мог опираться на широкие массы крестьянства и рабочих, дабы завоевания, сделанные им до настоящего времени вновь не были отвоеванными буржуазией.

№ 12.

ЦАОР. ф. 1235, сер. Д/8 д. № 140 — 1917 г. л. л. 7—8.

В Советах Вятской губернии.

После корниловских дней мне пришлось быть в некоторых Советах рабочих и солдатских депутатов Вятской губернии.

Ижевский Совет, стоящий в последнее время на большевистской платформе, в то время всецело был занят организацией Комитетов для борьбы с контрреволюцией и все свое внимание сосредоточил на создание „Красной Гвардии", в которой только и видели спасение революции. А между тем у Совета не было никакой связи с прибывшими в Ижевск новыми ротами солдат, которые, нужно заметить, не особенно дружелюбно относились к рабочей массе, а также к Совету.

После сделанного мною доклада и указаний на необходимость обратить самое серьезное внимание не только на оформление Комитетов и „Красной Гвардии", но и на создание более крепкой связи с солдатами, было решено устроить солдатский митинг, на который командированы были 5 членов Исполнительного Комитета.

Дня через два митинг состоялся. Солдат собралось немного, но митинг тем не менее, прошел оживленно. После выступления товарищей членов Исполнительного Комитета с речами о контрреволюции и Корниловском восстании, была вынесена резолюция протеста против введения смертной казни и требование скорейшего созыва Учредительного Собрания. Было также постановлено воздерживаться от каких бы то ни было выступлений без призыва к этому Совета Ротных Комитетов и социалистических организаций.

Из частных разговоров с членами местных организаций выяснилось, что Совет пользуется тем авторитетом, каким он пользовался первое время. Отмечаются даже такие случаи, когда Советы выносят то или иное решение, но рабочие с ним не считаются, чем, конечно, вносят еще большую дезорганизацию в среду местного пролетариата. При всем желании руководителей Совета повлиять на массу, они ничего не могут сделать, так как рабочая масса идет уже дальше, призывая к захвату власти.

Совет Рабочих и Солдатских депутатов Воткинского завода стоит на той же позиции, на которой стоял в первое время, но и здесь замечается колебание в сторону большевиков. На одном из собраний, где мне пришлось делать доклад, одним из присутствующих товарищей был поднят вопрос о сформировании „Красной Гвардии", но после выступления некоторых товарищей вопрос этот был снят с обсуждения.

В Глазовском Совете Рабочих и Солдатских депутатов преобладают большевики, взявшие фактически власть в свои руки. По словам членов Исполнительного Комитета, здесь они пользуются большим влиянием. Однако факты доказывают иное. В Глазове, как известно, были учинены солдатами местного полка беспорядки, при чем было уничтожено до 10.000 ведер водки и пива. Беспорядки были прекращены отрядом, прибывшим из Вятки. Во время беспорядков был избит солдатами член Глазовского Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов.

В гор. Вятке Совет стоит на позиции, занятой в первые дни революции. Преобладающее большинство в нем с-д.-меньшевики и с.-р. Большевистское течение замечается только среди железнодорожников и то в незначительной мере. Выступающие на митингах железнодорожников ораторы-большевики успеха не имели.

Следует отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство, что сознают все Советы и о чем говорят представители всех демократических организаций, — это большой недостаток, а местами и полное отсутствие интеллигентских сил, столь необходимых для организационной работы.

Везде и всюду высказывается одно желание, — иметь как можно больше интеллигентных и опытных работников. И это желание вполне понятно. Выборы в волостное и уездное земство прошли по губернии вяло. Участие в выборах принимала незначительная часть населения, пассивность эта все увеличивается и это создает большую угрозу в будущем. В то время, когда от каждого требуется особенно усиленная и напряженная работа, когда нужно работать усиленным темпом по подготовке выборов в Учредительное Собрание, в бессознательных массах пассивность, вялость, упадок революционной энергии, а в сознательной раздается один стон: „Дайте работников". Казалось бы, та интеллигенция, которая слышит этот зов, должна откликнуться, должна итти туда, где она так необходима, но пока ее нет в рядах демократии, и голос зовущих, за редкими исключениями, остается голосом вопиющего в пустыне. Те немногие, которые идут с искренним желанием поработать среди широких народных масс, скоро охладевают к работе, вследствие того недоверия, которое проявляется в большинстве случаев массами к ним, и волей-неволей уходят, уходят с обидным сознанием, что они крайне нужны и могли бы работать в широких демократических массах.

Член Центрального Исполнительного Комитета.

(Дата автором письма почему-то зачеркнута).

№ 13.

Политическое положение дел в Ижевском заводе и во всей Вятской губернии.

До и во время, а также и некоторое время после Октябрьской революции, Ижевский завод являлся могучей революционной цитаделью для всей Вятской губернии. Ижевский Совдеп взял власть в свои руки раньше, чем это было сделано в центре (Москва, Петербург в 20 числах октября). С этого момента начинается самая упорная борьба за советскую власть в ближайших городах и селах за осуществление советской власти при прямом участии Ижевского Совдепа. Например, в Воткинский завод, г. Сарапул, Вятку и Елабугу посылались не только идейные работники, но и вооруженная сила, пока, наконец, во всей губернии не перешла власть, целиком вся власть Советам (январь 1918 год. Сов. власти в г. Вятке).

Во время октябрьского переворота на заводе работало около 40 тысяч рабочих. С октябрьского же переворота идет усиленное увольнение рабочих, главным образом, приезжего элемента—рабочие завода по своему материальному положению разделяются на две основные группы: пролетариат в полном смысле этого слова и мелкий собственник—мелкий буржуа. В первую группу входят—приезжие рабочие главным образом, опролетарившееся крестьянство и часть местных бедняков-рабочих; эти, кроме рабочих своих рук, ничего не имеют; вторую группу составляют, главным образом, местные рабочие—собственники, имеющие свои дома, покосные и лесные наделы,

наличные сбережения денег и занимающие привилегированные должности на заводе; к ним примыкают окрестные богатые крестьяне, работающие на заводе и в то же время имеющие сельское хозяйство. Процентное отношение в октябрьский переворот было приблизительно между первой и второй группой—60% и 40%. И вот чем больше увольнялось рабочих с завода, с одной стороны, и с другой чем больше из самого завода стягивалось рабочих-революционных работников на общественную политическую работу, и наоборот, чем больше возвращалось на завод оставшихся не у дел шептунов-правых эсэров и меньшевиков, тем заметнее менялось настроение рабочих масс в пользу правых. Это ясно определилось уже в февральских выборах Совета (до этого в Совете правых эсэров не было, меньшевиков было 4—5 из общего числа совета 220 человек). Здесь уже одно время меньшевики даже сумели одержать успех, но руководящую роль скоро заняли опять коммунисты. К этому времени на заводе работало до 35 тыс. человек. Процентное отношение между указанными мною группами—первой и второй—приблизительно было такое: 50% и 50%.

Значительный процент вошедших в Совет правых оказал свое влияние и на работу совета. Она пошла не так уверенно и с колебаниями, в чем значительную роль также играли беспартийные. Их было до 1/3 (одна треть) совета.

Увольнение рабочих продолжается тем же темпом дальше: правые элементы все прочнее и прочнее свивают себе гнездо в рабочих массах, главным образом во второй группе, в части темной бессознательной бедноты.

В мае месяце назначаются новые перевыборы совета. К этому времени на заводе остается около 30 тыс. рабочих; процентное отношение между основными группами уже приблизительно такое—40% первой и 60% второй. Выборы в совет идут очень вяло, голосует не более 20% всего числа рабочих. В совет, наконец, выбрано около 170 человек. Абсолютное большинство проходит именующих себя беспартийными. Коммунистов проходит всего 22 человека. На первом же заседании правые одерживают победу. Советом принимается резолюция за Учредительное собрание, заготовленная комитетом партии эсэров. В результате коммунисты покидают зал заседания с мотивированным заявлением, сущность которого сводится к тому, что участие в работах этого состава они принимать не будут, а следовательно, будут бороться с ним всеми имеющимися в их распоряжении средствами. После некоторого колебания, покидает зал заседаний и часть беспартийных. Оставшаяся часть совета в конце концов об'является себя неправомощной и распускается, в то же время просит старый состав Исполнительного Комитета продолжать работу, хотя он и не думал бросать его.

Назначаются новые перевыборы Советов в июне месяце с. г. К концу перевыборов я уезжаю на 5-й Всероссийский с'езд Совдепа, но уже имеющиеся данные о перевыборах показывают, что совет

соберется правый, опять таки с абсолютным большинством так называемых беспартийных. Так оно и вышло: по предварительным полученным мною сведениям, Совет оказался правым. Председателем совета и исполнительного комитета избран правый эсэр некто Бузанов—член учредилки. Товарищ председателя меньшевик—Михайлов—член земской управы. Принята резолюция за восстановление местного земского самоуправления и, наконец, послан на Всероссийский с'езд Совдепов (5) меньшевик Астраханцев—член бывшей Государственной думы. К началу опоздал и приехал лишь 6-го июля. Все эти сведения мною получены до 10 июля, что произошло после, сведений не получал.

3) Заключение.

Из всего доклада видно, что если не обратить серьезного внимания на Ижевский завод, он может представлять из себя серьезную угрозу Советской республике по следующим основным причинам: 1) распределение вырабатываемого оружия на заводе, по данной из центра инструкции, находится исключительно в ведении совета, а следовательно попадает в руки правых эсэров и меньшевиков. Забрав распределение в свои руки они могут не только вооружить этим оружием контрреволюционеров Ижевского завода, но и снабжать ими другие белогвардейские банды. 3) Могут нарушить окончательно тем или другим способом производство винтовок на заводе. 4) Свив прочное гнездо в Ижевске, они могут создать там базу для контрреволюции, откуда могут распространяться их действия по всей Вятской губернии, как только, конечно, представится случай".

АОР. Ф. 393, оп 16 д. 49 лл. 61- 62.

№ 14.

Резолюции Юго-Камского окружного с'езда Советов от 17 октября 1917 г.

Об отношении к Временному Правительству.

1. Кооперация признала, что Временное Правительство по своему характеру является органом господства помещиков и буржуазии.

2. Оно и представляемые им классы неразрывно связаны экономически и политически с русским и англо-французским империализмом.

3. Организующиеся силы буржуазной и помещичьей контрреволюции, прикрываясь знаменем Временного Правительства, противодействуют переходу всей земли в руки народа, навязывая помещичьий способ разрешения аграрного вопроса.

4. Охраняя прибыль капиталистов и помещиков, Временное Правительство неспособно применять ряд революционных мер в области хозяйственной (контроль над производством, распределение и проч.), которые безусловно неотложно необходимы, в виду непосредственно грядущей хозяйственной катастрофы.

По земельному вопросу.

Принимая во внимание, что:

1. Существование помещичьего землевладения в России есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог восстановления монархии.

2. Это землевладение неизбежно осуждает подавляющую массу населения России—крестьянство на нищету, кабалу и забитость, а всю страну на отсталость во всех областях жизни, исходя из такого положения конференция постановляет:

а) Немедленную и полную конфискацию всех помещичьих, удельных, церковных, кабинетских и частновладельческих земель в России.

б) Немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы кр-ских депутатов или в другие действительно вполне демократические, выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления.

№ 15.

По Арзамасцевской волости колчаковцами у бедноты были отобраны все сельскохозяйственные орудия, приобретенные ранее через волостной совет.

По Исенбаевской волости колчаковцами расстреляно 16 советских работников, а у семей эвакуированных отобрано все имущество, были наложены подати и взыскивались недоимки земских сборов, вообще от бедноты были отобраны последние деньги. Колчаковская банда отбирала у крестьян обувь, одежду, продукты, фураж и ни за что не платила.

По Перевозницкой волости выяснено, что колчаковская банда расстреляла 12 человек и 11 человек советских работников. Из 2.000 чел., бежавших с колчаковцами, вернулось обратно 1.000 чел. Возвращение бежавших продолжается, но находящиеся в подводах у колчаковцев, возвращаются без телег и лошадей, многие из мобилизованных тоже возвращаются обратно. Нужда в лощадях по волости очень острая, годных к работе лошадей имеется по две, по три на целое селение, поэтому паровые остаются не вспаханные. Школ в волости 10, учительниц было 13, из которых 6 сбежали с колчаковцами, осталось 7 и из них 5 уехало в Сарапул. Колчаковцы запугивали всех тех, кто будет работать в советских учреждениях.

По Каракулинской волости зверства колчаковцев были ужасны. Вопрос с продовольствием стоит очень остро. Население волости колчаковцами разорено невозможно. Все продукты у крестьян отобраны и увезены. Крестьяне бедствуют и обращаются за помощью. Настроение волости бодрое и революционное.

По Полозовской волости колчаковцами произведена полная разруха. Нет трудоспособного населения. Колчаковцами уведены почти

все лошади. С колчаковцами убежало и мобилизовано все трудоспособное население. Опись имуществ, бежавших с колчаковцами закончена.

По Тойкинской волости. Отобраны последние коровы и лошади с телегами. Беззащитных жен, матерей и детей коммунистов, бедноту, колчаковцы пороли плетьми и отбирали у них имущество, до последней, как говорится, корки хлеба. Заставляли вырывать голыми руками похороненных красноармейцев.

По Агрызовской волости. Колчаковцами захвачено 5.000 пудов ржи Сарапульского Упродкома. Пабилла Обдулин—крупный богач, торговец выдал всех советских работников, при отступлении колчаковцев он бежал с ними. Колчаковцами была открыта в Агрызе волостная Земская Управа. Подати и недоимки собирались в спешном порядке. Собрано с населения около 500.000 руб. Затем собрано керенок для обмена на колчаковские деньги около 270.000 рублей. Многие домохозяева убежали с колчаковцами со своими семействами, а некоторые убежали, оставив свое семейство. В пределах волости колчаковцы сожгли два моста, по тракту. Колчаковцы отбирали лошадей, телеги и сбруи. Все ими увезено. Имущество бежавших описано.

Вообще из всех волостей уезда и от отдельных личностей поступают самые кошмарные сведения о зверствах и произволе колчаковцев, из чего видно, что Сарапульский уезд колчаковцы превратили в расстройство и разорение.

ПАОФ. Ф. 393, оп. 17, д. 67, 1919 г.

Из доклада инструктора П. Соловьева командированного с пароходом ВЦИК „Красная звезда" от 27 июня 1919 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Литература об Октябрьской революции и гражданской войне в Удмуртии чрезвычайно б е д н а. Кроме брошюры Сергеева „Ижевск в огне гражданской войны" да еще кое-каких тощих брошюр и отдельных статей и воспоминаний, разбросанных по различным журналам и газетам, работ на эту тему нет.

Книга тов. Ф. Макарова представляет собою первую попытку восполнить этот пробел, собрать и систематизировать имеющиеся на эту тему материалы. Автор привлек громадное количество документов, использовал различные воспоминания по этому вопросу, попытался дать стройную картину и социально-экономический анализ Октябрьской революции и гражданской войны в Удмуртии, но тем не менее работа т. Макарова не свободна от многих недостатков. Прежде всего нет достаточной стройности. Автор иногда забегает вперед, делает большие отступления, отвлекая читателя от хода описываемых событий. Не везде в книге дан достаточный анализ этим событиям. Социально-экономический очерк, который дан в первой главе, недостаточно увязан с последующими главами. Например, четко показав в первой главе двойной гнет, под которым находились до революции удмуртские трудящиеся массы, автор не показал, как этот двойной гнет отразился на их участии в Октябрьской революции и гражданской войне. Этого вопроса автор касается только в конце книги, в связи с колчаковщиной. Недостаточно четко показан процесс высвобождения трудящихся масс в период подготовки к Октябрю от эсэро-меньшевистского влияния.

Есть в книге и многие другие подобные недостатки.

Все это в значительной степени об'ясняется спешностью подготовки к печати и необходимостью выпустить ее к Октябрьской годовщине.

Несмотря на эти недостатки, книга тов. Макарова принесет определенную пользу трудящимся УАО и всем интересующимся поставленными в книге вопросами, как наиболее полная работа, систематизирующая и анализирующая громадное количество фактического и документального материала об Октябрьской революции и гражданской войне в Удмуртии. Задача автора—в последующих изданиях подвергнуть переработке свою книгу, исправив ее недостатки.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
I. Введение	3
II. Удмуртская деревня накануне Февральской революции	16
III. Промышленность края и рабочий класс накануне Февральской революции	20
IV. Февральская революция 17-го года в Ижевске	27
V. Удмуртия от Февраля к Октябрю	33
VI. Ижевская контрреволюция и подготовка к восстанию	43
VII. Вступление чехов на территорию нынешней Удмуртии и восстание в Ижевске	54
VIII. Первые шаги контрреволюции	60
IX. Причины контрреволюционных выступлений в районе	66
X. Ижевск и его район под пятой учредиловцев	73
XI. Борьба частей Красной армии против „Прикамской учредилки“	89
XII. Удмуртия под гнетом Колчаковщины	101
Приложения	122

От. редакт. М. Волков; тех. ред. А. Клабуков; подготовил к печати Е. Шект; выпускающая А. Борисова. Сдано в производство 8 октября; подписано к печати 19 ноября 1932 г. об'ем 7¾ п. л.; в 1 п. л. 45.632 тип. зн.

Облит № 314 Заказ № 2781—32 г. Удгиз № 65 Тираж 5000

Типография УДГИЗ'а, г. Ижевск, ул. Энгельса 4

Товарищи читатели!

Напишите отзыв об этой книге и сообщением дополнительных материалов примите соучастие в дальнейшей разработке излагаемой в книге темы.

Адрес: г. Ижевск, ул. Ленина, д. 15—Удгиз.